

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

2017
№ 2–3

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков, С.Д. Князев, А.И. Коробеев, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2017
№ 2–3**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:
690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ,
корп. А (24), к. А920–923
Дальневосточный федеральный университет
Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-1

Владивосток
Дальневосточный федеральный университет
2017

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin,
E.P. Zharikov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2017
№ 2–3**

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:
Far Eastern Federal University
A920–923 Office, Bldg. A (2), Ajax St.,
Vladivostok, Russky Island, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Registration Certificate ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-1

Vladivostok
Far Eastern Federal University
2017

Содержание

К читателям журнала	6
ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АТР	
<i>Курилов В.И., Абрамов А.Л., Матвиенко Н.Н.</i> Оценка тенденций развития экономики Азиатско-Тихоокеанского региона на основе соотношения человеческого капитала и материальных активов	9
<i>Арапова Е.Я.</i> Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и перспективы торговой интеграции в формате АТЭС: сценарный подход	29
<i>Кукла М.П.</i> Экономическая политика новой администрации Республики Корея и перспективы российско-корейского сотрудничества	47
<i>Гутенев М.Ю.</i> Арктическая стратегия Пекина в XXI в.: прогнозы и тенденции	57
<i>Костюкова О.И., Богатырева С.В., Антонец Д.В.</i> Конкурентоспособность транспортной группы FESCO и крупнейших в мире судовладельческих компаний	68
ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	
<i>Жариков Е.П.</i> Дальний Восток в спектре развития экономики России	79
<i>Лосев А.С.</i> Анализ спортивной инфраструктуры Приморского края	90
РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	
<i>Шеховцов В.А., Поливода Я.В.</i> Особенности правового регулирования статуса парламентариев в странах Азиатско-Тихоокеанского региона	103
<i>Мальцев А.А.</i> Правовые и политические аспекты противодействия делинквентному поведению несовершеннолетних в Республике Корея	117
<i>Сюй Сяобо.</i> Развитие законодательства о религии в КНР: опыт, проблемы, противоречия	129
ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
<i>Коробеев А.И., Ролик А.И., Романова Л.И.</i> Уголовно-правовая борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: компаративистское исследование	144
<i>Дремлюга Р.И., Мохд Хазми Бин Мохд Русли.</i> Борьба с киберпреступностью в Малайзии (уголовно-правовые и криминологические аспекты)	160
<i>Лобач Д.В.</i> Современные террористические угрозы в Юго-Восточной Азии	171
<i>Аверьянова Ю.В.</i> История и тенденции развития института конфискации имущества в уголовном праве Китая	191
Сведения о членах редколлегии	204

Contents

To the Readers	7
PROSPECTS OF ECONOMIC RELATIONS IN THE APR	
<i>Vladimir I. Kurilov, Alexander L. Abramov, Nicholas N. Matvienko.</i>	
Evaluation of economic development trends of the Asia-Pacific region based on the relationship between human capital and material assets	9
<i>Arapova Ekaterina Y.</i> The free trade area of the Asia-Pacific and prospects for trade integration with in APEC: scenario approach	29
<i>Kukla Marina P.</i> Economic policy of South Korea's new administration and prospects of Russian-Korean cooperation	47
<i>Gutenev Maxim Y.</i> The arctic strategy of Beijing in the 21 st forecasts and trends	57
<i>Kostyukova Oksana I., Bogatyreva Svetlana V., Antonets Darya V.</i> Competitiveness of the FESCO transport group and the world's largest ship-owning companies	68
ECONOMY OF THE FAR EAST	
<i>Zharikov Evgenie P.</i> Russian Far East in the spectrum of Russian economic development	79
Losev Alexandr S. Analysis of the sports infrastructure of Primorsky Krai	90
REGULATION OF PUBLIC RELATIONS	
<i>Shekhovtsov Victor A., Polivoda Yana V.</i> Features of legal regulation of the status parliamentarians in the countries of the Asia-Pacific region	103
<i>Maltsev Alexandr A.</i> Legal and political aspects of counteracting juvenile delinquent behavior in the Republic of Korea	117
<i>Xu Xiao Bo.</i> Development of legislation on religion in the People's Republic of China: experience, problems, contradictions	129
EXPERIENCE OF CRIMINAL LEGAL LIABILITY	
<i>Korobeev Alexander I., Rolik Alexander I., Romanova Larisa I.</i> Legal counteraction to illegal drug trafficking in Asian Pacific countries: comparative research	144
<i>Dremluga Roman I., Mohd Hasmi Bin Mohd Rusli.</i> Fight against cybercrime in Malaysia (criminal and criminological aspects)	160
<i>Lobach Dmitriy V.</i> Modern terrorist threats in Southeast Asia	171
<i>Averyanova Yulia V.</i> History and development tendency of confiscation of property confiscation in criminal law of China	191
Editorial Board's Data	204

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы;
- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках; E-mail для связи с читателями;
- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;
- список литературы (на русском яз.) и References (на англ. яз.) – в конце статьи;
- поля: все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-1.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "The Pacific Rim: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;

- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;
- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references (list of Literatours in Russian languages and References in English languages should be placed at the end of the article); margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail (*all you need to draw on the model of 2016*);
- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20);
- links placed in square brackets, for example, «According to [5], or the cited reference [5, p. 18]».

We hope that the journal the Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor. Use the following internet link to access the journal's website: ap-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-22-24 (*2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АТР

PROSPECTS OF ECONOMIC RELATIONS IN THE APR

УДК 338.1:330.5(5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/9-28

В.И. Курилов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kurilov.vi@dvfu.ru

А.Л. Абрамов²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: abramov.al@dvfu.ru

Н.Н. Матвиенко³

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: matvienko.vlc@gmail.com

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА НА ОСНОВЕ СООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И МАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции развития экономики расширенного АТР на основе обеспеченности человеческого капитала материальными активами. Под расширенным АТР понимается совокупность традиционных государств

¹ Владимир Иванович Курилов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, научный руководитель Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

² Александр Львович Абрамов, кандидат технических наук, почётный работник высшей школы РФ, профессор кафедры математических методов в экономике Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

³ Николай Николаевич Матвиенко, заведующий лабораторией научно-образовательного центра Дальневосточного федерального университета «Дальневосточный центр экономического развития и интеграции России в АТР», Владивосток, Россия.

Для цитирования: Курилов В.И., Абрамов А.Л., Матвиенко Н.Н. Оценка тенденций развития экономики Азиатско-Тихоокеанского региона на основе соотношения человеческого капитала и материальных активов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 9–28.

АТР, а также Россия, Тихоокеанские страны Северной и Южной Америки, т.е. страны Тихоокеанского кольца.

Широко распространённая точка зрения на регион как место сосредоточения быстрорастущих экономик не подтверждается статистикой. Рост национального богатства стран АТР идёт медленно. Человеческий капитал является крупнейшей частью национального богатства. Его исследование позволяет составить представление о будущих преобразованиях материальной экономики и возможностях управления этими преобразованиями. В 1990 г. лидерство среди стран АТР в обладании человеческим капиталом принадлежало США. Вторым по значимости центром сосредоточения человеческого капитала была Япония. За последние 25 лет ситуация изменилась. Произошло перераспределение человеческого капитала, которое привело к формированию полицентрической модели.

Человеческий капитал, как потенциальная способность людей превращать окружающий мир в экономику, реализует эту свою способность в приложении к материальному миру – активам, основным фондам материальной экономики. В этом контексте обеспеченность человеческого капитала материальными активами (отношение стоимости человеческого капитала к основным фондам) является важным фактором обеспечения роста экономики.

Доходы, генерируемые экономикой АТР, растут медленнее, чем стоимость основных фондов. Доходность совокупных основных фондов стран региона медленно снижается и может привести к обесцениванию основных фондов. Возможностью для преодоления этой неблагоприятной тенденции мог бы стать совместный поиск новой инвестиционной парадигмы, непривязанной к доходности материальных активов. В качестве одной из гипотез такой парадигмы могла бы стать идея совместного инвестирования в человеческий капитал в рамках АТЭС.

Сопоставление динамики изменения стоимости совокупного человеческого капитала и материальных активов (основных фондов) проявляет картину устойчивой корреляции периодов кризисных явлений с моментами переизбытка совокупного человеческого капитала в АТР. В результате можно предположить, что очередное масштабное замедление экономики АТР может произойти в 2018–2019 гг.

Ключевые слова: тенденции, развитие, экономика, АТР, национальное богатство, человеческий капитал (ЧК), материальные активы (МА), основные фонды, структура, динамика, доходность, отношение стоимости ЧК и МА, Китай, США, Япония, Индия, Россия, Канада, Республика Корея, Австралия, Индонезия, Мексика, страны АТР.

V.I. Kurilov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kurilov.vi@dvfu.ru

A.L. Abramov²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: abramov.al@dvfu.ru

N.N. Matvienko³

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: matvienko.vlc@gmail.com

**EVALUATION OF ECONOMIC DEVELOPMENT TRENDS
OF THE ASIA-PACIFIC REGION BASED ON THE RELATION
BETWEEN HUMAN CAPITAL AND MATERIAL ASSETS**

Abstract. The article considers the trends of the economic development in the countries of an extended Asia Pacific region (APR) based on the availability of material assets to the human capital. We understand the extended APR as a larger entity that includes Russia and the Pacific Ocean countries of North and South Americas (countries of the Pacific ring) in addition to the abovementioned APR States.

The widespread view on the region as a place of concentrated fast-growing economies is not supported by statistics. The growth of the APR national wealth is slow with human capital being a major part of the national wealth. Human capital research allows forming a future vision of material economy transformations and its possible managing. In 1990, the USA took up a leadership position in human capital possession among APR countries. Japan was the second largest center of human capital concentration. These two countries owned approximately $\frac{3}{4}$ of the regional human capital resource. The situation has changed in the last 25 years: human capital has been redistributed, finally leading to the polycentric model formation.

¹ Vladimir Ivanovich Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia, Scientific Director of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Alexander Lvovich Abramov, Candidate of Technical Sciences, Honorary Worker of the Higher School of Russia, Professor of the Department of Mathematical Methods in Economics of the School of Natural Sciences of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Nikolai Nikolayevich Matvienko, Head of the Laboratory of the Scientific and Educational Center of the Far Eastern Federal University "Far Eastern Center for Economic Development and Integration of Russia in the Asia-Pacific Region", Vladivostok, Russia.

For citing: Kurilov V.I., Abramov A.L., Matvienko N.N. Evaluation of economic development trends of the Asia-Pacific region based on the relationship between human capital and material assets // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 9–28.

Human capital, as a potential ability of people to transform the surrounding world into the economy, applies this ability towards the material world – assets, tangible fixed assets of the economy. In this context, providing the human capital with tangible assets (the ratio of the value of human capital to capital funds), can be considered a key factor of economic growth.

Revenues, generated by the APR economy, are growing more slowly than the value of capital funds due to the additional management costs. The returns of regional capital funds have been reducing slowly and can lead to depreciation of capital assets. A joint search for a new investment paradigm, not tied to the profitability of tangible assets, can be performed in order to overcome this unfavorable trend. The idea of co-investing into the human capital within the APEC can become a hypotheses of this paradigm.

Comparisons of the dynamics in the changes of value of the total human capital and tangible assets (fixed assets) show a consistent correlation of the crisis periods with the moments of excess of the global human capital. As a result it can be assumed that the next large-scale slowdown in the economy of Asia-Pacific region may occur as early as 2018–2019.

Key words: trends, development, economy, APR, national wealth, human capital (HC), tangible assets (TA), fixed assets, structure, dynamics, profitability, the ratio of the value of the HC and TA, China, USA, Japan, India, Russia, Canada, Republic of Korea, Australia, Indonesia, Mexico, APR countries.

The beginning of the XXI century is marked by the displacement of the center of economic growth in the Asia-Pacific region. Whereas, advanced development of the APR is not just the formation of another power center. In fact, there is a change in the entire system of world order, including mechanisms for making key decisions (the emergence and drastic increase of the role of the informal Association of leading developed and developing countries – the G20 and the weakening of the role of the G7, the increasing role of China) [1].

The policy pursued by the US Administration, aimed at adapting of the U.S. economy to a “life within its means” is indicative against this background:

- Reduction of crude oil imports by 100 million ton per annum over the last three years.
- Refusal to import LNG and efforts to export it.
- Foreign policy measures on guaranteed securing of the country by the energy natural resources.

The process of globalization is intensive and manifested as the creation of a free trade zones network, like NAFTA, MERCOSUR, Australia and New Zealand free trade zone, CARICOM, LAIA, ANCOM, etc., as well as by distinct specialization of the regions and macro-regions in the global division of labor and the co-ordination of efforts in achieving common objectives.

The economy globalization process takes the form of integration of countries into international organizations (with different levels of institutional development) [1]:

- on the basis of geographic proximity (ASEAN, SCO, BIMSTEC, USAN, ACP, ALBA, PIF), countries are joining global structures spanning nearly whole continents (Asia-Europe forum, ACD, OAS, CICA); railways, roads, power lines, pipeline networks are playing a leading role in the integration of the continent (the latter is especially intensive in CIS – EU, CIS – China and North America);
- on the basis of “Ocean Rims” forms, which is to create and develop maritime trade routes and global trade zones and division of labor, cooperation and support, including military cooperation (NATO, COI, APEC, and ARCIO).

The most developed of the three global “Ocean Rims” is the ring of countries adjacent to the Atlantic Ocean, which is most pronounced in its Northern part and is the most intensive area of global trade and cooperation of the US – EU, up to the largest military Alliance – NATO. The RIM of the countries on the Atlantic Ocean is the most developed among the three global “Ocean Rims”. Its northern USA-EU section is the zone with the most intensive global trade and cooperation, and the region with the largest military alliance – NATO.

Nowadays, the Atlantic Rim is no longer the catalyst of global development. This region has reached a level of sustainability, and its future role is very likely to be a global intellectual center.

The Pacific Rim, including the countries located on the perimeter of the Pacific Ocean, is now the main driving force in global development. This is the area, where the trade and transportation flows have shifted to; the area with the largest growth in sea and air routes, with cargo and passenger traffic; the area, where the largest segments of industrial and agriculture goods are produced. The majority of the labor, mineral and natural resources of the planet are concentrated there.

The development of leading technologies is booming in countries on the Pacific Rim (Silicon Valley in the USA, technology parks in Japan, China, and Australia). And the main space ports of planet are also located there.

The Indian Ocean Rim, apart from the section adjacent to the Pacific Rim, is the region with most unrealized potential, the real possibilities of which, most likely, will become apparent in the second part of 21st century.

Russia is part of the Eurasia continent and also part of the Pacific Rim (extended APR)¹.

¹ The Asia-Pacific region (APR) traditionally means the following set of countries: Australia, Afghanistan¹, Bangladesh, Brunei, Vietnam, India, Indonesia, Cambodia, China (as a rule including Hong Kong and Macao), North Korea, Laos, Malaysia, Mongolia, Myanmar, Nepal, New Zealand, Pakistan, Papua New Guinea, South Korea, Singapore, Thailand, Taiwan, Philippines, Sri Lanka, Japan, Butane, East Timor, Maldives Republic, Vanuatu Republic, Kiribati Republic, Cook Islands, Marshall Islands Republic, Nauru Republic, Niue, Palau Republic, Samoa, Solomon Islands, Tonga, Tuvalu, Micronesia Federative States, Fiji Islands Republic. All these countries are usually referred to as the Asia-Pacific Region (APR) in international books and records. Russia is not included.

Cyclical nature of the APR economy (significant part of the World economy) will inevitably show itself in the forthcoming 15 years. The several types of cycles are distinguished in the economy:

1. The annual (short-term) cycles are associated with seasonal fluctuations under the influence of changes in climatic conditions and time factor.

2. The short term cycles, the duration of which is estimated to be 40 months that is slightly more than 3 years, are mainly associated with the fluctuations of world reserves of highly liquid (exchange) goods.

3. The medium term, or industrial, cycles may have 7–12 years duration, though their classic style covers approximately 10-years period. It is associated with multiple-factor model of disturbance and restoration of economic balance, proportionality and balance in the national economy.

4. The construction cycles have 15–20 years duration and are determined by length of fixed capital renewal. These cycles tend to decrease under the influence of scientific-and-technological advance factors, causing obsolescence of equipment and conduction of the accelerated depreciation policy.

5. The big cycles have 50–60 years duration; they are mainly caused by dynamics of scientific-and-technological progress (the Kondratieff cycles).

The data, accumulated as the result of statistical monitoring of the global economy in recent decades, allows supplementing the picture by factor of the cyclical impact of human capital on economic growth.

The structure of the national wealth in the Asia-Pacific Region. National wealth is the combination of physical, financial, human and natural capital of the country in a cost assessment.

The growth of national wealth of Asia-Pacific countries is slow. A widespread point of view on the region as the place of concentration of fast-growing economies is not confirmed by statistics.

For example, the conclusion that the real growth of the world economy over the past 25 years hasn't reached more than 6%, and the Asia-Pacific region in its dynamics practically does not differ from the global benchmarks was made by the research "Inclusive Wealth Report 2014: Measuring progress toward sustainability", held in the frames of the UN program "International Human Dimensions Programme on Global Environmental Change 2014" [2].

The reason for such a misleading impression of "growth" is that consumption in the Asia-Pacific region also is growing along with GDP growth and production growth

In this paper, we will understand the APR as a larger entity that includes, besides the listed APR states, Russia and Pacific Ocean countries of North and South America (Canada, Mexico, the USA, Guatemala Republic, Honduras Republic, Columbia Republic, Republic, Costa Rica Republic, Nicaragua Republic, Panama Republic, Peru Republic, Salvador Republic, Chili Republic, and Ecuador Republic).

(which are impressive), and as the result their difference is growing slowly. In addition, the national wealth of a number of economically developed countries, especially the USA and Japan, is growing mainly due to issue of the debt obligations.

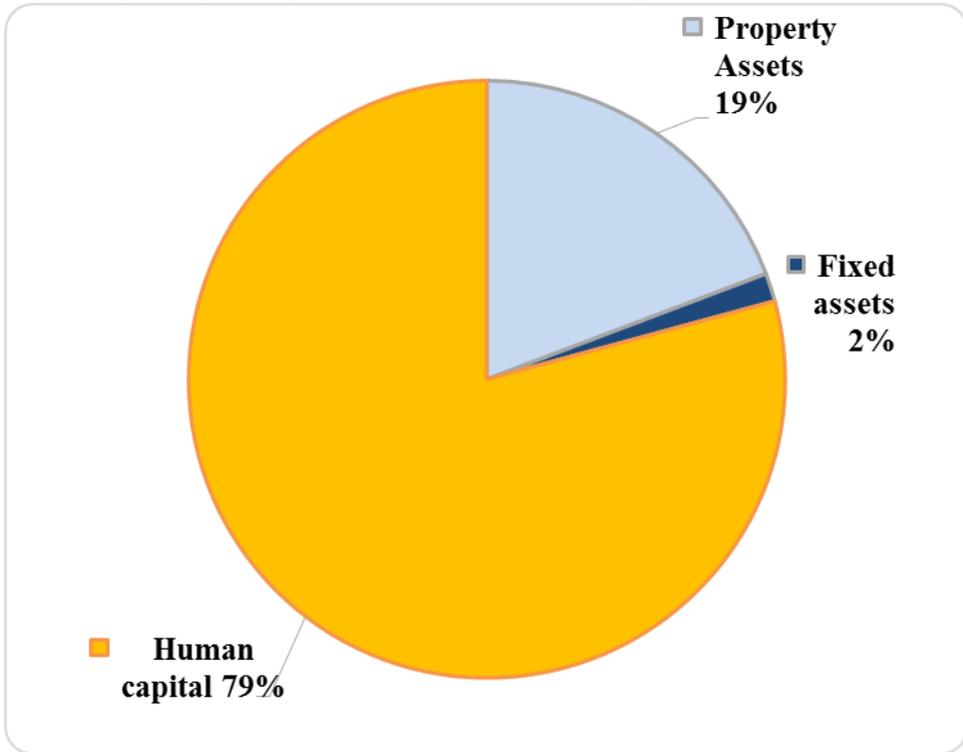

Fig. 1. Structure of the national wealth of the APR countries (2012), %
Source: calculated, based on the data from <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4> [3]

The structure of national wealth (Fig. 1) also has not changed if only the major components are considered. It consisted of 79% of the human capital and 21% of material economy: property and non-property assets, connected with property, and also tangible assets – fixed assets, by 2012 [3].

Human capital of the APR: review of the tendencies (1990–2014). The largest part of national wealth is human capital, the development of which is associated with the following critical factors: people, actually, and that part of the world that people could enter into the economic turnover (with property and non-property assets associated with the property, as well as the tangible assets – the so-called "material economy").

This relation defines the need of measurement of the human capital in the system of the scales, accepted in relation to the objects of material economy.

The human capital (HC) by its nature as well as any other capital is the value, which is potentially associated with the ability to obtain future results.

Thus, research of the human capital allows making a vision of the future transformations of material economy and management of these transformations.

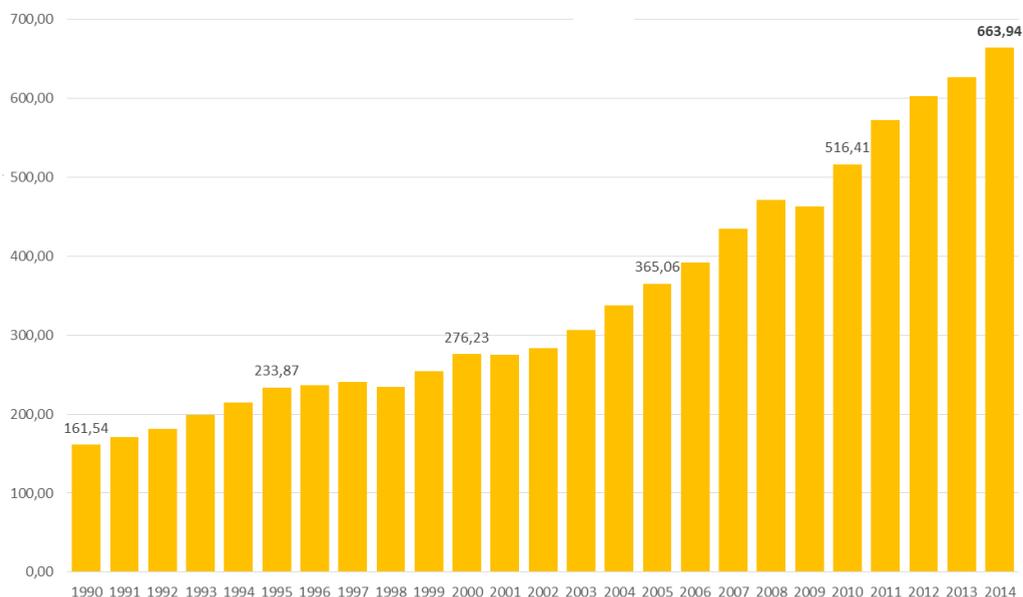

Fig. 2. Dynamics of the cumulative HC of the countries of the Asia-Pacific Region, US\$ trillions
Sources: calculated, based on the data from: World Population Prospects, the 2012 Revision [4], The World Population Prospects: 2015 Revision [5]

This approach makes it possible to obtain an estimate of the value of the human capital of the APR countries in dynamics (Figure 2). The HC increased from US\$ 161 trillion up to US\$663.94 trillion¹ (4 times) over the past 25 years (1990–2014).

The distribution of the human capital across countries in the Asia Pacific region has also changed during the past years. The absolute leadership among Asia-Pacific countries in possession of the human capital belonged to the USA in 1990. The second largest concentration center of human capital was Japan. These two countries accounted for about $\frac{3}{4}$ of available human capital of the APR (Fig. 3).

The situation has changed in the period from 1990 to 2014. There was a redistribution of human capital that led to the formation of a polycentric model. The new centers of

¹ The calculations use the data of the United Nations Statistical Review of Population <http://esa.un.org/unpd/wpp/> World Health Statistics 2014. / World Health Organization 2014 [6], http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/112738/1/9789240692671_eng.pdf, Estimates of economic growth in the world economic between AD 1 and 2010 [7], <http://www.ggd.net/maddison/maddison-project/abstract.htm?id=4> [8]. The methodology described in Human Capital Estimates, 2010, Richard Jones and Valerie Fender, Office for National Statistics (ONS) is used for the calculation UK, <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/wellbeing/human-capital-estimates/2010/human-capital-estimates-2010.html> [9].

its concentration in addition to USA and Japan were designated: China, India, Russia, Australia, and Canada (Fig. 4, 5).

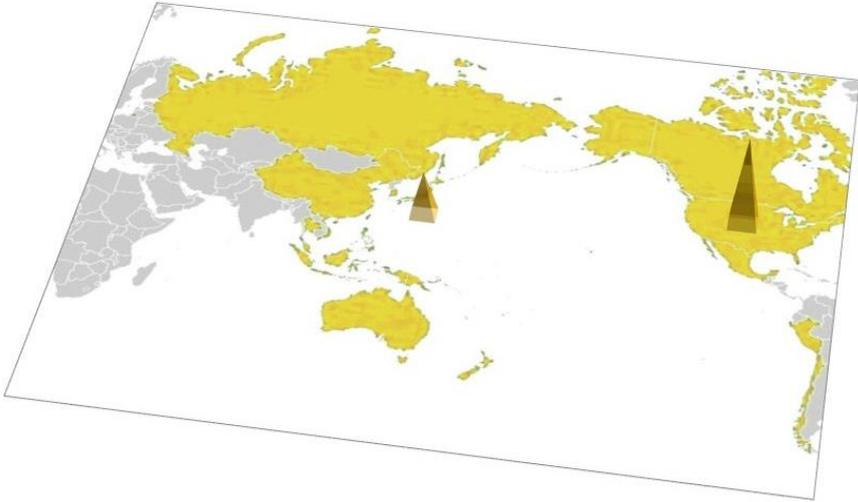

Fig. 3. Visualization of geography of distribution of the human capital of the APR countries in 1990, US\$ billions

Source: calculated, based on the data from data: World Population Prospects, the 2012 Revision [4], The World Population Prospects: 2015 Revision [5]

Fig. 4. Visualization of geography of distribution of the human capital of the APR countries in 2014, US\$ billions

Source: calculated, based on the data from: World Population Prospects, the 2012 Revision [4], The World Population Prospects: 2015 Revision [5]

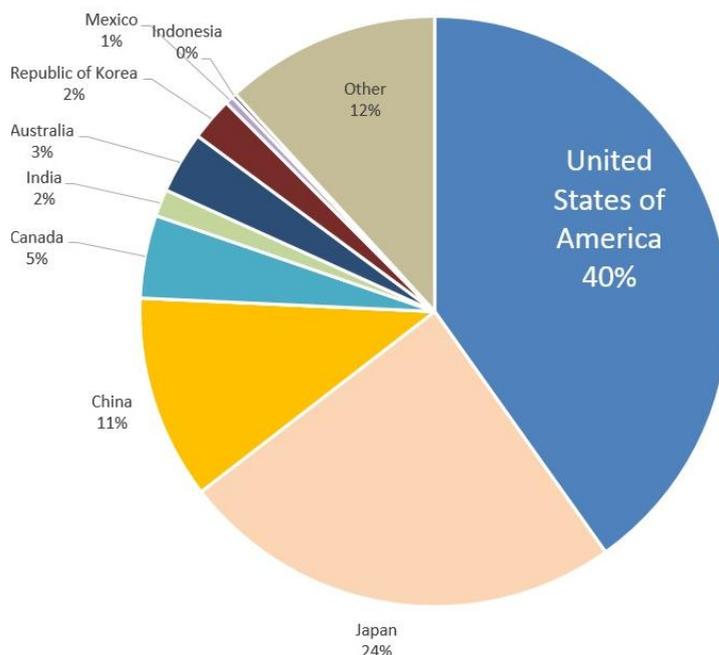

Fig. 5. Distribution of human capital of the APR countries in 2014, %

Source: calculated, based on the data from: World Population Prospects, the 2012 Revision [4], The World Population Prospects: 2015 Revision [5]

Fixed assets of APR countries: review of trends (1990–2014). The second most important part of the national wealth is the components of the "material economy": property assets and fixed assets, stable statistics is available with respect to the latter. According to the World Bank, it is possible to compile a picture of the overall growth of these assets and their distribution among the APR countries [3].

Figure 6 shows the dynamics of changes in the fixed assets of the APR countries. The fixed assets have increased about 4 times from US\$3.09 trillion up to US\$12.18 trillion¹ over the past 25 years (1990–2014).

The distribution of fixed assets in the APR countries has also changed over the past years. The United States and Japan held the absolute leadership among the countries of the macroregion in the possession of fixed assets in 1990. These countries accounted for about 2/3 of the available fixed assets of the APR (Fig. 7).

¹ The calculations used data: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4>

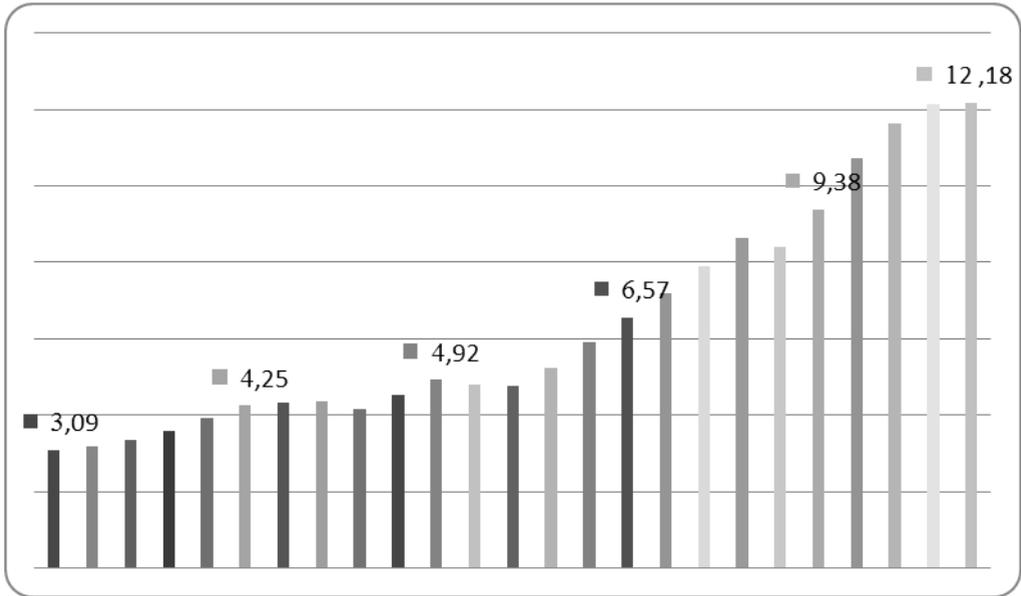

Fig. 6. Dynamics of aggregate fixed assets of the Asia-Pacific countries, US\$ trillions

Source: calculated from data <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4> [3]

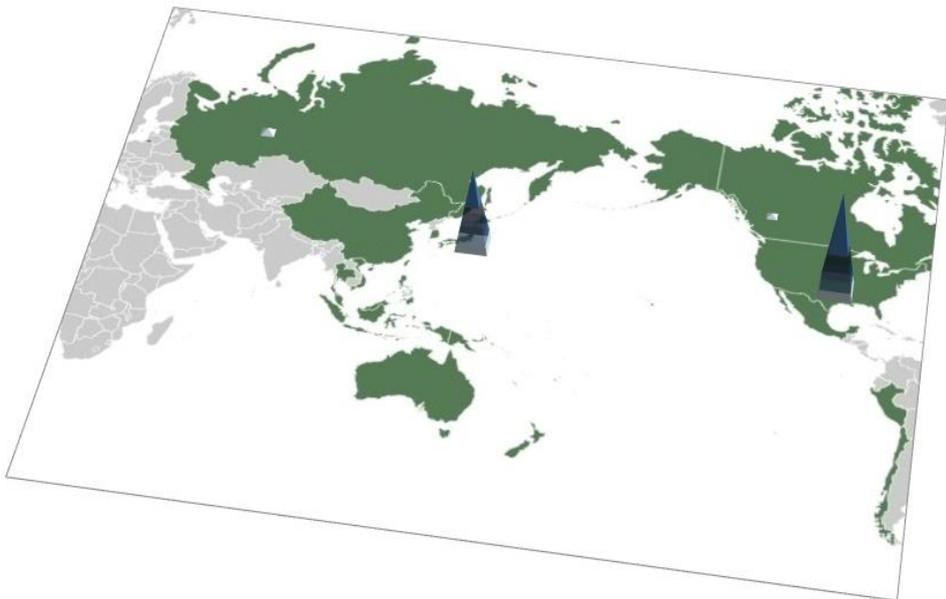

Fig. 7. Visualization of the geography of distribution of fixed assets by the countries of the Asia-Pacific Region in 1990, US\$ billions

Source: calculated from data <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4> [3]

The situation has changed for the period from 1990 to 2014. Unlike the dynamics of human capital in relation to the material wealth of national economies, it is already possible to state the fact of a leader's change: even the economies of the USA and Japan had the largest weight in the Asia-Pacific region in 1990, and then leadership was transferred to China's economy by the scale of material assets, by 2014. There was a redistribution of fixed assets, which, like in the case of human capital, led to the formation of a polycentric model. The new centers for the formation of fixed assets appeared. China took the first place, and is followed by the USA, Japan (formerly the first and second places), India, Russia, Canada, Republic of Korea, Australia, Indonesia, Mexico and other countries (Fig. 7, 8, 9).

The analysis of the dynamics of the security of human capital by the main funds of the APR countries. Human capital as a potential ability of people to transform the world into the economy, implements this ability in the application to the material world – the assets, fixed assets of the material economy. Thus, the final result of economic growth depends on the one hand on scales of the human capital, and on the other – on the size of the available material assets, to which it can be applied.

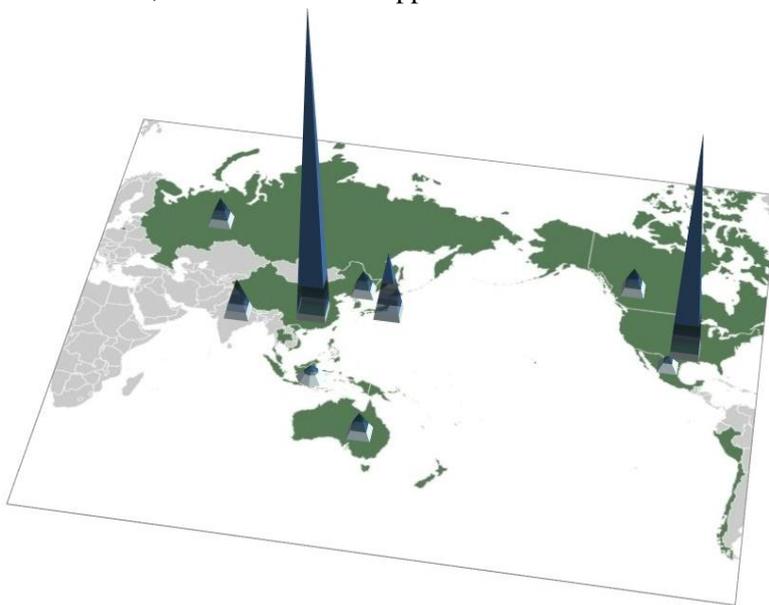

Рис. 8. Visualization of the geography of distribution of fixed assets by the countries of the Asia-Pacific Region in 2014, US\$ billions

Source: calculated from data <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4> [3]

In this context, security of human capital by the tangible assets (the ratio of the value of human capital to fixed assets), can be considered as a key factor of growth.

The group of countries, leading in the indicator of the security of national human capital assets and headed by China, was formed in the Asia Pacific region by the end of

2014: Singapore, Vietnam, Bangladesh, Republic of Korea, India, and Indonesia (Fig. 10). Dynamics of the Russian economy by this indicator has a steady positive trend with the prospect to catch up with the leaders group by 2020-2025, if Russia will be able to consider and prevent possible crises.

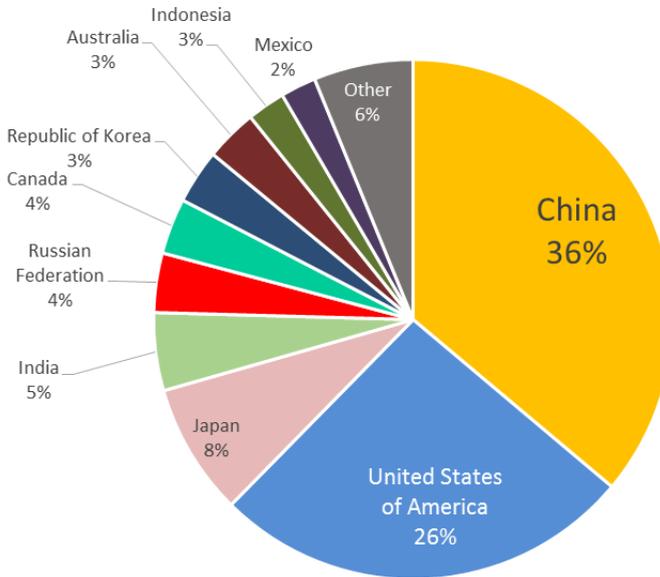

Fig. 9. Distribution of fixed assets by countries of the Asia-Pacific region in 2014, %

Source: calculated from data: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4> [3]

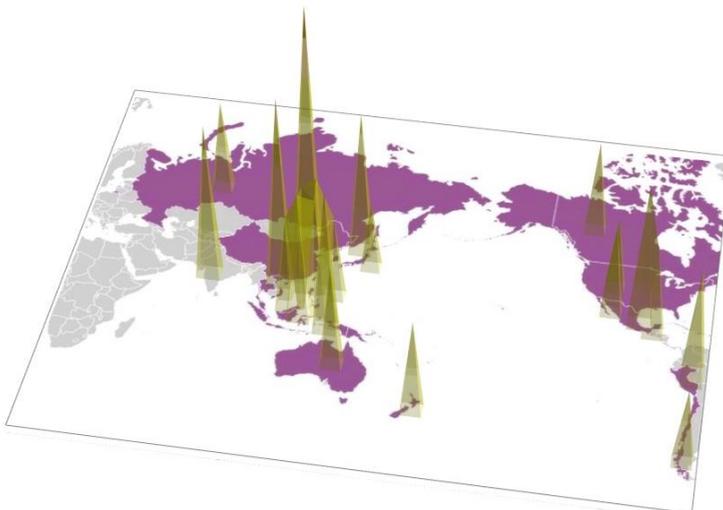

Fig. 10. Visualization of the geography of the distribution of the human capital security by the fixed capital in the APR countries in 2014, US\$ billions

Source: calculated from data <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4> [3]

Let's consider the tendencies of change of profitableness of fixed capital, the human capital and their parity.

The income generated by world economy grows more slowly, than the cost of fixed capital. Thus, profitability of fixed capital is falling¹. As additional expenses are necessary for service of the latter, the scenario of achievement of a point of "zero profitability" is hypothetically probable.

Profitability of the gross fixed capital of the countries of the macro region is reduced with speed, which is equal to about 0,091% for every 10 years (Fig. 11). This, at the first sight, imperceptible decrease was observed only in the analysis of long time intervals. Those, who invest in large-scale infrastructure projects with considerable terms of realization, face it. And, as a rule, investors are guided by the economic situation of the concrete country, where such projects are realized within local markets.

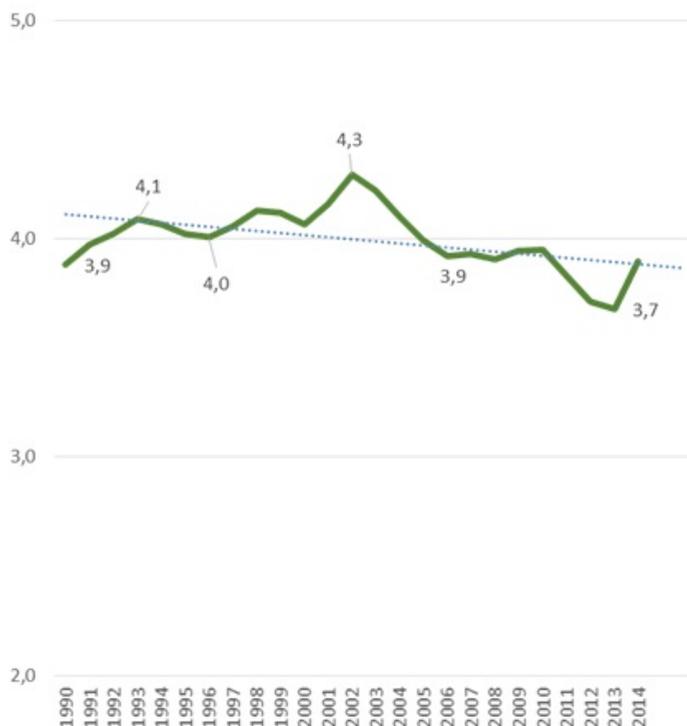

Fig. 11. The profitability of the aggregate fixed capital of the countries of the Asia-Pacific region (GDP / GFC) is decreasing, %

Source: calculated from World Bank data, based on the methodology set out in the UNU-IHDP and UNEP (2014). Inclusive Wealth Report 2014. Measuring progress towards sustainability. Cambridge: Cambridge University Press [10]

¹ The ratio of the Gross domestic product (GDP) to Gross fixed capital (GFC)

The signs of this global trend are also observed in the Asia-Pacific region.

The usual solution for investor is to search for the most favorable country and/or area with convenient investment climate. There is inner regional difference of profitability of fixed capital of economies of various countries at each moment, which finally defines their investment attractiveness.

However, this decision is unacceptable for the APR economy in general: all countries, no matter how they are favorable for investment in comparison with each other, sooner or later will come to a total crash point.

In this sense, an alternative to the current competition for "last in the line" might be a joint search for "emergency exit": the new investment paradigm that is not tied to the profitability of tangible assets.

As one of the hypothesis of such a paradigm could be the idea of joint investment in human capital in the framework of multilateral international organizations like APEC.

The growth of cost of the global human capital also advances the growth of the income (profitability decreases, Fig. 12). However, this advance is slow (about 0.07% in 10 years). Thus, approach of the moment, when the global income is generated only by the economy, connected with services, which will maintain material economy, is possible.

One of the conditions for maintaining the economic balance in the APR is the balance between the value of human capital and the value of the material assets of national economies. In other words, the normal turnover of human capital must be provided with material resources (Fig. 13).

Comparison of the dynamics of changes in value of gross human capital and tangible assets (fixed assets) shows a picture of a stable correlation of crisis moments with periods of global human capital excess in APR. The security of human capital by fixed capital begins to decline for 2-3 years preceding the crisis. A "gap" of excess human capital from the material economy happens, generating abnormal market volatility. In particular, such "gap" has been observed since 2015. As a result it can be assumed that the next large-scale slowdown in the economy of Asia-Pacific region may occur as early as 2018–2019 (Fig. 14).

Any "forecast" of the crisis should be done very carefully and be perceived critically. In any case, they are merely probabilistic in nature, as the APR economy is not completely closed system. It is susceptible to a large number of non-economic disturbances as natural and man-made, which can modify the nature of changes in the value of assets in a very wide range.

In general, we can assume with high probability that for the period longer than 10-15 years, despite the cyclical crises, economies of Asia-Pacific region will grow as a result.

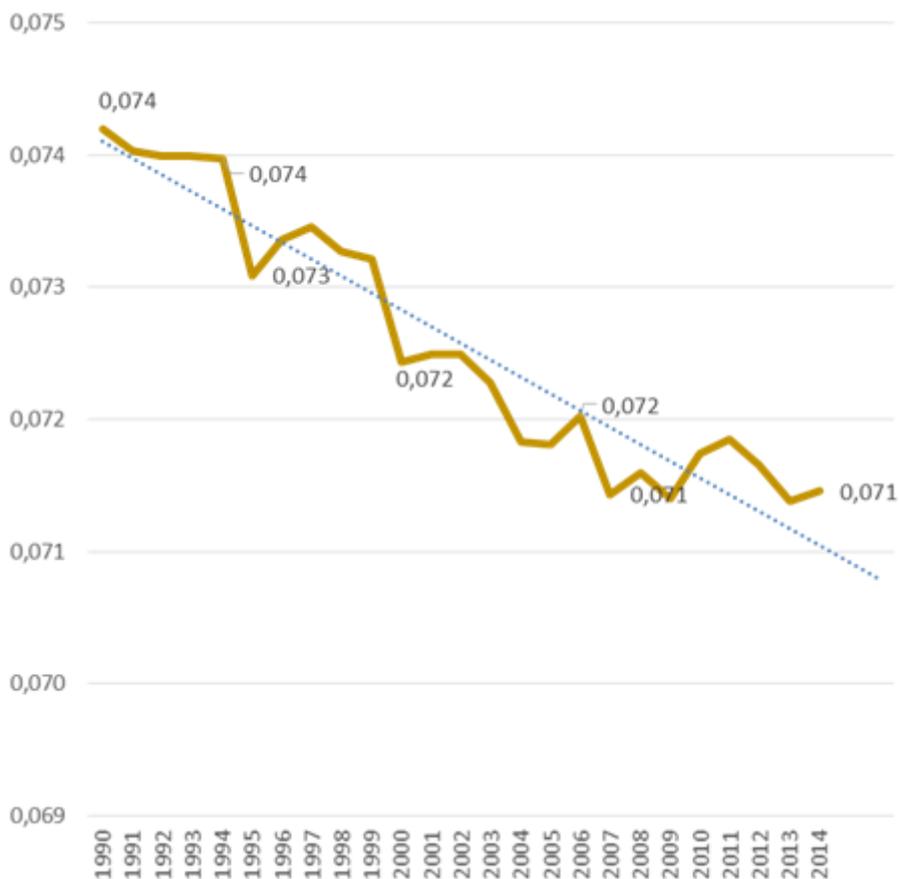

Fig. 12. The profitability of the aggregate human capital of the APR countries (GDP / HC) is slowly decreasing, %

Source: calculated from data

<http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4> [3]

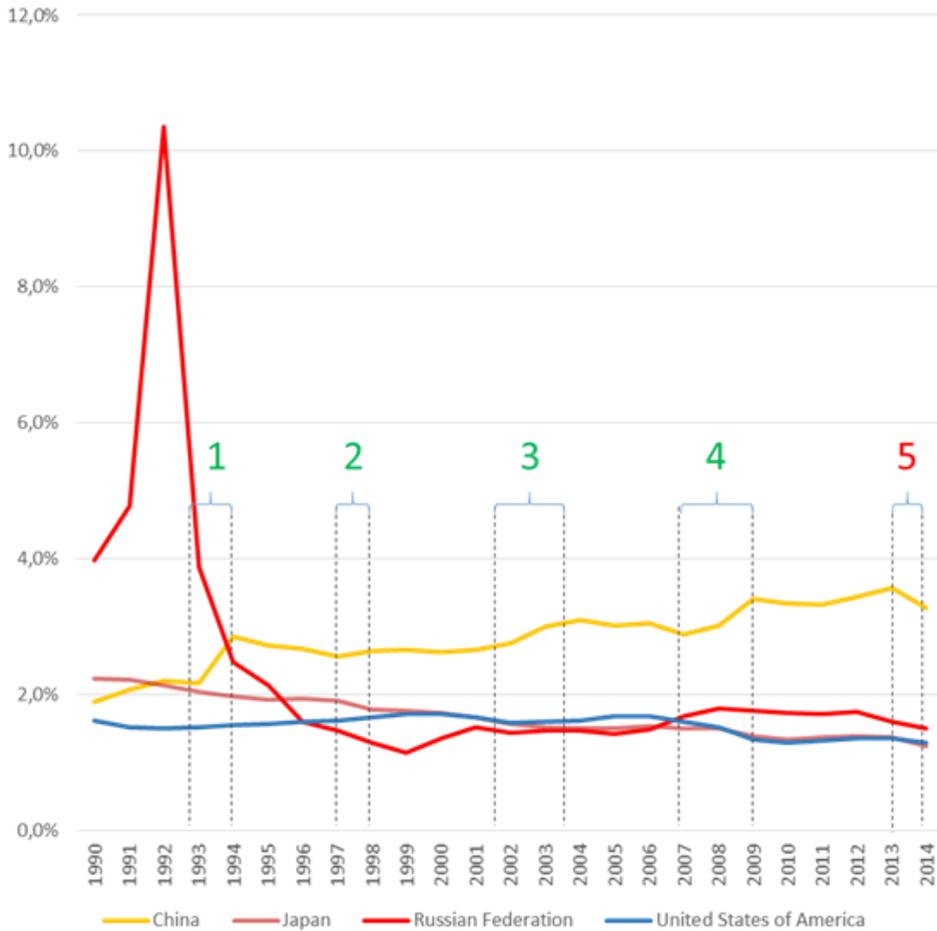

Fig.13. The tendency of the security of human capital by the fixed capital for some countries of the Asia-Pacific Region (GFC / HC), %

Calculated from data Maddison Project Database

<http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/abstract.htm?id=4> [11]

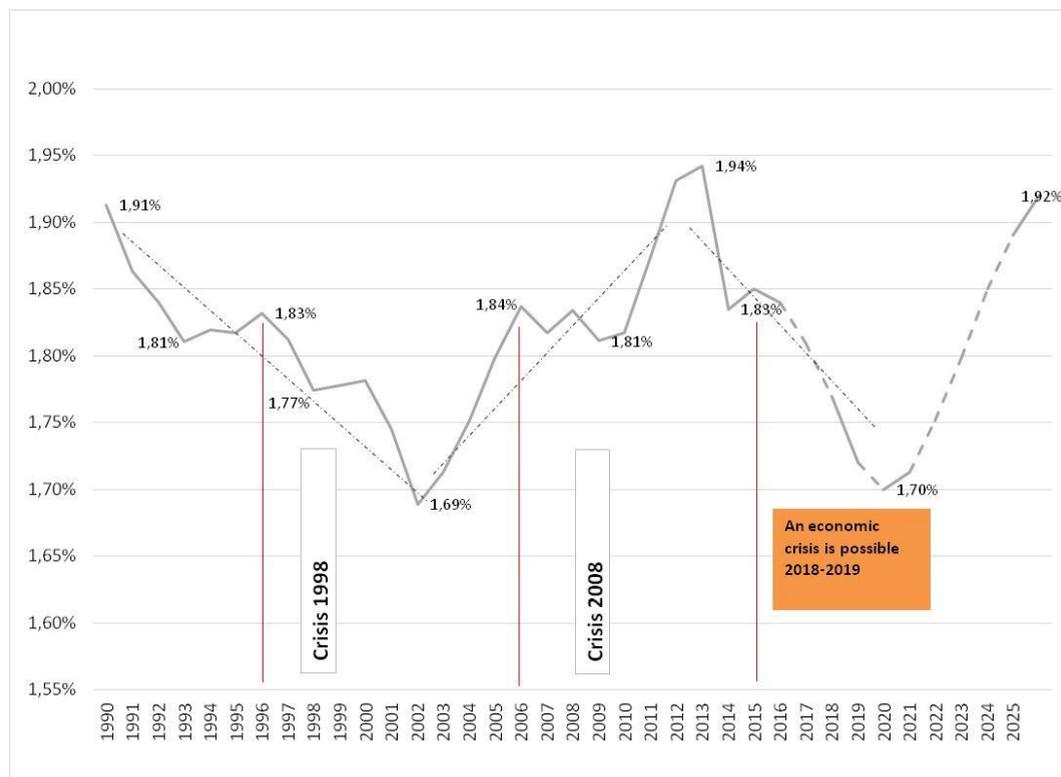

Fig. 14. The trend of human capital security by the main funds of the Asia-Pacific countries (GFC / HC), %

Calculated from the Maddison Project Database <http://www.ggd.net/maddison/maddison-project/abstract.htm?id=4> [11]

Conclusion

1. Widespread view on the region as a place of concentration of fast-growing economies is not supported by statistics. The growth of the APR national wealth is slow. Human capital is major part of the national wealth. Human capital research can give the future vision of material economy transformations and its possible management.

2. USA took up a leadership position in human capital possession among APR countries in 1990. Japan was the second center of human capital concentration. The situation had changed for the last 25 years. Human capital redistribution had happened, that finally led to polycentric model formation.

3. Human capital as the potential ability of people to transform the world in the economy implements this ability with respect to the material world – assets, tangible fixed assets of the material economy. In this context, the security of human capital by tangible assets (the ratio of the value of human capital to capital funds), can be considered as a key factor of economic growth.

4. Revenues, generated by the APR economy, grow more slowly than capital funds value. Regional countries capital funds return is reducing and can lead to capital assets depreciation. The joint search of the new investment paradigm that is not tied to profitability of tangible assets can become a possibility to overcome this unfavorable trend. The idea of co-investing in human capital in the framework of APEC can serve as a one of these paradigm hypotheses.

5. Comparison of the dynamics of changes in value of total human capital and physical assets (fixed assets) shows a picture of a stable correlation of crisis moments with periods of excess of human capital in APR. As a result, it can be assumed that the next large-scale slowdown in the economy of Asia-Pacific region may occur as early as 2018–2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Russia in the Asia-Pacific region: Prospects for Integration. A study in two books. Book 1 / ed. by I. Melamed. – Vladivostok : Far Eastern Federal University Publ., 2011. – 564 p. – (Russia in the Asia-Pacific region / general ed. V. I. Kurilov).

2. Inclusive Wealth Report 2014 : Measuring progress toward sustainability [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mgiep.unesco.org/wp-content/uploads/2014/12/IWR2014-WEB.pdf>.

3. Gross fixed capital formation (current US\$) [Электронный ресурс] // The World Bank. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4>.

4. World Population Prospects, the 2012 Revision [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/publications/world-population-prospects-the-2012-revision.html>.

5. The World Population Prospects: 2015 Revision [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/publications/world-population-prospects-2015-revision.html>.

6. Global Health Observatory (GHO) data. World Health Statistics 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2014/en/.

7. Estimates of economic growth in the world economic between AD 1 and 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/112738/1/9789240692671_eng.pdf.

8. World Health Statistics 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ggd.net/maddison/maddison-project/abstract.htm?id=4>.

9. Jones, R. Office for National Statistics (ONS) UK, Human Capital Estimates, 2010 [Электронный ресурс] / R. Jones, V. Fender. – Режим доступа: www.ons.gov.uk/ons/rel/wellbeing/human-capital-estimates/2010/human-capital-estimates-2010.html.

10. UNU-IHDP and UNEP (2014). *Inclusive Wealth Report 2014. Measuring progress toward sustainability* [Электронный ресурс]. Cambridge : Cambridge University Press. – Режим доступа: http://assets.cambridge.org/97811071/09629/frontmatter/9781107109629_frontmatter.pdf.

11. Maddison Project Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ggdnc.net/maddison/maddison-project/abstract.htm?id=4>.

REFERENCES

1. Melamed I., ed. *Russia in the Asia-Pacific region: Prospects for Integration. A study in two books. Book 1.* Vladivostok: Far Eastern Federal University Publ., 2011. 564 p. (Kurilov V., gen. ed. Series «Russia in the Asia-Pacific region»).

2. *Inclusive Wealth Report 2014: Measuring progress toward sustainability*. Available at: <http://mgiep.unesco.org/wp-content/uploads/2014/12/IWR2014-WEB.pdf> (accessed 25 August 2017).

3. *Gross fixed capital formation (current US\$)*. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.CD?page=4> (accessed 25 August 2017).

4. *World Population Prospects, the 2012 Revision*. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/publications/world-population-prospects-the-2012-revision.html> (accessed 25 August 2017).

5. *The World Population Prospects: 2015 Revision*. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/publications/world-population-prospects-2015-revision.html> (accessed 25 August 2017).

6. *Global Health Observatory (GHO) data. World health statistics 2014*. Available at: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2014/en/ (accessed 25 August 2017).

7. *Estimates of economic growth in the world economic between AD 1 and 2010*. Available at: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/112738/1/9789240692671_eng.pdf (accessed 25 August 2017).

8. *World Health Statistics 2014*. Available at: <http://www.ggdnc.net/maddison/maddison-project/abstract.htm?id=4> (accessed 25 August 2017).

9. Jones R., Fender V. *Office for National Statistics (ONS) UK, Human Capital Estimates, 2010*. Available at: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/wellbeing/human-capital-estimates/2010/human-capital-estimates-2010.html> (accessed 25 August 2017).

10. UNU-IHDP and UNEP (2014). *Inclusive Wealth Report 2014. Measuring progress toward sustainability*. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: http://assets.cambridge.org/97811071/09629/frontmatter/9781107109629_frontmatter.pdf (accessed 25 August 2017).

11. *Maddison Project Database*. Available at: <http://www.ggdnc.net/maddison/maddison-project/abstract.htm?id=4> (accessed 25 August 2017).

УДК 339.543.62(5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/29-45

Е.Я. Арапова¹

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия
E-mail: arapova_katrin@mail.ru

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКАЯ ЗОНА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ФОРМАТЕ АТЭС: СЦЕНАРНЫЙ ПОДХОД*

Аннотация. На прошедшем в конце 2016 г. в Перу очередном саммите АТЭС стороны в очередной раз обсуждали идею создания в регионе полноценного интеграционного объединения – Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) на основе Дорожной карты, предложенной китайской стороной в 2014 г. Цель настоящего исследования состоит в количественной оценке «интеграционного потенциала» АТЗСТ в рамках двух возможных сценариев: 1. Интеграция 20 стран АТЭС, кроме России; 2. Интеграция в формате 25 стран АТЭС+ЕАЭС. В работе для каждого из двух сценариев приведены анализ зависимости ВВП и ВНД стран-участниц от объемов внутрирегиональных торговых потоков, количественная оценка процентного изменения ВВП и ВНД стран-участниц при изменении внутрирегионального экспорта на 1%, оценка различий в уровне тарифного регулирования. Подобный методологический подход позволяет не только оценить «интеграционный потенциал» объединения, в целом, но и выявить «интеграционную мотивацию» каждого отдельного участника. В результате был проведен сравнительный анализ «интеграционного потенциала» объединений в рамках двух предложенных сценариев, выявлены страны, которые в наибольшей степени могут быть заинтересованы в реализации интеграционного сценария, а также дан прогноз относительно вероятного «качества» потенциального интеграционного объединения. Было установлено, что из двух рассмотренных сценариев – АТЭС (20) и АТЭС+ЕАЭС (25) –

¹ Екатерина Яковлевна Арапова, кандидат экономических наук, начальник отдела, старший научный сотрудник Центра БРИКС Института международных исследований МГИМО МИД России, г. Москва, Россия.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант №16-07-50004 «Комплексная оценка перспектив общерегиональной экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе с позиции стратегических интересов России».

Для цитирования: Арапова, Е.Я. Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и перспективы торговой интеграции в формате АТЭС: сценарный подход // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 29–45.

относительно более вероятным выступает первый, в первую очередь, из-за сравнительно более низкой «интеграционной мотивации» стран-членов ЕАЭС. При этом, в случае создания независимого полноценного интеграционного объединения в составе 20 государств-участников АТЭС, качество нового соглашения о торговле товарами может оказаться относительно более низким. Сельское хозяйство может быть либо выведено из-под действия норм соглашения, либо для них может быть предусмотрен более длительный переходный период, отсроченная либерализация с учётом интересов стран-членов соглашения.

Ключевые слова: АТЭС, ЕАЭС, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли, региональная интеграция, внешняя торговля, тарифное регулирование, зона свободной торговли, коэффициент вариации, регрессионный анализ, коэффициент корреляции.

Ekaterina Y. Arapova¹

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: arapova_katrin@mail.ru

**FREE TRADE AREA OF THE ASIA-PACIFIC AND PROSPECTS
FOR TRADE INTEGRATION WITHIN APEC:
SCENARIO-BASED APPROACH**

Abstract. During the latest APEC Summit in Peru at the end of 2016, the parties once again discussed the idea of creating a full-fledged integration association in the region - the Free Trade Area of the Asia-Pacific (FTAAP) based on the China-led Roadmap proposed in 2014. The study aims at quantitative assessment of the "integration potential" of the FTAAP in the context of two possible scenarios: 1. Integration of 20 APEC countries except Russia; 2. Integration in the format of 25 APEC + EAEU (Eurasian Economic Union) countries. The paper analyzes the dependence of the participating countries' GDPs and GNIs on the volumes of intraregional trade flows, the quantitative assessment of the percentage change in GDP and GNI of the participating countries when the intraregional export changes by 1%, and the differences in tariff regulation. This methodological ap-

¹ Ekaterina Y. Arapova, Candidate of Economics, senior researcher at the BRICS Center of the Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

For citing: Arapova, E. Y. Free Trade Area of the Asia-Pacific and Prospects for Trade Integration within APEC: Scenario-based Approach // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 29–45.

proach allows not only to assess the "integration potential" of the association, on the whole, but also to reveal the "integration motivation" of every individual participant. As a result, a comparative analysis of the "integration potential" of the associations was carried out within two proposed scenarios, the countries that are most interested in implementing the integration scenario were identified and a forecast is given about the likely "quality" of the potential integration block. It was found that out of the two scenarios considered - APEC (20) and APEC + EEMPP (25) - the first is relatively more likely, primarily due to the relatively low "integration motivation" of the EAEU member countries. At the same time, if an independent, fully-fledged integration association of 20 APEC member states is established, the quality of the new agreement on trade in goods may be relatively low. Agriculture can either be excluded from the norms of the agreement, or they may be provided with a longer transition period; deferred liberalization taking into account the interests of the member countries of the agreement.

Keywords: APEC, Eurasian Economic Union, Free Trade Area of the Asia-Pacific, regional integration, foreign trade, tariff regulation, free trade area, coefficient of variation, regression analysis, correlation analysis.

Прошедший в ноябре 2016 г. саммит АТЭС ознаменовался новой волной переговоров о формировании в АТР Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. По итогам была принята Лимская Декларация [6], которая призвана стать этапом на пути формирования общерегионального объединения [4]. За два года до этого, также на саммите АТЭС в 2014 г., китайской стороной была предложена Дорожная карта АТЭС по содействию продвижению к Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ) [5].

При исследовании перспектив формирования в АТР Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли на базе АТЭС возникает крайне важный вопрос относительно странового состава потенциального интеграционного объединения. Одной из стран-участниц форума АТЭС является Россия, которая при этом выступает членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включающего в себя на сегодняшний день пять государств постсоветского пространства. Поскольку членство в Евразийском экономическом союзе предполагает проведение всеми странами-членами единой внешнеторговой политики, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли в составе 21 государства (на базе АТЭС) сформирована быть не может. Соответственно, в рамках настоящего исследования были рассмотрены два альтернативных сценария:

Сценарий 1. АТЗСТ в составе 20 государств-участников форума АТЭС (без включения России);

Сценарий 2. АТЗСТ в составе 25 государств: АТЭС(20)+ЕАЭС.

Оценка потенциального влияния расширения экспорта на ВВП и ВНД: результаты количественного анализа

Сценарий 1

Интеграционная мотивация стран региона может быть обусловлена характером и интенсивностью влияния взаимной торговли на динамику основных макроэкономических показателей: валового национального продукта и валового национального дохода. Чем большая доля валового внутреннего продукта (ВВП) и валового национального дохода (ВНД) формируется за счёт региональной торговли, тем выше может оказаться потенциальная заинтересованность стран региона в формировании общерегионального интеграционного объединения и либерализации внутрорегиональной торговли, которая будет способствовать наращиванию объёмов экспортно-импортных потоков. Международная торговля оказывает значимый положительный эффект на темпы экономического роста и уровень доходов населения, что доказано эмпирически в большом числе международных исследований [9, 10, 14, 15].

Расчёты коэффициентов корреляции между ВНД стран-членов и суммарным объёмом экспорта в страны – партнёры по потенциальному объединению (табл. 1) продемонстрировали высокую степень связи между исследуемыми параметрами практически для всех стран-участниц формата. При этом наименьшими оказались коэффициенты корреляции по ВВП у Брунея, Канады и Японии.

Хотя высокие коэффициенты корреляции могут свидетельствовать о наличии взаимосвязи между объёмами экспорта в страны-партнёры и ВВП интегрирующихся государств (что вполне логично, учитывая, что экспорт выступает структурным элементом валового внутреннего продукта), и, соответственно, потенциальной эффективности расширения товарооборота в результате реализации интеграционного сценария, корреляционный анализ не позволяет выявить причинно-следственную связь между исследуемыми индикаторами. Соответственно, необходимо также провести регрессионный анализ между соответствующими параметрами, который позволит количественно оценить степень влияния расширения экспорта в страны-партнёры по интеграционному объединению на рост ВВП и ВНД в отдельности для каждого члена потенциального интеграционного объединения.

Для выявления потенциальной эффективности интеграционных процессов в формате 20 стран АТЭС были рассмотрены следующие модели регрессии:

$$(1) \text{LnGDP}_{i,t} = \beta_0 + \beta_1 \text{LnCumExp}_{i,t} + \varepsilon, \text{ где}$$

$\text{LnGDP}_{i,t}$ – натуральный логарифм размера ВВП страны i в период (год) t ;

$\text{LnCumExp}_{i,t}$ – натуральный логарифм совокупного экспорта страны i в страны-партнёры по интеграционному объединению в период t ;

β_1 – коэффициент эластичности ВВП по уровню экспорта в страны-партнёры по потенциальному интеграционному объединению;

ε – величина ошибки модели регрессии.

$$(2) \text{LnGNI}_{i,t} = \beta'_0 + \beta'_1 \text{LnCumExp}_{i,t} + \varepsilon, \text{ где}$$

$\text{LnGNI}_{i,t}$ – натуральный логарифм размера валового национального дохода страны i в период (год) t ;

β'_1 – коэффициент эластичности ВНД по уровню экспорта в страны-партнёры по потенциальному интеграционному объединению.

Таблица 1

**Результаты корреляционного анализа
для 20 стран-участниц АТЭС (сценарий 1)¹**

Коэффициенты корреляции, 2006–2015		
Страны	Совокупный экспорт и ВВП	Совокупный экспорт и ВНД
Бруней	0,66	-
Вьетнам	0,98	0,96
Малайзия	0,95	0,74
Сингапур	0,91	0,84
Япония	0,72	0,29
Австралия	0,92	0,69
Новая Зеландия	0,98	0,84
Канада	0,71	0,54
Мексика	0,93	0,94
Перу	0,86	0,7
США	0,9	0,92
Чили	0,94	0,81
Тайвань	-	н.д.
Гонконг	0,92	0,93
Папуа Новая Гвинея	-	н.д.
Индонезия	0,89	0,63
Филиппины	0,8	0,76
Таиланд	0,96	0,89
Китай	0,98	0,97
Республика Корея	0,88	0,94

¹ Результаты, приведенные автором в статье, рассчитаны по данным Всемирного Банка [17] и частично ВТО [18].

Результаты авторского регрессионного анализа (табл. 2) показали, что для всех исследуемых государств регрессионные модели оказались значимыми, при этом коэффициенты детерминации в спецификации для ВВП оказались достаточно высокими, в интервале от 0,78 до 0,96. Исключения составили Бруней, Канада и Филиппины. В большинстве случаев подтвердилась и значимость единственного в данной спецификации влияющего фактора – совокупного экспорта в страны-партнёры.

Таблица 2

**Результаты корреляционного анализа
для 20 стран-участниц АТЭС (сценарий 1)**

Страны	для ВВП			для ВНД		
	C	LnCumExp	R ²	C	LnCumExp	R ²
Бруней	5,712	0,426	0,37	-	-	-
Вьетнам	2,635	0,83*	0,96	7,648	0,48**	0,94
Малайзия	-6,254	1,568*	0,88	1,938	0,952*	0,59
Сингапур	-5,491	1,430*	0,81	-0,730	1,081*	0,74
Япония	5,644	0,740	0,45	13,143	0,166	0,100
Австралия	3,630	0,87*	0,88	8,868	0,4*	0,54
Новая Зеландия	3,392	0,85**	0,96	6,226	0,56*	0,73
Канада	5,727	0,668	0,48	9,052	0,398	0,270
Мексика	6,715	0,57*	0,89	5,886	0,68*	0,84
Перу	0,023	1,203	0,78	4,721	0,790	0,58
США	10,611	0,44*	0,81	10,313	0,46**	0,85
Чили	-0,290	1,18*	0,89	2,009	0,996*	0,7
Тайвань	-	-	-	-	-	-
Гонконг	3,984	0,66*	0,89	5,529	0,57*	0,88
Папуа Новая Гвинея	-	-	-	-	-	-
Индонезия	-2,320	1,358*	0,82	6,828	0,663	0,51
Филиппины	-1,463	1,288	0,52	5,191	0,774	0,48
Таиланд	0,421	1,04*	0,94	6,611	0,6*	0,82
Китай	-4,639	1,46*	0,93	3,169	0,95*	0,93
Республика Корея	7,228	0,53*	0,76	8,698	0,44**	0,9

***, **, * – значимость на уровне 1%, 5% и 10%, соответственно. Значимость всех моделей подтверждена на уровне 1%, исключения спецификация по ВНД у Японии и Канады, где F-test оказался незначимым.

Сценарий 2

Результаты корреляционного анализа в формате 25 государств: стран-участниц АТЭС и государств-членов (табл. 3) также свидетельствуют о высокой взаимосвязи между ВВП/ВНД и совокупным экспортом в страны-партнёры.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа для 25 государств АТЭС+ЕАЭС (сценарий 2)

Коэффициенты корреляции, 2006–2015		
Страны	Совокупный экспорт и ВВП	Совокупный экспорт и ВНД
Бруней	0,66	-
Вьетнам	0,98	0,96
Малайзия	0,95	0,74
Сингапур	0,91	0,84
Япония	0,72	0,29
Австралия	0,92	0,69
Новая Зеландия	0,98	0,84
Канада	0,71	0,54
Мексика	0,93	0,94
Перу	0,86	0,7
США	0,9	0,92
Чили	0,94	0,81
Тайвань	-	-
Гонконг	0,92	0,93
Папуа Новая Гвинея	-	-
Индонезия	0,89	0,63
Филиппины	0,8	0,76
Таиланд	0,96	0,89
Китай	0,98	0,96
Республика Корея	0,88	0,94
Россия	0,96	0,9
Белоруссия	0,88	0,84
Казахстан	0,72	0,26
Кыргызстан	-0,01	-0,38
Армения	0,73	0,9

Тем не менее, на основе результатов корреляционного анализа имеет смысл разделить 25 стран на три группы в зависимости от их вероятной «интеграционной мотивации».

1 группа: Вьетнам, Сингапур, Новая Зеландия, Мексика, США, Гонконг, Таиланд, Китай, Республика Корея, Россия, Белоруссия – могут иметь относительно более высокую «интеграционную мотивацию», поскольку рост ВВП и национальных доходов в этих странах относительно в большей степени взаимосвязан с объёмами экспорта в страны-партнёры по предложенному формату. Тем не менее, у отдельных государств заинтересованность в экономическом сближении с различными партнерами может оказаться неравномерной, а высокие коэффициенты корреляции определяются высокой зависимостью от торговли лишь с некоторыми странами-членами потенциального интеграционного объединения (главным образом, в форматах уже созданных интеграционных объединений). К числу таких государств можно отнести Мексику (экономический рост которой зависит, главным образом, от торговых связей с партнёрами по НАФТА), Гонконг (имеющий тесные торговые связи с Китаем и отдельными государствами Юго-Восточной Азии).

2 группа: Малайзия, Австралия, Перу, Чили, Индонезия, Филиппины, Армения – могут характеризоваться сравнительно более низкой «интеграционной мотивацией», поскольку получают все возможные преимущества в рамках существующих интеграционных форматов.

3 группа: Бруней, Япония, Казахстан, Кыргызстан – сравнительно в меньшей степени могут быть заинтересованы в реализации интеграционного сценария в формате 25 государств, поскольку вероятные выгоды могут оказаться относительно невысокими. Связано это может быть, с одной стороны, с низкой долей партнеров по интеграционному объединению в структуре экспорта (Казахстан, Кыргызстан), с другой – с относительно меньшей зависимостью национального роста от внешней торговли (Япония).

Результаты авторского регрессионного анализа в рамках второго сценария (табл. 4) сопоставимы с аналогичными результатами для 20 стран-участниц АТЭС:

- коэффициенты при совокупном экспорте оказали положительными, соответственно, расширение экспорта ведёт к наращиванию экономического потенциала и национального дохода стран региона;
- расширение экспорта в страны-партнёры по потенциальному интеграционному объединению гораздо в большей степени влияет на рост ВВП, нежели валового национального дохода;
- наибольший эффект от реализации интеграционного сценария может быть достигнут у Китая, Сингапура, Малайзии, Индонезии и Филиппин.

Таблица 4

**Результаты корреляционного анализа для 25 стран-участниц
АТЭС+ЕАЭС (сценарий 2)**

Страны	для ВВП			для ВНД		
	y	LnCum Exp	R ²	y	LnCum Exp	R ²
Бруней	5,712	0,426	0,37			
Вьетнам	2,640	0,83**	0,96	7,651	0,48**	0,94
Малайзия	-6,255	1,568*	0,88	1,940	0,952*	0,59
Сингапур	-5,490	1,429*	0,81	-0,729	1,081*	0,74
Япония	5,658	0,739	0,45	13,132	0,166	0,110
Австралия	3,630	0,87*	0,88	8,868	0,4*	0,54
Новая Зеландия	3,391	0,85**	0,96	6,226	0,56*	0,73
Канада	5,727	0,668	0,48	9,053	0,398	0,270
Мексика	6,716	0,57*	0,89	5,887	0,68*	0,84
Перу	0,023	1,203	0,78	4,721	0,790	0,58
США	10,611	0,44*	0,81	10,313	0,46**	0,85
Чили	-0,288	1,18*	0,89	2,010	0,995	0,7
Тайвань	-	-	-	-	-	-
Гонконг	3,988	0,66*	0,87	5,532	0,57*	0,88
Папуа Новая Гвинея	-	-	-	-	-	-
Индонезия	-2,318	1,357*	0,82	6,829	0,663*	0,5
Филиппины	-1,464	1,288*	0,52	5,191	0,774*	0,48
Таиланд	0,427	1,04*	0,94	6,615	0,6*	0,82
Китай	-4,771	1,47*	0,93	3,092	0,96*	0,93
Республика Корея	7,232	0,53*	0,76	8,705	0,44**	0,9
Россия	4,275	0,87*	0,92	8,440	0,56*	0,85
Белоруссия	5,567	0,57*	0,76	8,185	0,39*	0,69
Казахстан	6,415	0,571	0,49	11,332	0,135	0,080
Кыргызстан	8,923	-0,056	0,006	10,672	-0,174	0,200
Армения	7,269	0,32*	0,59	8,307	0,28**	0,83

***, **, * – значимость на уровне 1%, 5% и 10%, соответственно. Значимость всех моделей подтверждена на уровне 1%, исключения спецификация по ВНД у Японии, Канады и Казахстана, а также обе спецификации у Кыргызстана, где F-test оказался незначимым

У стран-участниц ЕАЭС вероятная эффективность реализации второго сценария оказалась значительно ниже потенциальных эффектов для стран-участниц АТЭС: коэффициенты детерминации оказались значительно ниже, как и коэффициенты при ве-

личине совокупного экспорта. 1%-ный рост экспорта в страны-партнёры может увеличить ВВП Белоруссии и Армении на 0,57% и 0,32%, соответственно, ВНД – на 0,39% и 0,28%, причём данный прирост в течение исследуемого периода обеспечивался в первую очередь торговлей внутри ЕАЭС. Регрессионные модели для Кыргызстана и по ВНД для Казахстана оказались незначимыми. Относительно в большей степени в реализации второго интеграционного сценария в формате 25 государств региона может быть заинтересована Россия. Результаты регрессионного анализа для этой страны оказались сопоставимыми с результатами для других стран-участниц АТЭС.

Очень важно, что, если сравнить коэффициенты корреляции, рассчитанные в рамках двух сценариев, окажется, что для 18 стран-участниц АТЭС (за вычетом Тайваня и Папуа Новой Гвинеи, для которых данные отсутствуют) соответствующие показатели не изменились. Такая тенденция свидетельствует о том, страны-участницы АТЭС могут относительно в большей степени заинтересованы в реализации первого сценария, поскольку государства ЕАЭС составляют очень незначительную долю в экспорте стран-участниц АТЭС и не могут повлиять на общие выгоды стран-участниц АТЭС, однако способны значительно усложнить ход переговоров. Единственным исключением является Китай, для которого страны ЕАЭС выступают важными торговыми партнёрами.

Однако в случае создания между Китаем и странами ЕАЭС зоны свободной торговли (подобная инициатива была озвучена, на данный момент прорабатывается вероятная эффективность соответствующего интеграционного сценария для всех сторон), интеграционные эффекты которой требуют детальной проработки с позиции стратегических интересов всех сторон, в первую очередь России, мотивация Китая в создании Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли в составе 25 государств также снизится.

Кроме того, реализации второго сценария может препятствовать сложность в согласовании условий вступления в интеграционное объединение между странами-членами ЕАЭС, поскольку последний предполагает проведение единой внешней торговой политики.

Оценка «интеграционного потенциала» с позиции теории конвергенции

Сторонники теории конвергенции сходятся во мнении, что наличие конвергенции (высокой однородности в показателях, характеризующих уровень развития экономик интегрирующихся стран и характера внешнеэкономического регулирования) может способствовать более успешной интеграции, поскольку в этом случае потенциальные выигрыши одних не сопровождаются ухудшением положения других, что значительно упрощает процесс согласования позиций стран относительно графиков внутрирегиональной торговой либерализации (и принципов единой внешнеэкономической политики) [11], [12, 13]. При этом некоторые эксперты под-

чёркивают, что набор критериев конвергенции зависит непосредственно от потенциальной стадии интеграции [19]. Необходимо проводить более дробное деление по показателям социально-экономического развития, в которых необходимо соответствие критерию «однородности». Критерии «однородности», необходимые для создания зоны свободной торговли, и «однородности», способной обеспечить эффективность таможенного союза или общего рынка, существенно различаются [1].

В случае формирования зоны свободной торговли (а в рамках АТЭС это единственно возможная стадия интеграции, которую стоит рассматривать) важно оценить степень разнородности в уровнях тарифного регулирования, в том числе по отдельным категориям товаров [7]. Это позволит не только оценить «интеграционный потенциал» объединения в рамках каждого из приведенных сценариев, но и потенциальное «качество соглашений» (охват товарных позиций и интенсивность внутрирегиональной торговой либерализации для различных категорий товаров), а также возможные противоречия сторон в ходе переговорного процесса.

Необходимо отметить, что коэффициенты вариации по среднему уровню таможенных пошлин по РНБ на отдельные категории товаров во втором сценарии (с учетом государств ЕАЭС) оказались даже ниже соответствующих значений в рамках первого сценария (см. табл. 5).

Соответственно, отталкиваясь от показателей конвергенции внешнеторговой политики, интеграционная мотивация в рамках АТЭС+ЕАЭС может быть не ниже интеграционной мотивации в формате 20 стран региона.

Перспективы формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли в составе 25 государств в большей степени зависят от «интеграционной мотивации» самих стран-членов ЕАЭС, а также их способности выработать единую позицию относительно потенциального графика либерализации торговли с партнерами в АТР.

Как показал предыдущий анализ, ввиду низкой доли товарооборота со странами-членами ЕАЭС, интеграционная мотивация государств-участниц АТЭС в формировании интеграционного объединения в составе 25 стран крайне мала. Кроме того, внутри ЕАЭС сохраняется большое число проблем и противоречий, которые могут осложнить процесс переговоров в рамках какого бы то ни было интеграционного формата [2]:

1. Отсутствие согласованности в отдельных вопросах внешнеторговой политики между странами-членами ЕАЭС. Примером является отказ прочих стран-членов ЕАЭС от коллективного введения санкций в отношении третьих государств при их инициировании и введении российской стороной.

2. Проблема «конкуренции юрисдикций», различия в правилах регистрации и условиях ведения бизнеса в различных странах-членах ЕС, в результате чего происходит перевод хозяйственной деятельности в страны с более либеральными правилами, перераспределение финансовых потоков и налоговых поступлений.

3. Проблема гармонизации обязательств стран-членов ЕАЭС перед Всемирной торговой организацией (ВТО) [3].

Таблица 5

Количественная оценка уровня разнородности ставок таможенных пошлин по отдельным товарным группам

Товарная группа	Коэффициент вариации	
	1-й сценарий АТЭС (20)	2-й сценарий АТЭС+ЕАЭС (25)
Средний уровень ставок таможенных пошлин по РНБ:		
По всем товарам	0,66	0,59
По группе сельскохозяйственных товаров	1,04	0,97
По группе несельскохозяйственных товаров	0,61	0,56
Средневзвешенный уровень ставок таможенных пошлин по РНБ:		
По всем товарам	0,59	0,61
По группе сельскохозяйственных товаров	1,47	1,37
По группе несельскохозяйственных товаров	0,58	0,65
Средний уровень ставок таможенных пошлин:		
Все товары	0,67	0,57
Факторы производства	0,81	0,70
Потребительские товары	0,68	0,58
Промежуточные товары	0,72	0,62
Сырьё	1,15	1,03

Соответственно, учитывая большое число проблем по координации внешнеторговой политики, а также сравнительно низкую «интеграционную мотивацию» стран-членов ЕАЭС, выявленную по итогам регрессионного и корреляционного анализов, можно говорить о бесперспективности создания в кратко- и среднесрочной перспективах Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли в составе 25 государств.

Обобщенные результаты оценки «интеграционного потенциала» АТЗСТ в рамках двух возможных сценариев, полученные на основе количественного анализа влияния внутрирегиональной торговли на ключевые показатели экономического развития, а также различий в уровнях тарифного регулирования, позволяют сделать ряд выводов.

Из двух рассмотренных сценариев – АТЭС (20) и АТЭС+ЕАЭС (25) – относительно более вероятным выступает первый. Хотя результаты количественной оценки показателей конвергенции внешнеторговой политики свидетельствуют о том, что интеграционная мотивация в рамках АТЭС+ЕАЭС в целом может быть не ниже интеграционной мотивации в формате 20 стран региона, потенциальное влияние интеграционных процессов на экономический рост для стран ЕАЭС оказалось незначительным, а для 20 стран-участниц АТЭС эквивалентно интеграционным эффектам в рамках первого сценария. Государства ЕАЭС составляют очень незначительную долю в экспорте стран-участниц АТЭС, соответственно, для стран-участниц АТЭС включение стран-членов ЕАЭС в состав единого общерегионального объединения не даст ощутимых положительных результатов, а соответственно, «интеграционная мотивация» к реализации сценария в формате 25 государств сравнительно ниже. Единственным исключением является Китай, для которого страны ЕАЭС имеют сравнительно большую торговую значимость. Таким образом, учитывая большое число проблем по координации внешнеторговой политики, а также сравнительно низкую «интеграционную мотивацию» стран-членов ЕАЭС, выявленную по итогам регрессионного и корреляционного анализов, можно говорить о бесперспективности создания в кратко- и среднесрочной перспективах Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли в составе 25 государств.

Расширение экспорта в страны-партнёры по потенциальному интеграционному объединению в результате либерализации окажет положительное влияние и на рост ВВП (в большей степени), и на рост валового национального дохода (в меньшей степени). При этом наибольший эффект может быть достигнут у Малайзии, Индонезии и Сингапура. Сравнительно высокой является «интеграционная мотивация» Китая к созданию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли на базе АТЭС.

Различия в уровне таможенно-тарифного регулирования в рамках АТЭС-20 несколько не больше, чем соответствующие различия между государствами, уже подписавшими соглашения о Транс-Тихоокеанском партнёрстве, что подтверждается результатами расчётов коэффициентов вариации. Соответственно, у 20 стран региона сохраняется возможность согласования позиций в ходе многосторонних переговоров о создании региональной зоны свободной торговли. На формирование полноценного интеграционного объединения в формате 20 стран-участниц АТЭС в большей степени могут оказывать значимое влияние неэкономические факторы, в то время как экономическая «интеграционная мотивация» у стран региона может оказаться не ниже, чем у стран-членов ТТП.

В случае создания независимого полноценного интеграционного объединения в составе 20 государств-участниц АТЭС, скорее всего, качество нового соглашения окажется относительно более низким. Основу соглашения о свободной торговле в рамках первого рассмотренного сценария АТЭС(20) вероятнее всего будет состав-

лять соглашение о торговле товарами. Сельское хозяйство может быть либо выведено из-под действия норм соглашения, либо для них может быть предусмотрен более длительный переходный период, отсроченная либерализация с учётом интересов стран-членов соглашения. Значительные противоречия могут сохраняться и при выработке общих правил определения страны происхождения товаров.

Процесс либерализации внешней торговли в АТЗСТ имело бы смысл сделать поэтапным, подобно тому, как развивались интеграционные процессы внутри АСЕАН, когда для шести наиболее развитых и четырёх относительно менее развитых стран был предусмотрен различный график снижения ставок таможенных пошлин и установлены переходные периоды, отличающиеся по длительности. В этом случае ко второй, относительно менее развитой группе стран как по степени интегрированности в региональную экономическую систему, так и по характеру внешнеэкономического регулирования, могли бы быть отнесены Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Мексика и Папуа Новая Гвинея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапова, Е. Я. Регионализация в Восточной Азии в условиях диверсификации источников экономического роста / Е. Я. Арапова. – М. : Проспект, 2016. – 231 с.
2. Исаченко, Т. М. Эволюция евразийской интеграции: перспективы и риски [Электронный ресурс] // International Center for Trade and Sustainable Development. 12 марта 2015. – Режим доступа: https://www.ictsd.org/search?search_api_views_fulltext=Isachenko.
3. Ковалев, В. Е. Проблема гармонизации обязательств стран-членов ЕАЭС перед Всемирной торговой организацией // Региональная интеграция в глобальной экономике : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под. ред. И. Н. Платоновой. – М. : МГИМО-Университет, 2016. – С. 16–26.
4. Обзор: Важный шаг к созданию зоны свободной торговли АТР. [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости. 21.11.2016. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-11/21/c_135847272.htm.
5. Пекинская дорожная карта АТЭС по содействию продвижению к Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ) [Электронный ресурс] : опубл. 22.12.2014 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/940041.
6. Annex A: Lima Declaration on FTAAP. Lima, Peru 20 November, 2016. Asia-Pacific Economic Cooperation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2016/2016_aelm/2016_Annex%20A.aspx.

7. Arapova, E. Measuring «Integration Potential» of the Free Trade Area of the Asia Pacific // *Malaysian Journal of Economic Studies*. – 2015. – No. 2 (December). – P. 157–185.
8. China to push alternative trade pact at APEC: Minister. *News Asia*. 10.11.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sg.news.yahoo.com/china-push-alternative-trade-pact-apec-minister-101550034--finance.html>.
9. Corden, W. M. The effects of trade on the rate of growth // *Trade, Balance of Payment And Growth* / eds. by J. N. Bhagwati [et al.]. – Amsterdam : North Holland, 1971. – P. 117–143.
10. Grossman, G. Trade, knowledge spillovers, and growth / G. Grossman, E. Helpman // *European Economic Review*. – 1991. – No. 35 (2/3). – P. 517–526.
11. Marques, A. Per Capita Income Convergence across Countries and across Regions in the European Union. Some New Evidence. 2nd International Meeting of European Economy / A. Marques, E. Soukiazis. – Lisbon : CEDIN (ISEG), 1998. – 19 p.
12. Martin, C. European Integration and Income Convergence. Lessons for Central and Eastern European Countries. *World Bank Technical Paper*. No. 514 / C. Martin, F. J. Velazquez, B. Funck. – Washington DC : World Bank Publication, 2001. – 40 p.
13. McKay, J. Regional Economic Integration in a Global Framework. *European Central Bank. G-20 Workshop* / J. McKay, M. O. Armengol, G. Pineau. – Frankfurt am Main : European Central Bank Edition, 2004. – 140 p.
14. Rivera-Batiz, L. A. Economic integration and endogenous growth / L. Rivera-Batiz, P. M. Rommer // *Quarterly Journal of Economics*. – 1991. – Vol. 106 (2). – P. 531–555.
15. Rodrik, D. Understanding economic reform policy // *Journal of Economic Literature*. – 1996. – No. 34 (1). – P. 9–41.
16. Wen Jin Yuan. The Trans-Pacific Partnership and China's Corresponding Strategies [Электронный ресурс] // *Center for Strategic and International Studies*. – 2012. – June. – Режим доступа: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/120620_Freeman_Brief.pdf.
17. *World Integrated Trade Solution* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wits.worldbank.org/>.
18. *WTO World Tariff Profiles, 2015* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_tariff_profiles15_e.htm.
19. Zyuulu, I. Convergence in the SADC and African economic integration process: prospects and statistical issues // *IFC Bulletin*. – 2010. – No. 32. – P. 96–105. – Режим доступа: <http://www.bis.org/ifc/publ/ifcb32f.pdf>.

REFERENCES

1. Arapova E.Ya. *Regionalizatsiya v Vostochnoi Azii v usloviyakh diversifikatsii istochnikov ekonomicheskogo rosta* [Regionalization in East Asia in conditions of diversification of sources of economic growth]. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 231 p.
2. Isachenko T.M. *Evolyutsiya evraziiskoi integratsii: perspektivy i riski* [Evolution of Eurasian Integration: Prospects and Risks]. International Center for Trade and Sustainable Development. 12 March 2015. Available at: https://www.ictsd.org/search?search_api_views_fulltext=Isachenko (accessed 20 September 2017).
3. Kovalev V.E. Problema garmonizatsii obyazatel'stv stran-chlenov EAES pered Vsemirnoi torgovoi organizatsiei [The problem of harmonization of commitments of the EEA member countries to the World Trade Organization]. *Regional'naya integratsiya v global'noi ekonomike. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Regional integration in the global economy. Materials of the international scientific-practical conference]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 2016, pp.16–26.
4. An important step towards the creation of an APR free trade zone. Review. *Xinhua News*. 2016.11.21. Available at: http://russian.news.cn/2016-11/21/c_135847272.htm (accessed 20 September 2017). (In Russian).
5. *Beijing APEC Roadmap for Promotion to the Asia-Pacific Free Trade Area (APTA)*. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Publ. on 2014.12.22. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/940041 (accessed 20 September 2017). (In Russian).
6. *Annex A: Lima Declaration on FTAAP. Lima, Peru 20 November, 2016. Asia-Pacific Economic Cooperation*. Available at: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2016/2016_aelm/2016_Annex%20A.aspx (accessed 20 September 2017).
7. Arapova E. Measuring «Integration Potential» of the Free Trade Area of the Asia Pacific. *Malaysian Journal of Economic Studies*, 2015, no. 2 (December), pp. 157–185.
8. *China to push alternative trade pact at APEC: Minister*. *News Asia*. 10.11.2015. Available at: <https://sg.news.yahoo.com/china-push-alternative-trade-pact-apec-minister-101550034--finance.html> (accessed 20 September 2017).
9. Corden W.M. The effects of trade on the rate of growth. Bhagwati J. N. et al., eds. *Trade, Balance of Payment And Growth*. Amsterdam: North Holland, 1971, pp. 117–143.
10. Grossman G., Helpman E. Trade, knowledge spillovers, and growth. *European Economic Review*, 1991, no. 35 (2/3), pp. 517–526.
11. Marques A., Soukiazis E. *Per Capita Income Convergence across Countries and across Regions in the European Union. Some New Evidence*. 2nd International Meeting of European Economy. Lisbon: CEDIN (ISEG), 1998. 19 p.

12. Martin C., Velazquez F.J., Funck B. *European Integration and Income Convergence. Lessons for Central and Eastern European Countries*. World Bank Technical Paper. No. 514. Washington DC: World Bank Publication, 2001. 40 p.

13. McKay J., Armengol M.O., Pineau G. *Regional Economic Integration in a Global Framework. European Central Bank. G-20 Workshop*. Frankfurt am Main: European Central Bank Edition, 2004. 140 p.

14. Rivera-Batiz L., Rommer, P.M. Economic integration and endogenous growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1991, vol. 106 (2), pp. 531–555

15. Rodrik D. Understanding economic reform policy. *Journal of Economic Literature*, 1996, no. 34 (1), pp. 9–41.

16. Wen Jin Yuan. The Trans-Pacific Partnership and China's Corresponding Strategies. *Center for Strategic and International Studies*. 2012, June. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/120620_Freeman_Brief.pdf (accessed 20 September 2017).

17. *World Integrated Trade Solution*. Available at: <http://wits.worldbank.org/> (accessed 20 September 2017).

18. *WTO World Tariff Profiles, 2015*. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_tariff_profiles15_e.htm (accessed 20 September 2017).

19. Zyuulu I. Convergence in the SADC and African economic integration process: prospects and statistical issues. *IFC Bulletin*, 2010, no. 32, pp. 96–105. Available at: <http://www.bis.org/ifc/publ/ifcb32f.pdf> (accessed 20 September 2017).

УДК 339.9(519:470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/46-56

М.П. Кукла¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kukla.mp@dvfu.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА*

Аннотация. В статье представлена попытка проанализировать социально-экономическую ситуацию в Корее с точки зрения задач новой администрации страны, оценить перспективы российско-корейского сотрудничества после прихода к власти Мун Чжэина.

Предвыборная экономическая платформа нового президента Кореи Мун Чжэина, избранного в результате внеочередных выборов в мае 2017 г., строилась как вокруг острых политических вопросов, так и вокруг актуальных экономических задач, продвинувшись в решении которых предыдущему руководству страны не удалось. Корейскому обществу угрожает старение населения, которое не только является вызовом для традиционной экспортной стратегии Республики Корея, но и фактором снижения и реструктуризации внутреннего спроса, к которому в условиях нестабильности внешних рынков приспособиться весьма непросто. Наряду со старением населения актуализируются и другие экономические проблемы: безработица молодежи, слабость и зависимое положение малого и среднего бизнеса, застой в судостроительной отрасли, рост цен на недвижимость.

От нового президента Республики Корея ожидают резких, кардинальных решений, которые бы сдвинули с мёртвой точки внутренние социальные и экономические проблемы. Наряду с этим большое значение в предвыборных дебатах 2017 г. было отдано внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам, затрагивающим отношения Республики Корея с КНДР, США, Китаем, Россией.

¹Марина Петровна Кукла, кандидат экономических наук, доцент кафедры корееведения Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кукла М.П. Экономическая политика новой администрации Республики Корея и перспективы российско-корейского сотрудничества // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 47–56.

* Работа выполнена при поддержке Академии корейских исследований (Министерство образования Республики Корея) (AKS-2015-OLU-2250003).

Как в РК, так и в России высоки ожидания позитивного развития российско-корейского экономического сотрудничества после застоя, который стал характерен для их отношений в период нахождения у власти в Южной Корее консерваторов. По мере формирования экономической платформы президента Мун Чжэина, предпосылки увеличения заинтересованности в развитии отношений с Россией становятся всё более очевидными.

Ключевые слова: Республика Корея (Южная Корея), Мун Чжэин, российско-корейское сотрудничество, Корейская Народно-Демократическая Республика (Северная Корея), старение населения, экономическая политика, безработица молодежи, социально-экономическая ситуация, цены на недвижимость, ТНААД.

Marina P. Kukla¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kukla.mp@dvfu.ru

ECONOMIC POLICY OF SOUTH KOREA'S NEW ADMINISTRATION AND PROSPECTS OF RUSSIAN-KOREAN COOPERATION²

Abstract. The article offers analysis of the social and economic situation in South Korea in the context of the new administration's economic policy, as well as the assessment of the prospects for Russian-Korean cooperation after Moon Jae-in's coming to power.

In 2000s, the Republic of Korea has had to deal with complex economic issues. The most fundamental problem, the aging population, endangers the implementation of traditional export strategies and can result in reduction and redistribution of the domestic demand, which is very risky in a shrinking external market. Along with the aging population, more economic problems exist: unemployment among young people, problems of small and medium enterprises, stagnation in the shipbuilding industry, and growing real estate prices.

The pre-election economic platform of the current president of Korea, Moon Jae-in, was built around these tasks. Along with the deep-rooted problems of the Korean economy, his economic agenda was focused on the problems of economic cooperation with the

¹ Marina P. Kukla, Candidate of Economic Sciences, Associate professor of the Department of Korean studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kukla M. P. Economic policy of South Korea's new administration and prospects of Russian-Korean cooperation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 47–56.

² This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

DPRK, counteraction to economic measures of China, and the problems of reforming financial and industrial groups.

It is about relations with the DPRK, which, along with the political one, have quite obvious economic implications related to the benefits received by the North and South from joint economic projects.

Both in Korea and in Russia, expectations for the positive development of Russian-Korean economic cooperation are growing after the stagnation during the time when the Conservatives were in power in Korea. As the economic platform of President Mun Jae-in is forming, the prerequisites for increasing the interest in developing relations with Russia are becoming increasingly evident.

Key words: The Republic of Korea (South Korea), Mun Jae-in, Russian-Korean cooperation, Korean People's Democratic Republic (North Korea), economic policy, aging population, youth unemployment, social-economic situation, real estate prices, THAAD.

9 мая 2017 г. в результате выборов в Республике Корея (РК) президентом страны стал представитель демократической оппозиции, 64-летний Мун Чжэин. Нынешние выборы в Южной Корее были не вполне обычными, так как проводились досрочно в связи с импичментом предыдущего лидера Пак Кын Хе. После многолетнего пребывания у власти консерваторов, избрание президентом представителя демократической партии наряду с политическими будет иметь и определенные экономические последствия.

Особое внимание к изменениям, к которым приведёт смена политического курса в стране, связано с необходимостью прогнозирования ситуации на Корейском полуострове, который входит в сферу ближайших интересов России в Северо-Восточной Азии. Смена президентского курса в Корее, как ожидается, повлечёт за собой изменения в отношениях Южной Кореи с КНДР, США, Китаем.

Очень важно и с политической, и с экономической точки зрения то, как повлияет политика нового президента на российско-корейские отношения. За прошедшие годы накоплен немалый опыт двусторонних отношений, который требует глубокого осмысления, анализа, извлечения уроков из достижений и ошибок в прошлом и выработки оптимальной модели сотрудничества на ближайшую перспективу.

Наряду с острейшими внешнеполитическими задачами перед новой администрацией Республики Корея во весь рост встали проблемы социально-экономического характера, обусловленные неблагоприятными социальными и экономическими условиями. Эти задачи волнуют корейских избирателей не меньше, чем политические проблемы, и от того, сможет ли новая администрация быстро справиться с ними, зависит динамика развития Южной Кореи в обозримом будущем.

2000-е гг. Республика Корея встретила в определенной степени готовой к дальнейшей глобализации экономики, однако с набором непростых социально-экономических проблем. Невысокие темпы роста экономики, которые составили за минувшие 5 лет в среднем 2,76%, сопровождаются увеличением долгового бремени большинства секторов экономики – частных предприятий, коммерческих банков государства, домохозяйств. Неутешительными остаются и прогнозы относительно экономического роста – в будущем под воздействием внешних и внутренних факторов он может сократиться и до 1% [3].

Фундаментальной проблемой современной Республики Корея является старение населения, которое, по прогнозам, приведёт к неблагоприятным изменениям структуры общества. При сохранении нынешних темпов старения населения, в 2030 г. на двух работающих будет приходиться один пенсионер, а в 2050 г. – уже трое пожилых людей. Проблема старения общества усугубляется низкой рождаемостью, уровень которой составил в 2014 г. 1,25 – самый низкий среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и один из худших показателей в мире [5, с. 29].

Это не только ставит под угрозу реализацию традиционной для Республики Корея экспортно-ориентированной стратегии, но и угрожает сокращению и перераспределению внутреннего спроса, что в условиях сжимающегося внешнего рынка вынуждает правительство страны предпринимать активные меры в области экономической политики.

Среди актуальных внутриэкономических задач, обостряющихся на фоне старения населения в Республике Корея и составляющих ядро экономической платформы предыдущей и новой администрации Кореи, отметим следующие:

- проблему занятости молодежи в экономическом и социальном разрезе,
- проблему конкурентоспособности малого и среднего бизнеса,
- необходимость реструктуризации крупных конгломератов, обострившаяся на фоне проблем в судостроительной отрасли,
- рост цен на недвижимость на фоне низкой процентной ставки.

Что касается безработицы среди молодежи, к которой в Корею официально относят людей 15–29 лет, то её показатель стал выражаться двузначным числом начиная с 2010 г. Рост безработицы обусловлен тем, что ожидания молодежи, стремящейся найти престижную работу в финансовых организациях, крупных частных компаниях, государственных учреждениях, не оправдываются, так как за последние 15 лет число таких рабочих мест значительно сократилось.

Перекок южнокорейской деловой структуры в пользу крупного бизнеса является далеко не новой и трудно решаемой проблемой, причем не только экономической, но и социальной. Проблема состоит в поиске конкретного подхода к решению застарелой проблемы. Результативность прежних попыток оказать единую поддержку всем категориям малого бизнеса оказалась недостаточно высокой.

Экономические проблемы судостроительных конгломератов связаны с избытком предложения в данной сфере, а также снижением конкурентоспособности на международных рынках. По мере нарастания проблем в судостроении, возникают трудности в смежных отраслях, в том числе в специализированных банках. Под угрозой финансовой нестабильности находятся химическая промышленность, черная металлургия, судостроение, строительство, морские перевозки. Отрицательными последствиями могут стать сокращение производства и, вследствие этого, снижение экономического роста, а также безработица: в результате реструктуризации без работы могут оказаться 327 тыс. человек [3].

Структурные проблемы рынка недвижимости – дополнительный дестабилизирующий фактор. В Южной Корее, по сравнению с развитыми странами, доля населения, проживающего в съёмном жилье, очень высока. При этом низкая доля корпоративного и государственного сектора в предложении съёмного жилья усугубляет ситуацию на рынке недвижимости. Данный показатель в РК составил 19% в 2014 г., тогда как в среднем в развитых странах (США, Великобритании, Германии, Японии) она находится на уровне 40%.

Проблему высоких цен на недвижимость усугубляет сохраняющаяся на низком уровне учётная ставка (1,25%). Решение сохранять ставку на низком уровне вызвано намерением воздействовать на рост задолженности домохозяйств. Однако в таких условиях финансовые потоки направляются в рынок недвижимости. В условиях старения населения многие корейцы перед выходом на пенсию обращаются к кредитным ресурсам, чтобы приобрести жильё для сдачи в аренду, запуская тем самым порочный круг долговой проблемы. В структуре владения недвижимостью также очевидны диспропорции. На самые богатые 20% населения приходится почти 60% владения недвижимостью. Кроме того, 63% владения ею приходится на людей старше 50 лет [5, с. 30].

Предыдущая администрация именно эти проблемы ставила во главу угла своей экономической политики. Администрация Пак Кынхе задачу оживления экономики пыталась решить посредством наращивания бюджетных расходов, которые предполагалось направить на решение первоочередных социально-экономических задач: обеспечение безопасности населения, реформу пенсий госслужащих, повышение конкурентоспособности экономики. Большое внимание уделялось социальной политике и наращиванию социальных расходов при сохранении традиционных для корейцев целевых ориентиров – товарного экспорта, стимулирования въездного туризма [4].

Вокруг этих же задач строилась и предвыборная экономическая платформа нынешнего президента Кореи Мун Чжэина. Отметим, что нынешняя попытка стать президентом была для Муна уже второй: в 2012 г. он остановился в шаге от президентства, проиграв выборы бывшему президенту Пак Кынхе.

В предвыборных дебатах 2017 г. приоритет, как и следовало ожидать, был отдан вопросам межкорейских и американо-корейских отношений в сфере политики

и безопасности. Экономические проблемы, однако, также были в фокусе предвыборных программ. Наряду с хроническими проблемами экономики Кореи, в экономической повестке особое место стали занимать проблемы экономического сотрудничества с КНДР и реформирования крупных конгломератов с акцентом на повышения их социальной ответственности [2].

Проблему улучшения отношений с КНДР для новой администрации можно назвать критической. Наряду с политическим, у этой проблемы есть совершенно очевидный экономический подтекст, связанный с выгодами, получаемыми Севером и Югом от совместных экономических проектов.

Сторонники потепления межкорейских отношений считают, что первоочередные задачи в этой сфере – замораживание ракетно-ядерной программы КНДР и возобновление работы Кэсонского промышленного комплекса – решить вполне возможно. Кроме того, в рамках диалога с Пхеньяном необходимо прорабатывать и другие вопросы – проблемы разделённых семей, возобновления Кымгансанских туристических проектов, отмены южнокорейских санкций 24 мая.

Несмотря на то, что большинством Мун Чжэин воспринимается как сторонник сближения с Севером, новый президент РК на самом деле всегда говорил об этом вопросе вполне прагматично и не давал конкретных обещаний. Мун Чжэин солидарен с позицией президента США Д. Трампа в отношении северокорейской проблемы, предполагающей одновременное санкционное давление и постепенное вовлечение КНДР в диалог. Поэтому сотрудничество Южной Кореи и США в вопросе санкций в отношении Северной Кореи может лишь укрепиться.

Во внешнеэкономической сфере сохраняются риски, связанные с воздействием на экономику Кореи двух стран – Китая и США.

Экономические меры Китая, крупнейшего торгового партнера Республики Корея, принятые им в ответ на размещение американских комплексов ПРО ТНААД на территории страны, больно ударили по Сеулу, вызвав сокращение торговли и туристического потока в РК. Накануне XIX съезда компартии Китая, который состоится осенью нынешнего года, председатель КНР Си Цзиньпин сохраняет жесткую позицию по данной проблеме. Китайский лидер понимает, что сдавать позиции по этому вопросу в условиях ускорения размещения ТНААД невыгодно с точки зрения внутренней политики. С другой стороны, ухудшение отношений с Китаем – это шанс для Южной Кореи сократить зависимость от его экономики, которая за последние несколько лет достигла угрожающих размеров.

Существенное влияние на экономику Республики Корея окажет экономическая политика Дональда Трампа, президента США. Задачи, стоящие перед Трампом, – обеспечить защиту собственной экономики и продвинуть на международном рынке поставки сланцевого газа, переложить бремя расходов на оборону на плечи стран-союзников, – в большой мере относятся и к РК.

До нынешнего момента остаётся неясной судьба вопроса о том, будет ли вынуждена Республика Корея платить за американские комплексы ТНААД, размещение которых на данный момент представляется неизбежным. В РК есть сторонники такого приобретения, которые предполагают, что само начало переговоров о приобретении комплексов обернётся выгодами для нового правительства, которое может подойти к этим переговорам с учётом национальных экономических приоритетов.

Ряд южнокорейских экспертов полагает, что экономический ущерб Южной Корее от реакции Китая исчисляется суммой в 16-17 трлн вон в год (14 млрд долл) и, если выкупить ТНААД за 1,5 трлн вон (1,3 млрд долл.), это будет очень прагматичной сделкой. Сторонники приобретения американских комплексов считают, что, заплатив эти деньги один раз, Республика Корея сможет снизить расходы на другие виды вооружений. При этом есть большие сомнения в том, что США действительно продаст Южной Корее ТНААД [1].

В этом контексте немаловажными следует считать заявления руководства США о необходимости пересмотреть заключённое ранее соглашение о свободной торговле с Южной Кореей, чтобы обеспечить защиту американских производителей. В более широком смысле политика протекционизма, которой придерживается новый президент США, окажет существенное влияние на РК. Изменения могут последовать не только в сфере внешней торговли, но и в энергетической сфере. Существуют небезосновательные предположения о том, что Трамп намерен воспользоваться дипломатическими и политическими приёмами, например, ухудшить отношения с Ираном, чтобы вынудить союзников США дифференцировать источники поставок природного газа. Южная Корея является традиционным покупателем иранской нефти, и после снятия санкций начала активно наращивать объёмы закупок. Кроме этого прорабатывались планы участия Республики Корея в строительстве газопровода из Ирана в Оман, откуда он в форме сжиженного природного газа (СПГ) уже доставлялся бы в РК, поскольку у Ирана нет собственных мощностей по сжижению. Однако под давлением США эти планы могут быть пересмотрены в сторону инвестирования в разработку сланцевых месторождений на территории США. Южной Корее, возможно, уже сейчас нужно готовиться к переориентации закупок природного газа с Ирана на США.

В контексте энергетической проблемы стоит также упомянуть, что сохранение низкой цены на нефть является невыгодным для Кореи, часть доходов которой базируется на строительных контрактах с нефтедобывающими странами и экспорте продукции нефтеперерабатывающей промышленности. Стресс-сценарий для Южной Кореи – средняя цена нефти на ближайшие два года на уровне 35 долл. за баррель.

Таким образом, в фокусе экономической политики администрации Мун Чжэина, наряду с внутренними проблемами структурного социально-экономического дисбаланса, есть круг острых внешнеполитических и внешнеэкономических

вопросов. Новому президенту необходимо выстраивать новые отношения с США, Китаем и КНДР в условиях динамической международной ситуации, отстаивая не только политические, но и экономические интересы своего государства. В этой связи Россия традиционно имеет большое значение для Республики Корея как партнер, с одной стороны так же заинтересованный в стабильности экономическо-политической ситуации в регионе, а с другой – имеющий достаточно возможностей сотрудничать с Южной Кореей не только в двустороннем, но и в многостороннем формате.

Как в Корее, так и в России высоки ожидания позитивного развития российско-корейского экономического сотрудничества после застоя, который стал характерен для них в период нахождения у власти в Корее консерваторов. Однако направления этих ожиданий для каждой из сторон разные. Если Россия надеется на то, что экономическая повестка в российско-корейском сотрудничестве, наконец, станет преобладать или как минимум не будет связана с политической, то, с точки зрения Южной Кореи, потепление отношений с Россией прежде всего предоставит возможности для улучшения межкорейских отношений.

На сегодняшний день состояние российско-корейских отношений в сфере экономики можно расценить как неудовлетворительное: роста торговли не наблюдается, а крупные инвестиционные и инфраструктурные проекты, которые обсуждаются на протяжении долгих лет, не продвигаются. Примеры успешной реализации взаимовыгодных проектов с участием двух стран перестали появляться уже давно.

Единственное направление сотрудничества России и Кореи, которое развивается очень активно, – туристические обмены. Лидером по привлечению южнокорейских туристов на Дальнем Востоке России является Приморский край, в этом определяющую роль играет прежде всего транспортная доступность и развивающаяся инфраструктура. Общее число туристов, приезжающих в Приморский край, составляет 3 млн человек в год, из них 600 тыс. человек – иностранцы. В большей части это туристы из Китая и Кореи, и, учитывая только объёмы турпотока, следует сделать вывод о росте потребления этой услуги в регионе и возможности создания новых бизнес-моделей, учитывающих новую экономическую среду. Однако и здесь не обходится без проблем. Доходы от туризма не вкладываются в развитие региона, существенная их часть через корейские фирмы, обслуживающие собственных туристов, фактически вывозится обратно в Корею. Тем не менее, сохраняющийся у корейских туристов интерес к посещениям России – положительный знак.

Актуальные на сегодняшний день проблемы российско-корейского сотрудничества, требующие внимания со стороны новой администрации Республики Корея, – реализация проектов трёхстороннего сотрудничества с участием КНДР (прежде всего, развитие порта Раджин), проработка вопроса подписания соглашения о свободной торговле между РК и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), инве-

стирование в проекты по развитию Дальнего Востока России – территории опережающего развития и Свободный порт Владивосток.

Немало будет зависеть от того, насколько активное участие примет корейская делегация в очередном, Третьем Восточном Экономическом Форуме, который состоится в сентябре 2017 во Владивостоке. Приглашение посетить Форум было направлено президенту Кореи Мун Чжэину. В июне появились сообщения о том, что новый президент Кореи имеет намерение принять в нём участие.

Несмотря на то, что с момента избрания нового президента Кореи прошло всего три месяца, представители его администрации довольно активно заговорили о необходимости интенсифицировать российско-корейские отношения. Наряду с необходимостью институционализации двусторонних отношений, поднимаются вопросы возобновления крупных проектов с участием двух стран.

По словам спецпосланника президента Мун Чжэина в России, депутата Национальной Ассамблеи Сон Ёнгиля, «Если говорить о "российском векторе", то я считаю, что сотрудничество с РФ надо институционализировать, создав специальную правительственную структуру, отвечающую за это направление, включая увязку России с северокорейской сферой. Предыдущий президент Пак Кын Хе много говорила про свою "евразийскую инициативу", но, насколько я знаю, этим на госуровне занимались лишь два чиновника. У России же отдельное министерство занимается развитием Дальнего Востока, где часто вспоминают Южную Корею. В общем, работу по этим направлениям надо сделать постоянной, плановой, придать ей большую значимость. Насколько я вижу, наше правительство это понимает, а потому можно ожидать соответствующих решений» [6].

Что касается конкретных направлений сотрудничества, то резонансным в этом контексте стало предложение Мун Чжэина сократить мощности ядерных электростанций в Корее и увеличить импорт энергоресурсов из России. Предложения в сфере наращивания импорта энергоресурсов разнообразны: от наращивания импорта нефти до возрождения забытого на несколько лет проекта газопровода из России в Южную Корею через территорию КНДР. Рост импорта газа из России, по мнению корейских аналитиков, с одной стороны, позволит перевести промышленность страны с угля, сократив тем самым неблагоприятные экологические последствия в виде выброса пыли, а с другой – способствовать получению более дешёвой энергии.

Проект создания газопровода и соединения железнодорожных магистралей стал основной повесткой встречи спецпредставителя Сон Ёнгиля с президентом России Путиным в мае 2017 г. Обсуждались и возможности возобновления проекта восстановления Транскорейской железной дороги и соединения её с Транссибом. Отметим, что предполагающие участие КНДР экономические проекты активно, но на тот момент безрезультатно обсуждались в середине 2000-х гг. Между тем на

фоне появляющихся сообщений о возобновлении проектов наиболее существенным вопросом для согласования останутся условия их финансирования.

На протяжении нескольких месяцев пребывания у власти избранный в 2017 г. президент Южной Кореи Мун Чжэин продемонстрировал приверженность идеям сбалансированного развития международных отношений РК прежде всего в двустороннем формате. По мере обострения внутренних социально-экономических проблем в стране, надежность и стабильность международных отношений в сфере энергетического, продовольственного сотрудничества приобретает для Кореи особое значение. При этом интересы Республики Корея в отношении России в целом остаются прежними: топливно-энергетическая отрасль, логистические проекты, продвижение корейской продукции на российский рынок. Однако крупные энергетические и транспортные проекты, о которых вновь заговорили в Корее, требуют значительной работы по согласованию организационных и финансовых условий их реализации и вовлечения в этот процесс КНДР. Смещение фокуса на проекты, активно обсуждавшиеся ещё несколько лет назад, но на определённое время забытые, свидетельствует о том, что намерение РК использовать Россию как рычаг политического и экономического воздействия на КНДР, продолжает оставаться актуальным.

Исходя из положительного настроения в отношении России, который демонстрирует администрация нового президента Республики Корея, есть основания рассчитывать на активизацию инвестиционного сотрудничества наших стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Приобретение комплексов ПРО выгодно и Китаю»... как активизировать межкорейский диалог? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sptnkne.ws/ecD2>. – Кор.
2. В каком направлении пойдет экономическая политика нового правительства [Электронный ресурс]? – Режим доступа: http://library.gri.re.kr/download.do?gs_gubun=pms&filename=3/5522/Issue2017-278.pdf. – Кор.
3. Доклад Банка Кореи о финансовой стабильности. 2016.6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bok.or.kr/down.search?file_path=/attach/kor/. – Кор.
4. Ежегодное послание Президента Пак Кынхе по вопросу формирования бюджета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tf.co.kr/read/ptoday/1596696.htm>. – Кор.
5. Кукла, М. П. Республика Корея : на пути к креативной экономике // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 9. – С. 27–32.
6. Южная Корея: Россия – это шанс для решения северокорейской проблемы [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/09/iuzhnaia-koreia-rossiia-eto-shans-dlia-resheniia-severokorejskoj-problemy.html>.

REFERENCES

1. «If you buy a THAAD, you will persuade China»... How to solve Inter-Korean problem? Available at: <https://sptnkne.ws/ecD2> (accessed 30 May 2017). (In Korean).
2. *New government economic policy, in what direction should we go?* Available at: http://library.gri.re.kr/download.do?gs_gubun=pms&filename=3/5522/Issue2017-278.pdf (accessed 30 May 2017). (In Korean).
3. *Financial stability report. 2016.6.* Available at: http://www.bok.or.kr/down.search?file_path=/attach/kor.pdf (accessed 30 May 2017). (In Korean).
4. *President Park Geun-hye 2016 budget message.* Available at: <http://news.tf.co.kr/read/ptoday/1596696.htm> (accessed 30 May 2017). (In Korean).
5. Kukla M.P. *Respublika Koreya: na puti k kreativnoi ekonomike* [Republic of Korea: on the way to creative economy]. *Aziya and Africa segodnya*, 2016, no. 9, С. 27–32.
6. South Korea: Russia is a chance to solve the North Korean problem. *Rossiiskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2017/06/09/iuzhnaia-koreia-rossiia-eto-shans-dlia-resheniia-severokorejskoj-problemy.html>. (In Russian).

УДК 339.9(510:98)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/57-67

М.Ю. Гутенев¹

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

E-mail: gutenevmi@susu.ru

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕКИНА В XXI в.: ПРОГНОЗЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается возникновение и развитие арктической стратегии Китая. Подчеркиваются попытки Китая воздействовать на страны Арктики посредством ученого сообщества. В ученой среде китайских исследователей уже четко укоренилась концепция, рассматривающая Китай как «почти арктическое», или «приарктическое» государство. Исследователи из КНР в своих научных работах активно обосновывают статус Арктики как объекта международного права, в то время как сам Китай выстраивает двусторонний формат сотрудничества с приарктическими и арктическими странами, а также активно принимает участие в международных арктических организациях. В работе анализируется стратегия Китая по выстраиванию отношений со странами Арктики. Фактически политика Китая разделила арктические и приарктические страны на две группы: страны, которые заинтересованы в присутствии Китая в Арктике, и страны, которые не хотели бы видеть Китай в роли серьезного игрока. Арктическая стратегия Китая до конца еще не сформирована, однако в последнее десятилетие отчетливо вырисовывается общий вектор ее направленности. Главными приоритетами Китая в Арктике в ближайшие десятилетия будут: освоение Северного морского пути, получение доступа к углеводородным запасам Арктики, изучение последствий изменений климата в Арктике для КНР. Посредством расширения инвестиционных проектов в странах Арктики Китай заложил основы своего влияния на регион. Не предъявляя открытых претензий на обладание Арктикой, правительство Китая постепенно наращивает свое экономическое, научно-техническое присутствие в ней. В настоящий момент через ряд крупных проектов КНР имеет возможность осуществлять экономическое давление на регион с целью достижения целей своей арктической стратегии.

¹ Максим Юрьевич Гутенев, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Южно-Уральского государственного университета (НИУ), г. Челябинск, Россия.

Для цитирования: Гутенев М.Ю. Арктическая стратегия Пекина в XXI в.: прогнозы и тенденции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 57–67.

Ключевые слова: Арктика, Китай, Россия, Норвегия, Канада, США, Арктический совет, Северный морской путь, континентальный шельф, мягкая сила, научная дипломатия.

Maxim Y. Gutenev¹

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

E-mail: gutenevmi@susu.ru

ARCTIC STRATEGY OF BEIJING IN THE 21st CENTURY: FORECASTS AND TRENDS

Abstract. The article deals with the emergence and development of China's arctic strategy. China's attempts to influence the countries of the Arctic through the scientific community are underlined. In the academic environment, Chinese researchers have clearly entrenched the concept, considering China as an “almost Arctic” or an “Arctic” state. Researchers from the PRC in their scientific work actively justify the status of the Arctic as an object of international law, while China itself is building a bilateral format of cooperation with the Arctic and near-Arctic countries, and actively participates in the international Arctic organizations. This paper analyzes China's strategy for building relations with the Arctic countries. In fact, China's policies have divided the Arctic countries into two groups: countries that are interested in the presence of China in the Arctic and countries that would not want to see China in the role of a serious player. The Arctic strategy of China is still not formed, however, the last decade has clearly revealed the General vector of its direction. The main priorities of China in the Arctic in the coming decades will be as follows: development of the Northern sea route and obtaining access to the hydrocarbon reserves of the Arctic, studying the effects of climate changes in the Arctic on China. Through the expansion of investment projects in the Arctic countries, China has laid the foundations of its influence on the region. Without making overt claims to the possession of the Arctic, the government of China is gradually increasing its economic, scientific-technical presence in the region. At the moment, through a number of major projects, China has the ability to exercise economic pressure on the region to achieve the goals of its Arctic policy.

¹Maxim Y. Gutenev, Candidate of Philosophical Sciences, associate Professor of sociology and political science of the South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

For citing: Gutenev, M.Y. Arctic strategy of Beijing in the 21st century: forecasts and trends // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 57–67.

Key words: Arctic, China, Russia, Norway, Canada, USA and the Arctic Council, the Northern sea route, continental shelf, soft power, science diplomacy.

Влияние глобального потепления на таяние арктических льдов широко обсуждается как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. В связи с ожидаемым изменением климата в последнее время резко увеличилось количество государств и коммерческих организаций, заинтересованных в освоении арктических ресурсов, а также путей возможных грузоперевозок по Северному морскому пути.

Наибольшую активность в этом регионе проявляют страны «Арктической пятерки»: Россия, Норвегия, США, Канада, Дания. Согласно конвенции ООН, именно эти пять государств, обладающих территориями в Арктике, имеют право осваивать шельф и использовать богатства северного региона по своему усмотрению. Однако не только арктические и приарктические страны (Исландия, Швеция, Финляндия) проявляют интерес к собственно арктической территории, в последнее время этот регион привлекает внимание стран, находящихся в значительной степени удаленности от Северного полюса (Индия, Китай, Сингапур, Япония). Большинство заинтересованных неарктических государств полагают, что ресурсы Арктики не должны принадлежать исключительно «Арктической пятерке», а должны являться всеобщим мировым достоянием.

Особенно большой интерес к Арктике из неарктических государств проявляет Китай. Арктика интересна Китаю по определенным причинам: доступ к ресурсному потенциалу региона, возможность использования Северного морского пути и возможность осуществления научно-исследовательских мероприятий в Арктике. Важной составляющей комплекса целей Китая в Арктике являются и эколого-климатические интересы. Растущая экономика Китая и его политическая мощь уязвимы перед изменением климата, что может иметь негативные последствия для китайской продовольственной безопасности. Во многом от погодных условий в Арктике зависит формирование климата и погоды в Китае, а подъем уровня морей вследствие таяния льдов в Арктике является значительной угрозой для развитых промышленных и сельскохозяйственных центров на побережье страны.

Если выстроить иерархию интересов Китая в Арктике, то несомненным приоритетом будут обладать экономические цели. От реализации экономических планов Китая во многом будет зависеть его статус одной из ведущих мировых держав в XXI веке. В настоящее время основным поставщиком энергоносителей в Китай являются страны Ближнего Востока, однако ближневосточный регион не является политически и экономически стабильным и уже в ближайшее время не сможет

полностью перекрывать все потребности Китая в энергоресурсах. Для достижения своих геополитических и экономических целей в Арктике руководство Китая планомерно формирует и реализует собственную арктическую стратегию. В настоящий момент она еще не сформирована в окончательном виде, но ее общее направление развития представляется очевидным.

Попытки теоретического изучения Арктики были предприняты Китаем еще в 80-е годы прошлого века. В 1994 г. китайцы впервые отправили в Арктику свое научно-исследовательское судно ледового класса Хуе Лонг (Снежный дракон). С 2000-х годов начинается принципиально новый этап освоения и изучения Арктики – от научно-исследовательских проектов Китай активно переходит к практической деятельности по реализации своих экономических и политических целей в регионе. Так, для того, чтобы более точно осуществлять метеорологические исследования, изучать процессы таяния ледников, проводить мониторинг ледников в Арктике, в 2004 г. на острове Шпицберген «Полярным научно-исследовательским институтом Китая» была открыта научно-исследовательская станция «Хуанхэ».

В 2009 г. китайцы окончательно убедились в необходимости продолжения освоения Арктики – профессор Ли Чжэфу в журнале Китайской ассоциации науки и технологии назвал Северный морской путь «осевым морским путем»: «Тот, кто контролирует арктический путь, будет контролировать новый коридор в мировой экономике и международной стратегии» [8]. В 2012 г. на съезде Коммунистической партии Китая была озвучена идея превращения Китая в великую морскую державу, следствием чего стала реализация крупных проектов по освоению новых морских акваторий и путей. В 2013 г. китайцы успешно запустили первый пробный коммерческий рейс через Северный морской путь из города Дялань в Роттердам [7].

Сегодня Китай ведет довольно неоднозначную политику в Арктике. На переговорах с неарктическими странами Китай активно продвигает идею об интернационализации региона и его ресурсного потенциала, в переговорах со странами «арктической пятерки» активно ищет точки для экономического и политического диалога с целью создания каких-либо совместных проектов. Китай признает конвенцию ООН по морскому праву [3] и права арктических держав на территории морского шельфа, но вместе с тем руководство КНР полагает, что международные нормы гарантируют и неарктическим странам определенные права в Арктике. Китайские геополитики полагают, что контроль над арктическим регионом позволит получить их стране ряд преимуществ: «Разработка стратегически важных сырьевых ресурсов, как и развитие новых морских путей в Арктике, безусловно, могут иметь для Китая не только торгово-экономическое, но и геополитическое и – особенно в перспективе – военно-стратегическое значение» [1, с. 237].

КНР наряду с другими неарктическими государствами относится к той группе стран, которая стремится к интернационализации Арктики по образцу Антарктики.

При этом Китай частично учитывает интересы стран арктического клуба по суверенизации этого региона. В ученой среде китайских исследователей уже четко укоренилась концепция, рассматривающая Китай как «почти арктическое», или «приарктическое» государство. Исследователи из КНР в своих научных работах активно обосновывают статус Арктики как объекта международного права, в то время как сам Китай выстраивает двухсторонний формат сотрудничества с приарктическими и арктическими странами, а также активно принимает участие в международных арктических организациях.

Китайский фактор в последнее десятилетие стал особенно актуален. Фактически политика Китая разделила арктические и приарктические страны на две группы: страны, которые заинтересованы в присутствии Китая в Арктике, и страны, которые не хотели бы видеть Китай в роли серьезного игрока на «арктической шахматной доске».

К странам, которые больше всего обеспокоены растущими амбициями Китая, относятся США и Канада. Руководство США высказывает недовольство стратегической линией Китая по выстраиванию двусторонних отношений с арктическими странами. Темпы развития КНР настораживают США и оказывают негативное воздействие на международное сотрудничество в Арктике в целом. Будучи второй экономикой мира, Китай, благодаря ресурсам Арктики, может вырваться на первое место и потеснить США. В связи с этим, на наш взгляд, США являются наиболее недружелюбной к Китаю страной в Арктическом совете.

Канада в первую очередь обеспокоена претензиями Китая на ресурсы канадской Арктики, а также проявлением интереса к канадскому Северо-Западному проходу. В связи с заинтересованностью в китайских инвестициях канадское правительство официально не заявляет о своем отрицательном отношении к политике КНР в Арктике, однако на законодательном уровне предпринимает попытки ограничить присутствие Китая в Арктике. Вместе с тем Канада понимает, что присутствие Китая в Арктике неизбежно, поэтому в последнее время наметилась тенденция по сближению этих двух стран. В частности, о таком сближении свидетельствует заявление премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцян от 18 апреля 2017 г. о продолжении совместной работы с Канадой по расширению двусторонней торговли и инвестиций [10].

Россия и Китай заинтересованы во взаимном сотрудничестве, особенно в энергетическом комплексе. Именно Арктика имеет важное экономическое и политическое значение для обоих государств. Быстрый экономический рост Китая и, как следствие, увеличение спроса на поставки нефти стали главной причиной, по которой КНР стремится участвовать в проектах по освоению арктического шельфа нашей страны. Для России экономическое сотрудничество с Китаем вышло на новый уровень после событий на Украине в 2014 году. В этом же году Президентом нашей страны В.В. Путиным был заключен ряд соглашений с КНР по вопросам сотрудничества в нефтегазовой сфе-

ре. Крупнейшая китайская нефтегазовая компания CNPC взяла на себя главную роль в реализации газовых проектов в Арктике, обязуясь покупать ежегодно 3 миллиона тонн сжиженного природного газа на Ямале. Уже в 2020 году планируется начать поставки СПГ в Китай через трубопровод «Сила Сибири» [9].

Помимо энергетического фактора, в настоящее время основными линиями развития партнерских отношений России и Китая являются геополитические факторы, а также вопросы логистического характера, связанные с освоением Северного морского пути (СМП). Китай заинтересован в развитии и освоении СМП, в первую очередь из-за того, что перевозки грузов через этот морской путь могут стать более экономически выгодными, чем через Суэцкий канал, который в настоящее время практически достиг своего предела пропускной способности. Расстояние из Шанхая до Гамбурга по СМП примерно на 40% короче, чем через Суэцкий канал, что позволяет на неделю сократить сроки доставки грузов из Азии в Европу. Транспортировки углеводородного сырья с арктического шельфа могут стать более выгодными по сравнению с транспортировками посредством газо- и нефтепроводов.

Россия обладает необходимым количеством атомных ледоколов, а также производственной, технической и научной базой в Арктике, однако состояние портов, аэродромов и других объектов инфраструктуры находится не на самом лучшем уровне. Китайские инвестиции помогли бы оживить инфраструктуру арктического региона и открыть новые возможности для роста российской экономики. Укрепление российско-китайских отношений в области энергетики способствовало бы росту производства внутри нашей страны, а также развитию торговли между странами в целом.

На четвертом международном форуме «Арктика – территория диалога», который проходил в Архангельске с 28 по 30 марта 2017 г., Президент РФ В.В. Путин отметил, что все государства мира имеют право работать в Арктике. Россия заинтересована в привлечении иностранных инвестиций в этот регион, а также в сотрудничестве с другими нерегиональными государствами по решению проблем устойчивого развития Арктики. Несколько раз в ходе выступления на форуме В.В. Путин упомянул о готовности к сотрудничеству с КНР «Те же китайские партнёры намерены участвовать и говорят о своей готовности участвовать в строительстве железных дорог на российском севере, которые будут вести к новым глубоководным портам. Вы знаете, мы не только не собираемся препятствовать работе нерегиональных стран по освоению Арктики, а, наоборот, заинтересованы в привлечении их ресурсов и возможностей для освоения этого региона, но, разумеется, на принципах соблюдения норм и правил, обеспечивающих экологическую безопасность, безопасность биоресурсов, обеспечение интересов коренных народов, проживающих на этих территориях» [4].

Стоит отметить, что в вопросах освоения Арктики у России и Китая есть ряд определенных разногласий. Так, например, у России вызывает опасение тот факт,

что у китайской стороны отсутствует опыт в сфере добычи полезных ископаемых с применением современных экологических стандартов. Для хрупкой арктической среды российской Арктики такой подход к добыче ресурсов недопустим. Определенная угроза для России заключается и в том, что Китай может монополизировать Северный морской путь и не допустить другие страны АТР в этот регион.

В арктической политике КНР очень хорошо прослеживается стратегическая линия по укреплению и развитию отношений со странами Северной Европы. Для этого 19 декабря 2010 г. в Шанхае был основан Китайско-нордический научно-исследовательский центр (CNARC). В состав данного центра в настоящий момент входят 7 организаций от стран Северной Европы (Норвежский полярный институт, Арктический центр университета Лапландии и др.) и 6 научных организаций от КНР (Полярный научно-исследовательский институт Китая, Научно-исследовательский институт полярного права и политики и др.). С 2013 г. CNARC ежегодно организует «Китайско-нордический симпозиум арктического сотрудничества», на котором встречаются ученые из стран Северной Европы и КНР; Россия в данном мероприятии не участвует.

Официальной целью деятельности данного центра является создание площадки для научного сотрудничества, повышения осведомленности и понимания проблем Арктического региона, содействие сотрудничеству в интересах устойчивого развития стран Северной Европы и Китая в глобальном контексте. Исследовательские темы CNARC включают проведение совместных научно-исследовательских проектов, развитие арктических научно-исследовательских сообществ, проведение регулярных симпозиумов и семинаров, содействие информационному и культурному обмену между Китаем и странами Северной Европы в контексте Арктики. Кроме того, CNARC предлагает стипендии и стажировки для студентов скандинавских стран для проведения исследований в данном центре [13].

Для усиления своих позиций в Арктике Китай на практике реализует стратегию сближения с некоторыми из арктических государств. Государства Северной Европы, как правило, заинтересованы видеть Китай сильным арктическим игроком. С большой охотой идут на сближение с КНР Исландия и Дания. Норвегия занимает более умеренную позицию в отношении Китая, однако также не остается в стороне – на норвежском Шпицбергене (Свальбард) находится китайская полярная научно-исследовательская станция «Хуанхэ». В поселении Нью-Олесунн на том же архипелаге китайцы открыли свою исследовательскую арктическую станцию. Интерес названных стран в сотрудничестве с Пекином связан с тем, что за счет Китая они могут усилить свое влияние в Арктическом совете, а также получить необходимые инвестиции для развития своей экономики.

В 2010 г. Китай выделил 500 миллионов долларов на поддержку переживающей кризис банковской системы Исландии. Также в 2010 г. Дания подписала кон-

тракты с Китаем на сумму 740 млн долларов в областях энергетики, зеленой экономики, сельского хозяйства и продовольственной безопасности. В 2011 г. посол Дании в Китае выступил с заявлением в поддержку китайской заявки на постоянное членство в Арктическом Совете. Такая же позиция была и у лидеров Гренландии и Исландии. В январе 2013 г. шведские и норвежские представители на заседании Арктического совета в Тромсё заявили о желании начать процесс обсуждения участия Китая в Арктическом совете.

Особое внимание в своей северной политике КНР уделяет Исландии. Поддерживая внешнюю политику Исландии, КНР стремится укрепить свои позиции в Арктическом совете и получить доступ к энергоресурсам острова. Привлекательна Исландия для Китая также своим географическим положением: в результате таяния льдов уже в ближайшей перспективе самые экономически выгодные транспортные пути будут проходить рядом с Исландией.

Исландия является приарктической страной, которая не владеет какими-то арктическими территориями. В 2009 г. Исландия подала заявление на вступление в Евросоюз, но не смогла стать его членом. Одним из последствий отказа Исландии от заявки членства в ЕС стало сближение Китая и Исландии. При помощи КНР Исландия стремится укрепить свой статус среди арктических государств, а также увеличить долю экспорта энергоресурсов и рыбной продукции на азиатские рынки. В период дипломатического кризиса в отношениях между Китаем и Норвегией из-за вручения китайскому диссиденту Лю Сяобо Нобелевской премии мира именно Исландия активно поддерживала идею вступления Китая в качестве наблюдателя в Арктический совет [5].

Относительно теплыми можно назвать отношения КНР с Датским королевством. Дания является одним из членов Арктического совета благодаря тому, что ей принадлежит самый крупный остров на планете – Гренландия. Несмотря на то, что в последнее время внутри самой Гренландии все чаще звучат идеи об отделении и провозглашении независимости, Дания все еще является полноправным арктическим государством. Более того, арктические амбиции Дании постоянно растут и, наряду с Россией и Канадой, она является третьей страной, которая претендует на континентальный шельф на Северном полюсе. Дания заинтересована в Китае и считает, что «Китай имеет в Арктике законные экономические и научные интересы» [1, с. 236].

Китай намерен укреплять отношения с Данией главным образом за счет построения прочных экономических связей с Гренландией, создания новых производств и развития транспортной инфраструктуры Гренландии. В связи с этим Дания в ближайшее время будет оставаться для Китая значимым действующим лицом в его арктической политике.

Пекин с 2008 г. пытался получить статус наблюдателя в Арктическом совете. Вступление в него в 2013 г. в качестве наблюдателя открыло перед Китаем новые

перспективы. После включения КНР в совет Арктическим странам стало затруднительно не учитывать официальную позицию Пекина. КНР в качестве наблюдателя совета может участвовать на его слушаниях на уровне рабочих групп, участвовать в дискуссиях и выражать свое мнение на заседании совета по поводу обсуждаемых проблем. С другой стороны, членство в этой организации для Китая имеет больше имиджевое значение. Став наблюдателем Арктического совета, КНР де-факто признал суверенные права арктических государств в регионе. Арктический совет, несмотря на свой статус, является организацией, решающей в первую очередь экологические проблемы региона, а не политические и геоэкономические. В связи с этим Китаю, возможно, будет сложнее проводить стратегию интернационализации региона.

Не предъявляя открытых претензий на обладание Арктикой, правительство Китая постепенно наращивает свое экономическое, научно-техническое присутствие в ней. Именно акцент на сотрудничестве с малыми странами в Арктике является последним трендом во внешней политике Китая. КНР использует все доступимые экономические средства для того, чтобы посредством сотрудничества с небольшими приарктическими странами получить возможность стать полноценным арктическим игроком. В свою очередь, такие небольшие государства, как Исландия или Дания, рады возможности сотрудничества с Китаем, т.к. это позволяет им эффективней защищать свои интересы и увеличивать свой политический вес в Арктике.

Арктическая стратегия Китая до конца ещё не сформирована, однако в последнее десятилетие отчетливо вырисовывается общий вектор её направленности. Главными приоритетами Китая в Арктике в ближайшие десятилетия будут: освоение Северного морского пути, получение доступа к углеводородным запасам Арктики, изучение последствий изменений климата в Арктике для КНР.

Появление Китая на «арктической шахматной доске» вносит неопределенность в будущие сценарии арктической геополитической игры. Китай довольно эффективно использует противоречия внутри арктических и приарктических стран, постепенно укрепляя свой статус арктической державы. При этом руководство КНР действует, по крайней мере, пока, с оглядкой на главных «тяжеловесов» Арктического совета – Россию, Норвегию, США, Канаду.

Посредством расширения инвестиционных проектов в странах Арктики Китай заложил основы своего влияния на регион. В настоящий момент через ряд крупных проектов КНР имеет возможность осуществлять экономическое давление на регион с целью достижения целей своей арктической стратегии. Возможно, что в ближайшем будущем вслед за Китаем о своих претензиях на богатства Арктики заявят и другие неарктические страны. Возможно и то, что возглавлять коалицию неарктических государств, стремящихся к интернационализации Арктики, будет Китай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества : хрестоматия. Т. 1 / Рос. совет по междунар. делам ; [под общ. ред. И. С. Иванова]. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 360 с.
2. Ван Цзюньтао. Формы участия Китая в международной деятельности в Арктике : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Ван Цзюньтао ; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2016. – 153 с.
3. Конвенция Организации Объединенных наций по морскому праву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf.
4. Международный форум «Арктика – территория диалога» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/54149>.
5. Николаев, Н. Н. Сотрудничество Китая и Исландии в Арктике // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (8). – С. 57–66.
6. Норвегия и Китай восстановили дипломатические отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2016/12/19/reveal_ties/.
7. Первое судно на Севморпути [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pixanews.com/kompanii-i-rynki/pervoe-sudno-na-sevmorputi.html>.
8. Политика Китая в Арктике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voprosik.net/politika-kitaya-v-arktike/>.
9. Поставки газа по «Силе Сибири» начнут в 2020–2021 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/70092>.
10. Премьеры Китая и Канады обсудили экономическое сотрудничество двух стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/2264959.html>.
11. Barannikova, A. O. The Development of Chinese-Russian Relations and Strengthening China's Position in the Arctic / A. O. Barannikova, Dou Bo // *Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education*. – 2015. – Vol. 5, iss. 2. – P. 10–20.
12. Bennet, Mia. How China Sees the Arctic: Reading Between Extraregional and Intraregional Narratives // *Geopolitics*. – 2015, Jul.-Sept. – Vol. 20, iss. 3. – P. 645–668.
13. China-Nordic Arctic Research Center [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnarc.info/organization>.
14. Interest of Asian shipping companies in navigating the Arctic / L. Beveridge, M. Fournier, F. Lasserre, Linyan Huang, P. L. Tetu // *Polar Science*. – 2016. – No. 10. – P. 404–414.
15. Bertelsen, R. G. The return of China, post-Cold War Russia, and the Arctic: Changes on land and at sea / R. G. Bertelsen, V. Galucci // *Marine Policy*. – 2016. – No 72. – P. 240–245.

REFERENCES

1. *Arkticheskiĭ region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva : khrestomatiya*. Vol. 1 / Ros. sovet po mezhdunar. delam [Arctic region: problems of international cooperation]. – Moscow: Aspekt Press Publ., 2013. 360 p.
2. Van Tszyun'tao. *Formy uchastiya Kitaya v mezhdunarodnoi deyatel'nosti v Arktike* [Forms of China's participation in international activities in the Arctic]. Cand. diss. (Political Sci.). St. Petersburg, 2016. 153 p.
3. *United Nations Convention on the Law of the Sea*. Available at: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (accessed 30 May 2017). (In Russian).
4. *International Forum «Arctic – Territory of Dialogue»*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/54149> (accessed 30 May 2017). (In Russian).
5. Nikolaev N.N. Sotrudnichestvo Kitaya i Islandii v Arktike [Cooperation of China and Iceland in the Arctic]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 2 (8), pp. 57–66.
6. *Norway and China restored diplomatic relations*. Available at: https://lenta.ru/news/2016/12/19/reveal_ties/ (accessed 30 May 2017). (In Russian).
7. *The first ship on the Northern Sea Route*: Available at: <http://pixanews.com/kompanii-i-rynki/pervoe-sudno-na-sevmorputi.html> (accessed 30 May 2017). (In Russian).
8. *China's policy in the Arctic*. Available at: <http://voprosik.net/politika-kitaya-v-arktike/> (accessed 30 May 2017). (In Russian).
9. *Deliveries of gas on the «Force of Siberia» will begin in 2020–2021*. Available at: <http://www.vestifinance.ru/articles/70092> (accessed 30 May 2017). (In Russian).
10. *Premiers of China and Canada discussed economic cooperation between the two countries*. Available at: <https://regnum.ru/news/economy/2264959.html> (accessed 30 May 2017). (In Russian).
11. Barannikova A.O., Dou Bo. The Development of Chinese-Russian Relations and Strengthening China's Position in the Arctic. *Asia-Pacific Journal of Marine Science & Education*, 2015, vol. 5, iss. 2, pp. 10–20.
12. Bennet Mia. How China Sees the Arctic: Reading Between Extraregional and Intra-regional Narratives. *Geopolitics*, 2015, Jul.-Sept., vol. 20, iss. 3, pp. 645–668.
13. *China-Nordic Arctic Research Center*. Available at: <http://www.cnarc.info/organization> (accessed 30 May 2017).
14. Beveridge L., Fournier M., Lasserre F., Linyan Huang, Tetu P.L. Interest of Asian shipping companies in navigating the Arctic. *Polar Science*, 2016, no. 10, pp. 404–414.
15. Bertelsen R.G., Galucci V. The return of China, post-Cold War Russia, and the Arctic: Changes on land and at sea. *Marine Policy*, 2016, no. 72, pp. 240–245.

УДК 656.078.8

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/68-78

О.И. Костюкова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kostyukova.oi@dvfu.ru

С.В. Богатырёва²

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: s_b63@mail.ru

Д.В. Антонец³

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: captan_d@mail.ru

**КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТРАНСПОРТНОЙ ГРУППЫ FESCO
И КРУПНЕЙШИХ В МИРЕ СУДОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КОМПАНИЙ**

Аннотация. Происходящее в последние годы существенное снижение темпов роста мировых грузоперевозок, особенно в контейнерном секторе, вызванное замедлением развития мировой торговли товарами и избытком дедевейта контейнеровозов, привело к обострению конкуренции среди грузоперевозчиков и ухудшению финансовых результатов их деятельности. Даже компании – лидеры мирового рынка морских контейнерных перевозок ощутили изменение конъюнктуры не в пользу продавцов транспортных услуг. Ухудшились финансовые показатели и одной из крупнейших в России транспортно-логистических компаний Транспортной группы FESCO.

¹Оксана Ивановна Костюкова, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

²Светлана Владимировна Богатырёва, кандидат экономических наук, доцент, Высшая школа внутренней и внешней торговли, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

³Дарья Валерьевна Антонец, магистрант 2-го года обучения, направление подготовки «Экономика», профиль «Логистика и управление транспортными перевозками на рынках АТР», кафедра мировой экономики, Школа экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Костюкова О.И., Богатырёва С.В., Антонец Д.В. Конкурентоспособность транспортной группы FESCO и крупнейших в мире судовладельческих компаний // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 68–78.

В статье представлены результаты сравнительной оценки конкурентоспособности FESCO и трёх крупнейших в мире морских перевозчиков контейнерных грузов: Maersk, CMA CGM и APL. Все четыре компании – транснациональные, их деятельность диверсифицирована в сфере разных видов транспорта и его инфраструктуры. Основной доход компаниям приносят грузоперевозки. У всех компаний в период 2011–2015 гг. морские грузоперевозки были либо убыточны, либо низко рентабельны, и основную прибыль им приносила деятельность других подразделений.

Расчёты показателей конкурентоспособности по выборке на основе динамического метода позволяют сделать следующие выводы. Наиболее стабильное положение у Maersk и CMA CGM. В 2015 г. наибольшей конкурентоспособностью обладает CMA CGM, на втором месте – APL и Maersk. FESCO, находясь на первом месте в группе в 2011 г., в 2015 г., переместилась на последнее, снизив показатель на 0,42 пункта, и существенно уступает конкурентам. Принимаемых в компании мер по оптимизации затрат пока недостаточно.

Положение FESCO усугубляется внутриэкономическими факторами: замедлением темпов экономического развития в стране, ослаблением курса рубля, снижением покупательной способности. В настоящее время компания находится в ситуации неопределенности и сомнений в возможности осуществлять свою деятельность непрерывно.

Ключевые слова: морские контейнерные перевозки, мировой рынок морских грузоперевозок, конкурентоспособность предприятия, оценка конкурентоспособности, динамический метод оценки конкурентоспособности, финансовый результат деятельности, показатели конкурентоспособности.

Oksana I. Kostyukova¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kostyukova.oi@dvfu.ru

Svetlana V. Bogatyreva²

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

E-mail: s_b63@mail.ru

Darya V. Antonets³

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: captan_d@mail.ru

**COMPETITIVENESS OF FESCO TRANSPORT GROUP
AND LARGEST SHIPPING COMPANIES IN THE WORLD**

Abstract. In recent years, a slowdown in the development of global trade and a surplus of container ships' deadweight have induced a significant reduction of global freight traffic growth, especially in the sector of container shipment, which has led to a growing competition among freight forwarders and resulted in the disappointing financial results of their activity. Even the leading companies in the global market of freight traffic have experienced the changes in the market situation with its negative impacts on providers of transport services. FESCO transportation group, which is one of the leading companies in the Russian transport-and-logistic sector, has also experienced deterioration of financial indicators.

This article describes the results of comparative analysis conducted to define the competitiveness of FESCO and other biggest container shipping companies in the world, such as Maersk, CMA CGM and APL. All four companies are transnational and their activity is diversified by different transport modes and its infrastructure. The main income is generated by freight traffic. In 2011–2015, marine transportation was unprofitable or

¹ Oksana I. Kostyukova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Svetlana V. Bogatyreva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Graduate School of Domestic and International Trade, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

³ Darya V. Antonets, Master student second year, training direction "Economics", profile "Logistics and traffic on Asia-Pacific markets", Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kostyukova Oksana I., Bogatyreva Svetlana V., Antonets Darya V. Competitiveness of FESCO transport group and largest shipping companies in the world // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 68–78.

marginally profitable for all companies, and the main income was aggregated from other units.

Calculation of competitiveness indicators on a selected sample, which was made based on dynamic analysis, allows the following conclusions. Maersk and CMA CGM are in a more stable position. In 2015, CMA CGM was highly competitive, followed by APL and Maersk, in 2011 FESCO was at the top of the group and in 2015 it dropped down to the last place, as its indicator decreased by 0.42 points. Not all measures which the company took for optimizing costs are sufficient and now it falls far behind its competitors.

FESCO's situation is exacerbated by the factors of domestic economy: domestic economic slow-down, weakening of the Russian currency, and decline in the purchasing power. Currently the company is in uncertain situation, which has generated significant doubts about its ability to continue as a going concern.

Key words: container shipping, the world market of sea cargo transportation, the competitiveness of enterprises, competitiveness assessment, a dynamic method of evaluation of competitiveness, the financial result of the activity, indicators of competitiveness.

Основной тенденцией последних нескольких лет является замедление роста мирового валового внутреннего продукта, международной торговли и, как следствие, морских грузоперевозок. По данным «Обзоров морского транспорта» ЮНКТАД [4], после кризиса 2008–2009 гг. наиболее высокие темпы прироста объёмов морских грузоперевозок наблюдались в 2010 г. – более 10%, а к 2016 г. они снизилась почти в три раза. Несмотря на то, что период 2011–2015 гг. в целом характеризуется положительной динамикой грузоперевозок (прирост за 4 года составил 14,3%, и их объём достиг 10,1 млрд т), конкуренция среди перевозчиков уже сточилась.

На контейнерные перевозки в стоимостном выражении приходится примерно 52% мирового объёма морских грузоперевозок и более 90% объёма перевозок генеральных грузов, вследствие этого динамика международных контейнерных грузоперевозок и международной торговли схожи. Владельцы контейнеровозов в современных условиях находятся в худшем состоянии в сравнении с перевозчиками других грузов.

Положение морских перевозчиков контейнерных грузов усугубляется и сохраняющейся на мировом рынке проблемой избытка дедвейта контейнеровозов, в последние годы темп роста ввода в действие новых мощностей превышал рост спроса, что привело к снижению ставок фрахта и к ухудшению финансовых результатов деятельности судовладельцев. Необходимость снижать издержки подтолкнула компании к консолидации и активизировала диверсификацию их деятельности. Но

даже компании – лидеры рынка ощутили изменение конъюнктуры не в пользу продавцов транспортных услуг.

Из десяти крупнейших в мире судовладельческих компаний три имеют морские контейнерные линии, включающие порты Приморского края. Это Maersk (штаб-квартира в Дании), CMA CGM (во Франции) и APL (объединенная компания NOL-APL со штаб-квартирой в Сингапуре). В секторе морских контейнерных перевозок они входят в число основных конкурентов одной из крупнейших в России транспортно-логистических компаний Транспортной группы FESCO.

По масштабам деятельности FESCO существенно уступает этим конкурентам. Её доля в общей вместимости мирового контейнерного флота в 2016 г. составила 0,1%. Тогда как у Maersk – первое место в глобальном рейтинге по вместимости судов (доля 15,1%), у CMA CGM – третье место (9,2%), и эти компании в последние годы увеличивали рыночную долю; APL сместилась за пять лет с 4-го на 10-е место и снизила рыночную долю до 2,8% [4]. Однако есть условия, объединяющие эти компании и дающие основания сравнивать их конкурентоспособность. Все четыре компании – транснациональные, они являются объединениями (группами) достаточно самостоятельных рыночных субъектов, их деятельность диверсифицирована в сфере разных видов транспорта и его инфраструктуры, за исключением Maersk, которая еще работает в сфере нефтедобычи. Основной доход компаниям приносят грузоперевозки.

Сравним динамику объёмов грузоперевозок компаний (рис. 1).

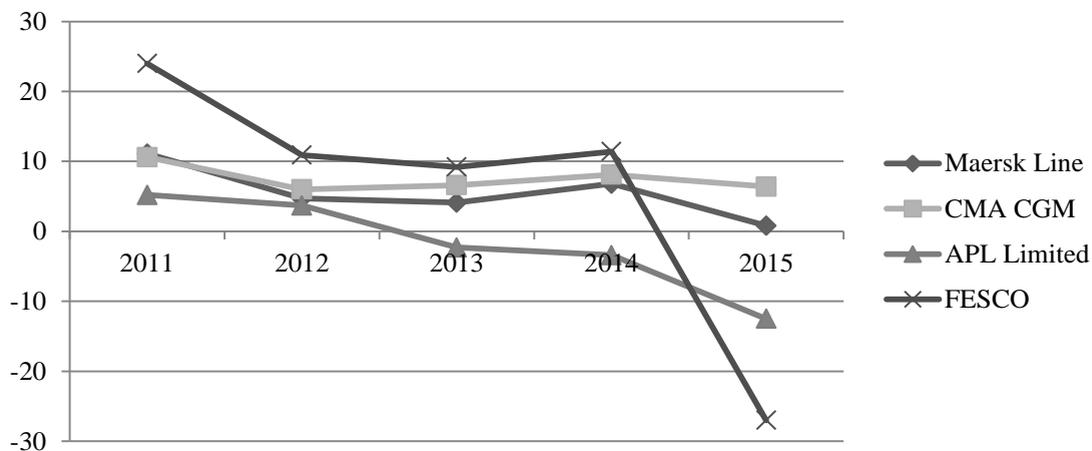

Рис. 1. Темп прироста объёмов морских грузоперевозок компаний, % [2, 3, 5, 6]

Тренды по компаниям в целом совпадают и имеют понижающую тенденцию. Наибольшей устойчивостью обладают CMA CGM и Maersk, объём грузоперевозок этих компаний постоянно рос, хотя и с замедляющимся темпом. FESCO и APL за

четыре года сократили объём грузоперевозок на 27% и 13% соответственно. Объединяющей особенностью этих двух компаний является то, что основную деятельность они осуществляют в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где им серьёзную конкуренцию составляют растущие китайские грузоперевозчики, и это в условиях замедления экономического развития в регионе. Maersk и CMA CGM проводят значительную часть своих операций в Европе и в Африке.

Положение FESCO усугубляется и внутриэкономическими факторами: замедлением экономического развития в стране, ослаблением курса рубля, снижением покупательной способности.

Однако снижение темпов роста объёмов грузоперевозок отразилось на результатах деятельности всех рассматриваемых компаний, хотя и по-разному, что подтверждает оценка их финансовых показателей и конкурентоспособности на основе динамического метода [1], ключевыми показателями в котором являются рентабельность деятельности компании (операционная эффективность) и динамика рыночной доли (стратегическое позиционирование). Данный метод позволяет нивелировать заведомо большую конкурентоспособность крупнейших компаний.

Оценка производилась по выборке конкурентов, определялась доля каждой компании от суммарных показателей объектов исследования по всей совокупности экономических секторов, на которых они осуществляют деятельность. При расчетах использовались выручка и совокупные затраты за год. Показатели рассчитывались по следующим формулам [1]:

$$K_r = \frac{r}{R}, \quad (1)$$

где K_r – коэффициент операционной эффективности;

r – операционная эффективность предприятия;

R – операционная эффективность по выборке.

$$K_i = \sqrt{\frac{I}{I^s}}, \quad (2)$$

где K_i – коэффициент стратегического позиционирования;

I – индекс изменения объёмов выручки рассматриваемого предприятия;

I^s – индекс изменения объёмов выручки по выборке.

$$K = K_r \times K_i \quad (3)$$

где K – конкурентоспособность исследуемого предприятия.

Если $0 < K < 1$, конкурентоспособность предприятия по отношению к выборке является низкой. При $K = 1$ конкурентоспособность предприятия идентична конкурентоспособности выборки. При $K > 1$ конкурентоспособность предприятия выше, чем по выборке.

У всех компаний в 2015 г. существенно снизилась выручка (табл. 1). Лучшие финансовые результаты у Maersk, хотя в 2015 г. был самый низкий за период показатель прибыли, при этом в сравнении с 2014 г. выручка снизилась на 15%, а прибыль на 82%.

Таблица 1

Основные финансовые показатели компаний, млн долл. США [2, 3, 5, 6]

Компания	Показатель	2011	2012	2013	2014	2015
FESCO	Выручка	1 029	1 127	1 140	1 118	688
	Прибыль (убыток)	29	(17)	18	(121)	(166)
APL	Выручка	9 211	9 512	8 831	8 617	6 021
	Прибыль (убыток)	(474)	(407)	(72)	(251)	711
CMA CGM	Выручка	14 870	15 900	15 902	16 739	15 674
	Прибыль (убыток)	(5)	332	408	584	567
Maersk	Выручка	49 917	49 491	47 386	47 569	40 308
	Прибыль (убыток)	3 377	4 038	3 777	5 195	925
Совокупно по выборке	Выручка	75 027	76 100	73 259	74 043	62 691
	Прибыль (убыток)	2 927	3 946	4 131	5 407	2 037

На втором месте – CMA CGM, которая имела убыток только в 2011 г. В 2015 г., в сравнении с предыдущим, прибыль и выручка имели снижение по 3%. FESCO неслала убытки в 2012, 2014, 2015 гг. при снижающейся выручке. Для APL 2011–2014 гг. были убыточны, в 2015 г. компания получила прибыль за счёт средств от продажи логистического дивизиона. Необходимо отметить, что у всех компаний морские грузоперевозки в течение периода были либо убыточны, либо низко рентабельны, и основную прибыль им приносила деятельность других подразделений.

Изменение коэффициента операционной эффективности компаний позволяет разделить их на две группы (рис. 2): снижение у Maersk и FESCO и повышение у остальных двух. За период увеличился разрыв между компаниями в значениях коэффициента. Так, если в 2011 г. он составлял 0,12 пункта, то в 2015 г. – уже 0,32.

Наиболее стабильное положение у Maersk и CMA CGM, в 2015 г. их показатели сравнялись. APL в 2015 г. существенно повысила операционную эффективность и вышла на первое место, но говорить о начале тенденции нет оснований. Противоположная ситуация у российской компании, в конце периода у неё самое низкое по выборке значение, к которому она шла в течение предшествующих двух лет.

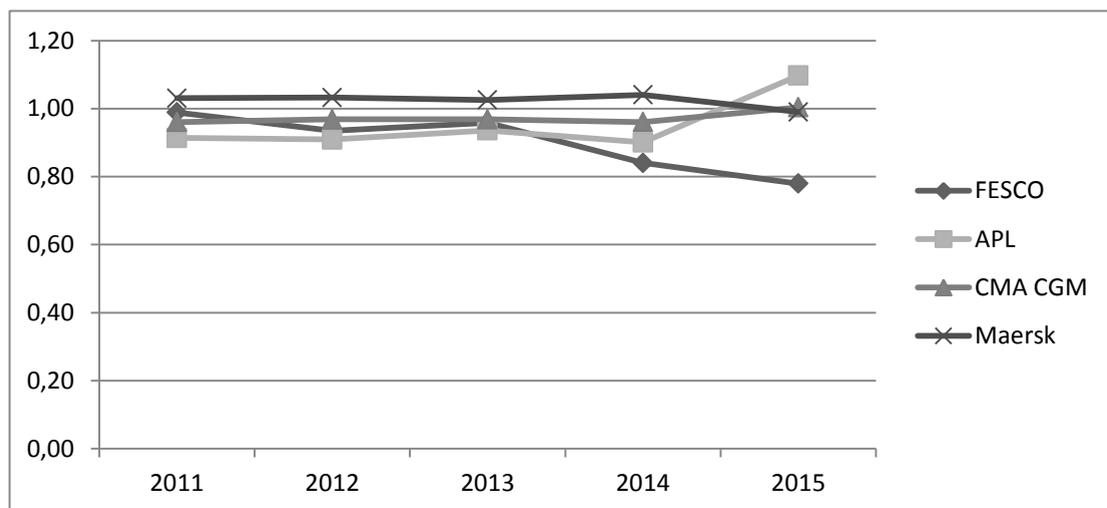

Рис. 2. Динамика коэффициентов операционной эффективности компаний

Ухудшаются у FESCO и стратегические позиции относительно конкурентов (рис. 3).

Находясь на первом месте в группе в 2011 г., когда объём выручки в сравнении с 2010 г. вырос на 28%, она переместилась на последнее, снизив показатель на 0,25 пункта. Индекс объёмов выручки FESCO с 2013 г. ниже показателей по выборке. Также существенное снижение коэффициента произошло у APL, а CMA CGM вышла на первое место.

Рейтинг конкурентоспособности компаний по выборке (рис. 4) следующий: в 2015 г. самый высокий показатель у CMA CGM, на втором месте – APL, на третьем – Maersk, FESCO занимает четвертое место с отставанием на 0,4, 0,34 и 0,33 пункта – компания неконкурентоспособна в сравнении с выборкой.

В отличие от конкурентов, ежегодно показатель российского перевозчика снижался и достаточно существенно, за пять лет он упал на 0,42 пункта, в то время как у остальных компаний положение достаточно стабильное. Но, следует заметить, что конкурентоспособность APL с 2013 г. также снижалась, хотя и не столь резко, и, если бы не продажа логистического дивизиона, как было сказано выше, этот процесс продолжился бы и в 2015 г. Убытки последних лет привели APL к процессу объединения с CMA CGM, и с 2016 г. эти компании уже ведут консолидированную отчётность.

Необходимо отметить, что в 2016 г. темп роста мировой торговли товарами имел самое низкое значение за последние 5 лет [7], и положение большинства судовладельцев ухудшилось. Рассматриваемые конкуренты FESCO понесли убытки. Российская Транспортная группа за 9 месяцев 2016 г. получила прибыль в размере

49 млн долл. США [2] (что составляет 12% от выручки и в 4 раза больше, чем за соответствующий период 2015 г.), но отложила раскрытие финансовой отчётности в целом за 2016 г. в связи с продолжающимися переговорами с кредиторами по реструктуризации задолженности. В динамике её положение очень нестабильно, и принимаемых мер по оптимизации затрат пока недостаточно.

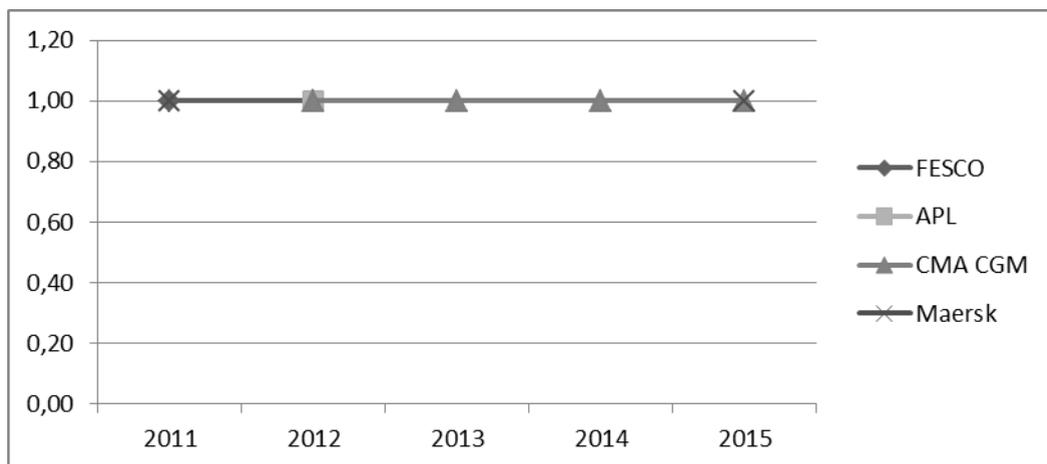

Рис. 3. Динамика коэффициентов стратегического позиционирования компаний

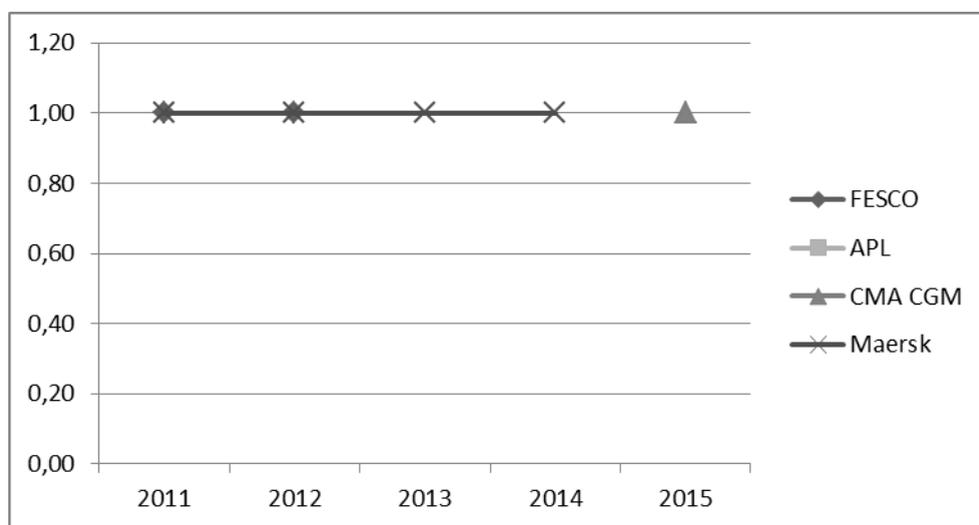

Рис. 4. Динамика конкурентоспособности компаний

Из опыта зарубежных судовладельческих компаний можно сделать вывод, что процессы слияния, поглощения и создания альянсов они рассматривают как основной способ улучшения финансовых результатов и повышения конкурентоспособ-

ности. Причём консолидация идёт как на международном, так и национальном уровнях. У FESCO тоже есть опыт создания международных альянсов, например, с Группой Mitsui, но пока он не оказал существенного позитивного влияния на результаты деятельности. В настоящее время компания находится в ситуации неопределённости и сомнений в возможности осуществлять свою деятельность непрерывно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронов, Д. С. Динамический подход к оценке конкурентоспособности предприятий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vds1234.ru/concurency/13-32>.

2. Консолидированная промежуточная сокращённая финансовая отчетность за шесть месяцев, закончившихся 30 июня 2016 года (неаудированная) [Электронный ресурс] // Дальневосточное морское пароходство. – Режим доступа: http://www.fesco.ru/upload/iblock/26f/fs-fesco-6m-20916-rus_.pdf.

3. Neptune Orient Lines Limited: Reports and Announcements [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nol.com.sg/wps/portal/nol/investorrelations/reportsandannouncements/quarterlyreports>.

4. Review of Maritime Transport [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://unctad.org/es/Paginas/Publications/Review-of-Maritime-Transport-\(Series\).aspx](http://unctad.org/es/Paginas/Publications/Review-of-Maritime-Transport-(Series).aspx).

5. The CMA CGM Group. Finance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cma-cgm.com/finance>.

6. The Maersk Group: financial reports [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://investor.maersk.com/financials.cfm?Year=2016>.

7. Trade Developments in 2016: Policy Uncertainty Weighs on World Trade [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/228941487594148537/pdf/112930-v1-revised-PUBLIC-1706109-Global-Trade-Watch-Report-Web.pdf>.

REFERENCES

1. Voronov D.S. *Dinamicheskii podkhod k otsenke konkurentosposobnosti predpriyatii* [A dynamic approach to the assessment of the competitiveness of enterprises]. Available at: <http://vds1234.ru/concurency/13-32> (accessed 19 July 2017).

2. *Consolidated interim condensed financial statements for the six months ended 30 June 2016 (unaudited)*. Far-Eastern Shipping Company PLC. Reports. Available at: http://www.fesco.ru/upload/iblock/26f/fs-fesco-6m-20916-rus_.pdf (accessed 19 July 2017). (In Russian).

3. *Neptune Orient Lines Limited: Reports and Announcements*. Available at: <http://www.nol.com.sg/wps/portal/nol/investorrelations/reportsandannouncements/quarterlyreports> (accessed 19 July 2017).

4. *Review of Maritime Transport*. Available at: [http://unctad.org/es/Paginas/Publications/Review-of-Maritime-Transport-\(Series\).aspx](http://unctad.org/es/Paginas/Publications/Review-of-Maritime-Transport-(Series).aspx) (accessed 19 July 2017).

5. The CMA CGM Group. Finance. Available at: <http://www.cma-cgm.com/finance> (accessed 19 July 2017).

6. The Maersk Group: financial reports. Available at: <http://investor.maersk.com/financials.cfm?Year=2016> (accessed 19 July 2017).

Trade Developments in 2016: Policy Uncertainty Weighs on World Trade. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/228941487594148537/pdf/112930-v1-revised-PUBLIC-1706109-Global-Trade-Watch-Report-Web.pdf> (accessed 19 July 2017).

ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ECONOMY OF THE FAR EAST

УДК 338:330.34(571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/79-89

Е.П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В СПЕКТРЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Аннотация. Одна из основных проблем российского Дальнего Востока (РДВ) – малонаселённость, которая после провозглашения перестройки стала ещё наиболее уязвимой по причине упразднения предыдущей модели развития региона и увеличения миграционных потерь населения.

С начала 90-х годов XXI в. на РДВ утрачены основные социальные гарантии. Сокращены и убраны социальные преференции, компенсирующие дискомфорт проживания в суровых климатических условиях. Постоянно усиливается ухудшение условий проживания на население. Цены растут без прозрачно видимых на то причин. Происходит формирование сетевых супермаркетов – фактически монопольных торговых структур, которые формируют свой слой покупателей с высоким уровнем цен на товары, особенно на деликатесы: икру, крабы, креветки и т.п. Всё, что не реализуется по высоким ценам, идёт на экспорт. Основная масса населения благодаря тому, что власть только наблюдает за происходящими процессами, отсечена от многих товарных групп. В рыбном регионе население не может потреблять лососевые рыбы по доступным ценам. Организуемые администрацией территории продуктовые фермерские ярмарки недостаточно продуктивны. В первую очередь, это связано с тем, что на них сложно найти истинных первичных фермеров, производителей и приобрести товар качественный и недорогой.

Основной массе населения региона в совокупности ограничен доступ:

¹ Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков, Е.П. Дальний Восток в спектре развития экономики России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. Т. № 2–3. С. 79–89.

- к объектам создаваемой правительством социальной инфраструктуры (спортивным сооружениям, медицине, театрам и т.п.);
- к качественным продовольственным товарам;
- к рабочим местам в силу их отсутствия или требующим низкой квалификации, соответственно, с низкой оплатой и т.д.

В РДВ сформировалась устойчивая отрицательная тенденция: основная масса выбывающих переселенцев – это население в трудоспособном возрасте с более высоким уровнем высшего и профессионального образования, по сравнению с прибывающими в регион переселенцами.

Переломить сложившуюся тенденцию достаточно сложно, особенно в районах, относящихся к территориям с повышенными экстремальными условиями проживания и низкой социальной защищенностью. К таким относятся и регионы Дальнего Востока России, в которых коэффициент социальной защищенности (отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума) меньше относительно Москвы в 1,8 раза, в целом по отношению к регионам России – в 1,2 раза.

Фактически отсутствует эффективная обратная связь, которая учитывала бы мнение всех слоев населения относительно проводимых преобразований на Востоке России. Амбициозные люди с отсутствием должного опыта руководства и достаточных фундаментальных знаний, прорвавшиеся во власть, просто не способны к решению современных проблем, требующих системных решений. Это прослеживается в неэффективности принимаемых программных решений.

Для закрепления населения на Востоке страны требуются большие преобразования, они быстро не решаются. Одно из первых, требующих незамедлительного решения, – населению РДВ нужна достойная работа с достойной заработной платой. Следовательно, должна решаться системная задача создания межотраслевых производственных комплексов на базе интеграции существующих и новых производств регионов РДВ, в первую очередь, южных регионов. В статье предлагается перечень поэтапных задач, решение которых, по мнению автора, будет содействовать перелому ситуации в регионе.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, миграция, социальная инфраструктура, проблемы населения, социальные предпочтения, эффективность реформ, проекты.

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

RUSSIAN FAR EAST IN THE SPECTRUM OF RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. Sparse population has been one of the main strategic problems of the Russian Far East (RFE). After perestroika this problem has been aggravated due to the abolition of the previous model of regional development and increased migration losses of the population.

Since the early 1990s, the basic social guarantees have been lost. The social preferences, compensating for the discomfort of living in harsh climatic conditions, were either reduced or completely cancelled. The pressure on the population is constantly increasing. Prices grow without any reasonable obvious reasons. The supermarket network is being formed – in fact, they are monopolistic trade structures that will form their own layer of buyers with a high level of prices for goods, especially delicacies - caviar, crabs, shrimps, etc. Everything that is not sold at high prices is exported. The bulk of the population, due to the fact that the government only observes the processes that are taking place, is cut off from many commodity groups. In the fishing region, the population cannot consume salmon fish at affordable prices. The farmer's fairs are not productive enough. First of all, this happens due to the fact that it is difficult to find true primary farmers.

The majority of the regional population has restricted access:

- to objects of social infrastructure created by the government (sports facilities, medicine, theaters, etc.);
- to quality food products;
- to workplaces due to their absence or those requiring low qualifications, and thus with low paychecks, etc.

The RFE has developed a stable negative trend: the majority of emigrating settlers are the working-age population with a higher level of higher and vocational education than migrants that arrive into the region.

Only a desire to reverse the current trend is not enough, especially in the areas belonging to territories with extreme living conditions and low social security. They include the regions of the Russian Far East, where the social security ratio (ratio of per capita monetary incomes to the subsistence level) is 1.8 times lower than in Moscow, and 1.2 times lower in comparison with the regions of Russia in general.

¹ Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Zharikov, E.P. The Far East in the spectrum of the development of the Russian economy // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2. P. 79–89.

In fact, there is no effective feedback, which takes into account the opinion of all population strata about the ongoing reforms in the East of Russia. Ambitious people with no proper management experience or sufficient fundamental knowledge, break into power, and are simply not capable of solving modern problems that require systemic solutions. This can be seen in ineffectiveness of the program solutions.

To consolidate the population in the East of the country, great changes are required, they cannot be quickly resolved. The population of the RFE needs decent jobs with decent wages. Consequently, the system task of creating inter-industry production complexes should be addressed on the basis of integration of existing and new productions of the RFE region, primarily in the southern regions. The article suggests a list of stage-based tasks, the solution of which, in the opinion of the author, will contribute to a breakthrough in the situation of the region.

Key words: the Russian Far East, migration, social infrastructure, population problems, social preferences, the effectiveness of reforms, projects.

1. Введение

Одна из основных проблем российского Дальнего Востока (РДВ) – малонаселенность, которая в царской России и в советское время постепенно устойчиво решалась, а после провозглашения перестройки стала наиболее уязвимой. Упразднение предыдущей модели развития РДВ привело к развалу экономики региона и усилению миграционных потерь населения. Предпринимаемые в последнее время программные решения по реанимации региона (формирование территорий опережающего развития (ТОР), Свободного порта Владивосток и др.) фактически пока не дают ощутимых результатов. Исходя из этого, в статье мы преследуем цель – выявить причинно-следственные связи фактической неэффективности принимаемых Центром решений и попытаться сформулировать возможный сценарий, который помог бы остановить отрицательный тренд в развитии региона.

2. Методы

В исследовании применялись следующие методы: системный анализ, статистический анализ, логико-аналитический анализ. Методологическую базу исследования составляют работы отечественных исследователей, в том числе авторские.

Гипотеза исследования основана на концептуальном предположении, что реализация программных документов по эффективному социально-экономическому развитию российского Дальнего Востока не отвечает принципам системности, эффективным критериям управления, носит разрозненный проектный характер.

Практическая значимость исследования заключается в анализе причинно-следственной обусловленности неэффективности принимаемых программных документов, в частности влияющих на миграционные процессы в регионе, и возможностей её преодоления.

3. Результаты и обсуждение

После неоднозначно воспринимаемого очередного экономического провала, в последнем квартале 2014 г., экономическая ситуация в стране и её регионах в целом стабилизировалась при новом курсе доллара относительно рубля, что даёт возможность осуществить некоторые оценки экономического развития российского Дальнего Востока в настоящее время.

Из региона продолжается отток населения, хотя темпы его замедляются. В 2005 г. численность населения в ДВФО (без Республики Саха (Якутия) и ЧАО) уменьшилась на 1,7 %, в том числе: ЕАО (-2,2 %), Камчатский край (-2,1 %), Магаданская область (-2,0 %). В 2011–2016 гг. численность населения в округе равномерно уменьшалась в среднем на 0,3 % в год. Исключение – Магаданская область (- 1,4 %)[1].

Не оказывают положительного влияния на сохранение численности населения в регионе и миграционные процессы (табл. 1, 2). Наиболее привлекательными районами для прибывающих (табл. 1) являются Приморский и Хабаровский края, Республика Саха (Якутия), Амурская и Сахалинская области. Все эти территории, кроме Республики Саха (Якутия), относятся к южным районам с достаточно благоприятными условиями для проживания. Но население в них не задерживается. Основная причина – резкое падение уровня жизни дальневосточников по отношению к западным районам России. Так, например, ДВФО занимает восьмое место по детской смертности среди всех округов России, а считающийся наиболее привлекательным районом для проживания Приморский край – 66-е место среди всех субъектов РФ, в более неблагоприятном положении находятся Камчатский край – 79-е, Еврейская автономная область (ЕАО) – 83-е, Чукотский автономный округ (ЧАО) – 85-е место. По ожидаемой продолжительности жизни ДВФО на последнем (9-м) месте среди округов РФ [1].

С начала 90-х годов XX в. утрачены основные социальные гарантии, сокращены и убраны социальные преференции, компенсирующие дискомфорт проживания в суровых климатических условиях, платностью за услуги ограничен доступ населения, в том числе детей, в спортивные сооружения, секции, медицинские учреждения и т.д. И всё это в условиях, когда заработная плата, пенсии не растут, более того, их съедает инфляция.

Давление условий проживания на население с небольшими доходами постоянно усиливается. Наблюдается ползучий рост цен без прозрачно видимых на то при-

чин. В настоящее время официальный темп инфляции 4,0 %, но фактически он не отражает реальной инфляции и является дезориентирующим. Идёт формирование сетевых супермаркетов и других по своей природе монопольных торговых структур, старающихся в тесном сотрудничестве с властью выдвинуть с рынка кустарно организованную торговлю с более низким уровнем цен и работающую с низкой нормой прибыли. Разница в ценах на одни и те же продуктовые товары составляет 25–80%. Супермаркеты сформировали свой слой покупателей с высоким уровнем цен на товары, особенно на деликатесы: икру, крабы, креветки и т.п. Всё, что не реализуется по сформировавшимся ценам, идёт на экспорт. Основная масса населения по причине того, что власть только наблюдает за происходящими процессами, отсечена от многих товарных групп. Люди живут в рыбном регионе и не могут потреблять лососёвых рыб по доступным ценам. Пусть Приморский край имеет недостаточный доступ к данной группе продукции, но то же самое наблюдается в Камчатском крае, где рыба просто плещется под ногами, но на её пути к потребителю возведён мощный ценовой барьер.

Таблица 1

Миграционное прибытие и убытие в регионы ДВФО, тыс. человек

Территория	2015 г.		2016 г.	
	Число прибывших	Число выбывших	Число прибывших	Число выбывших
Дальневосточный федеральный округ, в том числе:	247,82	271,99	251,03	268,40
Республика Саха (Якутия)	36,46	41,84	36,72	40,87
Камчатский край	13,31	14,97	12,56	14,37
Приморский край	77,36	80,15	77,6	80,27
Хабаровский край	54,52	59,45	57,05	58,63
Амурская область	29,92	33,69	28,76	32,03
Магаданская область	5,88	7,61	7,88	8,62
Сахалинская область	21,32	22,62	21,97	22,46
Еврейская автономная область	4,66	6,67	4,75	6,36
Чукотский автономный округ	4,39	4,98	4,28	4,80

Попытки власти, например, в Приморском крае, организовать продуктовые ярмарки, где должны реализовывать свою продукцию фермеры, недостаточно продуктивны. В первую очередь тем, что на них сложно найти истинных первичных фермеров. На эти ярмарки съезжаются в подавляющей массе существующие во

Владивостоке и на прилегающих территориях зарегистрированные торговые точки. Отсюда – цены на продовольственные товары в большинстве случаев выше, чем в торговых точках кустарно организованной торговли, что, при отсутствии сборов на торговлю, по правилам ярмарок, не отражает их истинной роли. Автору этой статьи, как, видимо, и многим другим, приходилось наблюдать работу продовольственных ярмарок в США, там их организация истинно для фермеров от земли и для населения.

Таблица 2

**Миграционный прирост (+), убыль (-) в регионах
Дальневосточного федерального округа, тыс. человек**

Территория	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	301,4	277,6	248,9	261,9
Российский Дальний Восток, в том числе:	-33,12	-24,67	-24,16	-17,38
Республика Саха (Якутия)	-9,17	-6,69	-5,39	-4,15
Камчатский край	-1,22	-3,12	-1,66	-1,81
Приморский край	-7,19	-3,87	-2,79	-3,21
Хабаровский край	-2,95	-2,54	-4,93	-1,59
Амурская область	-5,78	-1,30	-3,77	-3,27
Магаданская область	-2,15	-2,28	-1,73	-0,74
Сахалинская область	-2,17	-2,89	-1,29	-0,49
Еврейская автономная область	-2,14	-1,83	-2,01	-1,60
Чукотский автономный округ	-0,35	-0,15	-0,59	-0,52

В совокупности основной массе населения ограничен доступ:

- к объектам создаваемой правительством социальной инфраструктуры (спортивным сооружениям, медицине, театрам и т.п.);
- к качественным продовольственным товарам;
- к рабочим местам в силу их отсутствия или требующим низкую квалификацию, соответственно, с низкой оплатой и т.д.

В ДВФО сформировалась устойчивая отрицательная тенденция: основная масса выбывающих переселенцев – это население в трудоспособном возрасте с более высоким уровнем высшего и среднего профессионального образования по сравнению с прибывающими в регион переселенцами.

К сожалению, произошла деформация понятий, «деньги» стали главным символом существования, что, в частности, подчёркивал председатель правительства России Д.А. Медведев на известной всей России встрече с учителями. При-

быль, обогащение во чтобы то ни стало. В итоге: 10 % населения, вовремя удачно подсуетившегося в условиях беззакония, имеет фактически всё, остальные 90 %, собственно фундаментальное население России, имеет лишь скудные средства к выживанию.

Если до 90-х годов XX в. население Дальнего Востока имело возможность зарабатывать, приобрести квартиру через кооператив, имело доступ к качественной рыбной продукции, то в настоящее время эти возможности резко ограничены так называемым рынком, который быстро уже поделен и стал коррумпированным. Согласно политической экономии, в такой рынок не на словах, а на деле, войти очень сложно, что подтверждается в России «громкими делами», говорящими о его переделе.

Самое главное, что фактически ничего не делается для изменения ситуации в пользу фундаментального населения России. Все разговоры о формировании среднего класса (который должен занять в структуре фундаментального населения основную долю более-менее зажиточного населения) не выдерживают критики. Здесь мало желания, особенно в районах, относящихся к территориям с повышенными экстремальными условиями проживания. К таким относятся и регионы Дальнего Востока России, в которых коэффициент социальной защищенности (отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума) меньше относительно Москвы в 1,8 раза, в целом по отношению к регионам России – в 1,2 раза [2].

В настоящее время в России социально-экономические процессы развиваются вопреки основам устойчивого развития, которые были осознаны и сформулированы ещё в 60–80-х годах XX в. и закреплены Конференцией по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г.* Нерешённость социально-экономических проблем усугубляет экологические проблемы. Население, особенно в малых городах и сельских поселениях (сёлах, деревнях), отказывается платить (в большинстве случаев из-за ограниченности средств) за вывоз отходов, что превращает окрестности этих населенных пунктов в свалки мусора.

Следует отметить, что в целом, судя по принятым документам, осуществляется большая работа правительства по решению проблем российского Дальнего Востока. Здесь и организация ТОР, и свободного порта Владивосток, но пока нет ощутимой позитивной отдачи от проводимой работы, о чём свидетельствуют сухие цифры приведенной выше статистики, а также публикации, посвящённые анализу развития Дальнего Востока, в частности, работы научного руководителя ДальНИИ рынка Вадима Заусаева [3]. Автор статьи видит одну из причин пробуксовывания реформ на Дальнем Востоке в поспешности подготовки и принятии недостаточно

* Основа концепции устойчивого развития: задача экономической эффективности (максимизации прибыли), задача сокращения численности бедных слоев населения, задача сохранения окружающей среды – являются равнозначными задачами.

хорошо спланированных и системно сбалансированных программных документов, в частности Министерством РФ по развитию Дальнего Востока. И с этим трудно не согласиться.

Вопрос: почему так происходит? Вроде все ответственные работники стараются, достаточно амбициозны, а дело не идёт, как в знаменитой басне И.А. Крылова «Лебедь, щука и рак». Причин, конечно, много, и основная масса их порождается институтами власти.

Так, ввели льготы для резидентов Свободного порта Владивосток и развития ТОР, а почему не для производителей всего РДВ, почему такая дискриминация? Организовали Минвостокразвития, которое, в сущности, должно координировать работу территориальных органов РДВ по реализации намеченных планов, а не осуществлять руководство. Подобный опыт уже был, когда при организации СЭЗ «Находка» бала создана отдельная администрация по управлению СЭЗ. Опыт плачевный, в том числе и из-за частых разногласий администрации СЭЗ и местных органов территориального управления (администраций Приморского края, г. Находки, Порты Восточного). Но есть и положительный опыт – создание округов, в частности ДВФО.

Однако одна из главных причин – несоответствие «конфетной обёртки» с начинкой «конфеты». Да, создана определенная неплохая «обёртка» (инфраструктура: прекрасные мосты, театры, учебные заведения и т.п.), но этим сыт не будешь. Когда вокруг преобладает несправедливость, политику развития реализует недостаточно компетентная власть, во главу поставлен процесс обогащения любой ценой, то это не способствует тому, чтобы широкие слои населения овладели идеями, желаемыми с точки зрения государственных органов власти. А на Руси дух коллективизма, реализуемый на базе справедливости, помогал решать и более сложные проблемы. Если государство – для человека, то надо понимать, что одна часть населения склонна заниматься малым, средним и прочим бизнесом, другая – предпочитает общественные формы труда, в том числе и по причинам событий недалекого прошлого.

К сожалению, при решении проблем РДВ продолжается «топтанье на месте», тем не менее ситуация должна быть переломлена. Пока же проводимые изменения насаждаются сверху и, понятно, не без выгоды для тех, кто их осуществляет, что подтверждается созданием московских филиалов НИИ по развитию Дальнего Востока и тому подобное [3]. В прошлом федеральные органы власти пополнялись за счёт представителей РДВ, в настоящее время, по большому счету, всё происходит наоборот.

Таким образом, отсутствует эффективная обратная связь, которая учитывала бы мнение всех слоёв населения относительно проводимых преобразований на Востоке России. Более того, всё чаще в СМИ проскальзывают высказывания, что

«мы» (власть) лучше знаем, что надо населению той или иной территории. А это – путь в тупик – «сытый и вороватый никогда не поймет голодного». Амбициозные люди с отсутствием должного опыта руководства и достаточных фундаментальных знаний, прорвавшиеся во власть, только на словах способны решать социально-экономические проблемы территорий. На самом деле они просто не способны к решению современных проблем, требующих системных решений.

Для закрепления населения на Востоке страны требуются большие преобразования, они быстро не решаются. Одна из первых проблем, требующих незамедлительного решения, – населению РДВ нужна достойная работа с достойной заработной платой. Следовательно, должна решаться системная задача создания межотраслевых производственных комплексов на базе интеграции существующих и новых производств регионов РДВ, в первую очередь южных регионов.

Выводы

В силу существующих экстремальных и прочих причин необходимо создание равных стартовых условий регионам РДВ по отношению к другим регионам России. Эту проблему должен решить Центр. Со своей стороны, регион должен реализовывать комплексную программу развития, в которой создаваемые точечные проекты (ТОР, Свободный порт Владивосток и т.п.) должны рассматриваться как отдельные составляющие, хорошо корреспондируемые с программой развития региона и обеспечивающие поступление финансовых средств для системной реализации долгосрочной программы.

В сложившихся условиях просматривается следующая стратегия. Более быстрый и реальный способ поднять экономику региона – опора на сельское хозяйство. Так, до реформ, в частности, в Приморском крае объём продукции растениеводства в стоимостном выражении составлял 36,7 %, продукции животноводства 63,3 %. В настоящее время мы имеем зеркальное отражение – объём продукции растениеводства 62,5 %, продукции животноводства 37,5% [4]. Прошлый многолетний опыт развития сельского хозяйства в регионе обуславливает необходимость развития животноводства. Здесь, по отношению, например, к производителям Китая, все преимущества на стороне российских производителей. И, в первую очередь, из-за наличия территорий, которые можно использовать для развития животноводства и кормовой базы для него. Соседние провинции Китая не имеют таких возможностей, и в этом залог конкурентного успеха агрокомплекса российского Дальнего Востока. Создаваемая в регионе сельскохозяйственная продукция, в том числе с высокой долей переработки, должна стать весомой статьёй экспорта, изменяя его структуру в пользу продовольственных товаров в СВПК.

Однако реализация этой задачи не решает, в частности, проблему достаточности создания новых рабочих мест, требующих высокого интеллектуального уровня

работников. Следовательно, отток кадров высокой квалификации из региона будет продолжаться, с понижением среднего интеллектуального уровня населения территорий РДВ из-за притока малоквалифицированных мигрантов.

Долгосрочная задача – формирование на РДВ многоотраслевого производственного комплекса с целью сбалансированного развития территории, создания требующих высокого уровня квалификации рабочих мест, повышения качественного уровня университетов, их рейтингов и роли, в том числе в АТР. Приоритеты данного направления: 1) формирование межрегионального полноценного морехозяйственного комплекса с задействованием уже существующей базы и созданием новых высокотехнологичных производств; 2) расширение задач, решаемых космодромом «Восточный», с привлечением к его развитию знаний и ресурсов как других регионов России, так и стран АТР. Такой подход свяжет районы РДВ между собой, другими регионами страны и странами АТР не только перетоками сырьевых ресурсов, но и высокими инновационными технологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Регионы России: социально-экономические показатели 2016 : стат. сб. – М. : Росстат, 2016. – 1238 с.
2. Жариков, Е. П. Радикальное развитие российского Дальнего Востока – необходимость времени // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2015. – № 2. – С. 65–74.
3. Заусаев, В. Сомнительный эффект // Российская газета. – 2017. – 18 мая.
4. Приморский край: социально-экономические показатели / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. – Владивосток, 2014. – 362 с.

REFERENCES

1. Regions of Russia. Socio-Economic indicators, 2016. Statistical compilation. Moscow: Rosstat Publ., 2016. 1238 p.
2. Zharikov E.P. Radikal'noe razvitie rossiiskogo Dal'nego Vostoka – neobkhodimost' vremeni [Radical development of the Russian Far East – the necessity of time]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics, law*, 2015, no. 2, p. 65–74.
3. Zausaev V. Somnitel'nyi effekt [Doubtful effect]. *Rossiiskaya Gazeta*, 2017, May 18.
4. *Primorsky Territory: Socio-Economic indicators (statistics)*. Vladivostok: Territorial body of the Federal Service St. Statistics Service in the Primorsky Territory Publ., 2014. 362 p. (In Rus)

УДК 796:338.49(571.63)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/90-102

А.С. Лосев¹

Институт прикладной математики Дальневосточного отделения РАН,

г. Владивосток, Россия

E-mail: A.S.Losev@yandex.ru

АНАЛИЗ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье проводится анализ действующей спортивной инфраструктуры Приморского края. Дается оценка о готовности развития на её основе спортивной индустрии, в условиях благоприятной экономической ситуации, характеризующейся принятием Федеральных законов «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и «О свободном порте Владивосток».

Индустрия спорта занимает высокие позиции в современной мировой экономике, её доходы исчисляются миллиардами и растут с каждым годом, в то время как доходы Российской спортивной индустрии не превышают 10 млн рублей в год. Отсутствие современных методик статистического учета осуществляемой деятельности в сфере спорта, четкой стратегии развития приоритетных видов спорта, несогласованность государственного управления и корпоративного менеджмента, все негативно отражается на становлении экономики спортивной индустрии России, приводя к соответствующим потерям и упущенной выгоде. В сложившейся ситуации, вопрос развития спортивной индустрии в нашей стране является актуальным и востребованным. В качестве решения, предлагается проследить динамику развития спортивной инфраструктуры в регионе, имеющем экономические преференции и оценить его перспективы. В работе определена результативность выполненных государственных программ по развитию спортивной инфраструктуры. Получены кривые роста, отражающие динамику изменения числа спортивных сооружений по каждому виду. На их основе построен прогноз динамики числа спортивных сооружений до 2020 года, с учетом распределения усилий по развитию отдельных видов спортивных сооружений от общего числа. В результате, дана оценка стадии разви-

¹ Александр Сергеевич Лосев, кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник Института прикладной математики ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Лосев, А.С. Анализ спортивной инфраструктуры Приморского края // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. Т. № 2–3. С. 90–102.

тия спортивной инфраструктуре и её готовность к переходу на индустриальный уровень. Предложены пути развития спортивной инфраструктуры Приморского края до самостоятельной индустрии, обладающей соответствующей экономической рентабельностью и способствующей социально-экономическому развитию региона.

Ключевые слова: спортивная инфраструктура, спортивные сооружения, рентабельность, Приморский край, спортивная индустрия, прогноз.

Alexandr S. Losev¹

Institute for Applied Mathematics Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

E-mail: A.S.Losev@yandex.ru

ANALYSIS OF THE SPORTS INFRASTRUCTURE OF PRIMORSKY KRAI

Abstract. The article offers the analysis of the existing sports infrastructure of Primorsky Krai as well as an assessment of its readiness for developing the sports industry, in the context of the favorable economic situation which is characterized by adoption of the Federal laws "About Territories of the Advancing Social and Economic Development in the Russian Federation" and "About the Free Port of Vladivostok".

The sports industry takes high positions in the modern world economy; it earns billions and keeps growing while the income of Russian sports industry does not exceed 10 million rubles a year. Lack of the modern techniques of statistical accounting of sports activity, lack of a comprehensive strategy of developing priority sports, as well as inefficient coordination of public administration and corporate management – all those factors have a negative effect on the emerging economy of sports in Russia, leading to losses and failures. Under the circumstances, the question of development of the sports industry in our country is urgent and pressing. It is suggested to trace the dynamics of development of sports infrastructure in the region that has economic preferences, and to estimate its prospects.

The work determines the efficiency of implemented state programs aimed at development of sports infrastructure. We have obtained the graph curves reflecting the dynamics of changes in the number of sports facilities for each kind. They served as a basis for

¹Alexandr S. Losev, Candidate of physical and mathematical sciences, senior researcher at the Institute for Applied Mathematics FEB RAS, Vladivostok, Russia.

For citing: Losev, A.S. Analysis of sports infrastructure of Primorsky krai // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 90–102.

the forecast of dynamics in the number of sports facilities until 2020, taking into account the distribution of efforts for development of individual types of sports facilities in comparison to the total number. As a result, we suggest an assessment of the development stage of the sports infrastructure and its readiness for transferring to the commercial level. We have also suggested the ways of developing the sports infrastructure of Primorsky Krai to the self-contained industry with a proper economic profitability and the one promoting a social and economic development of the region.

Key words: sports infrastructure, profitability, Primorsky Krai, sports industry, forecast.

Мировая индустрия спорта занимает высокие позиции в современной экономике. Её доходы исчисляются миллиардами и растут с каждым годом. Наблюдается высокий интерес, как со стороны потребителя, так и со стороны инвесторов. В кругах мировой элиты принадлежность к спорту, в том числе опосредованно, владение, спонсирование команд или клубов, стало правилом хорошего тона. Сегодня инвестирование в спорт и здоровый образ жизни не просто модно, но и выгодно. Проведение чемпионатов мирового уровня повышает престиж страны, привлекает большое число туристов и увеличивает приток инвестиционного капитала. Помимо этого мировой спрос на экстремальные виды спорта и спортивные курорты, позволяющие принимать желающих круглый год, привел к соответствующему развитию спортивных баз, с высокой экономической рентабельностью, в том числе в России.

Экономическую рентабельность спортивной индустрии можно условно разделить на два вида. Первый заключается в получении прибыли из сферы услуг физической культуры и спорта (доход от проводимых спортивных мероприятий, соревнований, олимпиад и т.п.). Второй в увеличении периода производительной трудовой деятельности человека, в результате повышения и укрепления его общего состояния здоровья. Исследования показывают, что 47,8% людей из групп, занимающихся физической культурой и спортом, выполняют норму труда, в то время как среди остальных групп данный показатель составляет 11,3 [1]. Отмечено, что эффект от реализации экономической функции физической культуры и спорта значительно превосходит прямые затраты на развитие данной сферы деятельности. Определена явно выраженная обратная зависимость уровней заболеваемости и преступности от показателей развития физической культуры и массового спорта [2].

Положение спорта в Российской Федерации в плане материальной обеспеченности, доступности, массовости и экономической рентабельности далеко от мировых показателей. Отсутствие современных методик статистического учета осуществляемой деятельности в сфере спорта, четкой стратегии развития приоритет-

ных видов спорта, несогласованность государственного управления и корпоративного менеджмента, все негативно отражается на становлении экономики спортивной индустрии, приводя к соответствующим потерям и упущенной выгоде.

Доходы Российской спортивной индустрии составляют менее 10 млн рублей в год, в основном за счет продажи билетов на хоккей и футбол, в то время как в мировой спортивной индустрии за 2015 год они составили 145 млрд долларов [5]. Учитывая географическое расположение и протяженность по климатическим поясам, спортивная индустрия России имеет большой потенциал, который не ограничивается несколькими видами спорта. Следовательно, вопрос развития спортивной индустрии в нашей стране стоит намного острее, чем кажется на первый взгляд, особенно в современных условиях экономического развития.

Со стороны правительства принимаются попытки развития и поддержки спортивной индустрии, как отдельной отрасли (постановление Правительства РФ от 11.01.2006, №7 Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006-2015 годы»), так и социально-экономического уровня страны (распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008, № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). Создают благоприятные экономические условия по частному инвестированию в спортивную индустрию (Федеральный закон от 29.12.2014 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»).

Особый экономический интерес представляет спортивная инфраструктура Приморского края, так как его территория попадает под действие Федерального закона от 29.12.2014 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и Федерального закона от 13.07.2015 «О свободном порте Владивосток». Правильное использование указанных преференций, разработка продуманной стратегии развития и ответственный подход к её реализации, позволят существенно повысить показатели спортивной индустрии Приморского края. Однако, прежде чем приступить к разработке соответствующей стратегии, необходимо провести анализ имеющейся спортивной индустрии, определив исходное состояние и последующие направления развития.

В настоящей работе проводится анализ действующей спортивной инфраструктуры Приморского края. На основе статистических данных построены кривые роста по всем видам спортивных сооружений за шестнадцатилетний период с заданным уровнем значимости. Построен прогноз динамики числа спортивных сооружений до 2020 года. Проведена коррекция прогноза, с учетом распределения усилий по развитию отдельных видов спортивных сооружений от общего числа. Получено обоснованное умозаключение о готовности развития спортивной индустрии в регионе и возможных перспективах.

Рассмотрим статистические данные за 2001-2016 гг. (Таблица 1) о спортивных сооружениях расположенных на территории Приморского края, по каждому виду из которых ведется государственный учет.

Представленные статистические данные будем рассматривать в виде временных рядов в дискретные моменты времени – t , шагом один год, начиная с 2001 года. Обозначим $y_t(s)$, $y_t(p)$, $y_t(z)$, $y_t(b)$ – фактические уровни временных рядов по данным количества стадионов с трибунами, плоскостных спортивных сооружений, спортивных залов и плавательных бассейнов соответственно, y_t – фактический уровень временного ряда общего числа спортивных сооружений, $\hat{y}_t(s)$, $\hat{y}_t(p)$, $\hat{y}_t(z)$, $\hat{y}_t(b)$, \hat{y}_t – теоретические уровни соответствующих временных рядов.

Таблица 1

**Статистические данные о спортивных сооружениях
Приморского края 2001–2016 гг. ед. [6]**

Год	Стадионы с трибунами	Плоскостные спортивные сооружения	Спортивные залы	Плавательные бассейны	Итого
2001	28	1030	728	30	1816
2002	28	1041	730	30	1829
2003	28	1074	749	33	1884
2004	27	1245	888	43	2203
2005	27	1453	952	32	2464
2006	28	1529	959	32	2548
2007	29	1535	955	31	2550
2008	42	1596	949	35	2622
2009	45	1662	1094	40	2841
2010	44	1722	1111	39	2916
2011	31	1849	1121	44	3045
2012	30	1890	1145	44	3109
2013	30	1910	1077	44	3061
2014	29	1935	1092	50	3106
2015	28	1941	1131	50	3150
2016	29	1953	1088	51	3121

Абсолютный прирост уровней временного ряда определим следующим образом:

$$\Delta y_t = y_t - y_0, \quad 1 \leq t \leq 15,$$

где y_0 – базовый уровень ряда (данные за 2001 год), y_t – текущий уровень ряда.

Рассмотрим графическое представление временных рядов Δy_t и y_t , проведем их аналитическое выравнивание и рассчитаем коэффициенты детерминации (рис. 1).

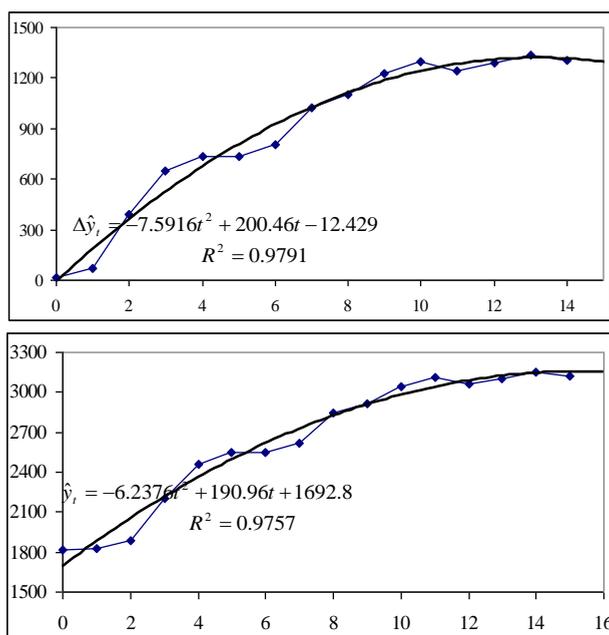

Рис. 1. Динамика абсолютного прироста по числу спортивных сооружений (слева) и числа спортивных сооружений (справа), 2001–2016 гг.

В результате получены кривые роста, которые имеют вид многочленов второй степени с высокими коэффициентами детерминации 0,9791 и 0,9757, отражая тем самым высокую долю дисперсии уровней ряда, объясняемую построенной моделью. Статистическая значимость полученных кривых роста, подтверждается F -критерием Фишера с уровнем значимости $\alpha=0,01$.

Таким образом, на основе полученных аналитических функций, можно построить доверительный интервал прогноза на следующий год \tilde{t} по следующему соотношению:

$$\hat{y}_{\tilde{t}} - t_{\alpha, \nu} S(\hat{y}_{\tilde{t}}) \leq \hat{y}_{\tilde{t}} \leq \hat{y}_{\tilde{t}} + t_{\alpha, \nu} S(\hat{y}_{\tilde{t}}),$$

где $t_{\alpha, \nu}$ – табличное значение t -критерия Стьюдента при уровне значимости α и числе степеней свободы $\nu = n - 3$; $\hat{y}_{\tilde{t}}$ – значение прогнозируемого уровня ряда; $S(\hat{y}_{\tilde{t}})$ – стандартная ошибка прогноза, рассчитываемая по формуле

$$S(\hat{y}_{\tilde{t}}) = \sqrt{\frac{\sum_{t=1}^n (\hat{y}_t - y_t)^2}{(n-3)} \left(\frac{1}{n} + \frac{(\tilde{t} - \bar{t})^2}{\sum_{t=1}^n (t - \bar{t})^2} \right)},$$

где n – число уровней ряда. [4]

Рассчитаем доверительные интервалы прогноза с уровнем значимости 0,05, т.е. уровнем доверия 0,95. В результате, по обеим функциям кривых роста (рис. 1) получены доверительные интервалы прогноза числа спортивных сооружений на 2017 год (Таблица 2), пересечение которых, порождает итоговый интервал прогноза. Уровень доверия итогового интервала определяется, как произведение уровней доверия образующих интервалов.

Следовательно, вероятность того, что итоговый доверительный интервал содержит истинное значение прогнозируемой величины, равна 0,9025. На основе полученного интервала определим удаленность от его границ показателя за 2016 год, необходимую для дальнейшего рассмотрения.

Таблица 2

Интервальный прогноз числа спортивных сооружений на 2017 г., ед. [6]

Показатель	Интервальный прогноз на 2017 г.	Показатель за 2016 г.	Удаленность от границы интервала, показателя за 2016 г.	
			слева	справа
Число спортивных сооружений	[3027; 3193]	3121	-94	72
	[3059; 3244]		-62	123
Итого:	[3059; 3193]	3121	-62	72

Проведем аналогичные рассмотрения по каждому виду спортивных сооружений. В качестве исходных данных будем рассматривать динамику абсолютного прироста плоскостных сооружений, спортивных залов, плавательных бассейнов.

В результате получены аналитические кривые роста, в виде многочленов второй степени с высокими коэффициентами детерминации, подтверждая уровень аппроксимации построенных кривых к исходным данным (рис. 2).

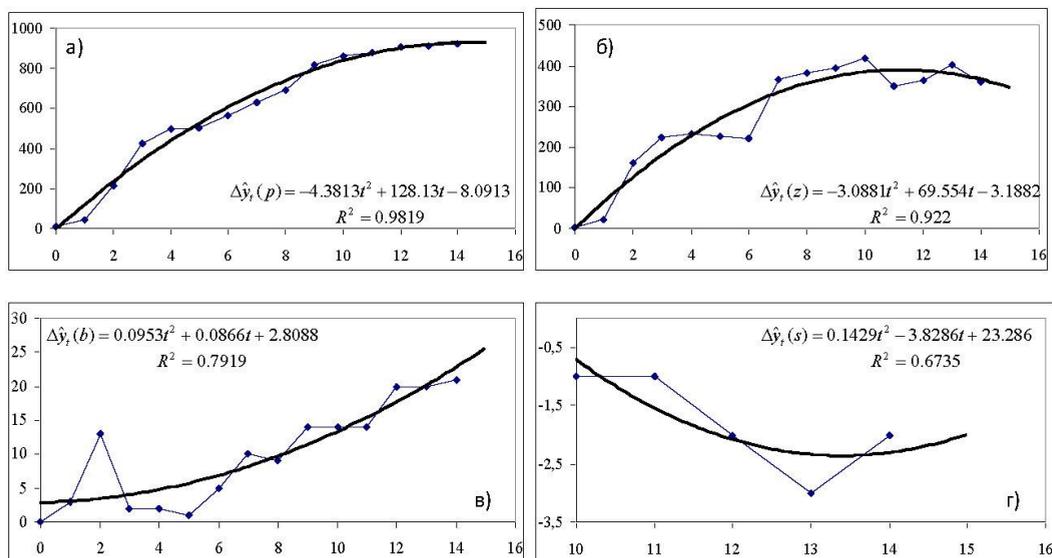

Рис. 2. Динамика абсолютного прироста: а) – плоскостных сооружений; б) – спортзалов; в) – плавательных бассейнов; 2001–2016 гг.; г) – стадионов, 2011–2016 гг.

Рассмотрение абсолютного прироста, вместо исходного числа сооружений по видам, обосновывается результатами предварительной обработки данных, которые показали более низкое качество и уровень доверия возможных аналитических функций. Исключением являются данные по количеству стадионов, т.к. изменение правила статистического учёта в 2008 г. по стадионам с трибуной, привело к искусственному завышению показателей в данном виде сооружений в период с 2008 по 2010 гг. Данное явление известно как «Ураганная проба», наличие которой приводит к завышению кажущегося среднего содержания компонента по данным опробования по сравнению с реально существующим и, следовательно, является искажающим фактором [3].

В целях устранения случайной ошибки, в качестве исходных данных по стадионам будем рассматривать временной период с 2011 г. по 2016 г. После предварительной обработки установлено, что кривая роста числа стадионов имеет выше коэффициент детерминации (рис. 3), чем кривая роста абсолютного прироста числа стадионов (рис. 2).

Статистическая значимость полученных кривых роста (рис. 2 – а, б, в) и (рис. 3), подтверждается *F*-критерием Фишера с соответствующим уровнем значи-

мости: кривые роста абсолютного прироста плоскостных сооружений, спорт залов и плавательных бассейнов – 0,01, а кривая роста числа стадионов – 0,05.

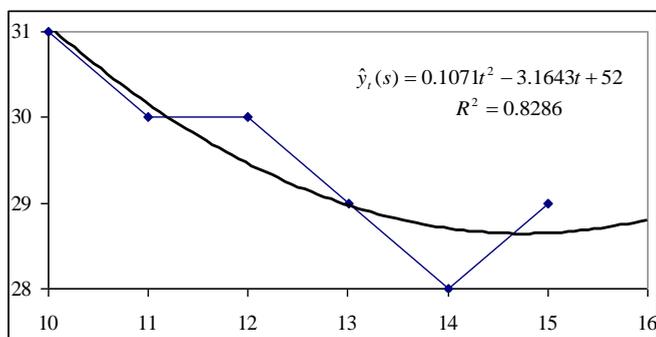

Рис. 3. Динамика числа стадионов 2011–2016 гг.

Построим доверительные интервалы прогноза на 2017 г. по каждому виду спортивного сооружения с уровнем значимости 0,05 и определим удаленность от границ полученных интервалов показателей за 2017 г. Просуммировав отдельно нижние и верхние границы доверительного интервала, построим их статистические распределения (табл. 3).

Таблица 3

Интервальный прогноз числа каждого вида спортивного сооружения, ед. [6]

Показатель	Интервальный прогноз на 2017 г.	Показатель за 2016 г.	Удаленность от границ интервала, показателя за 2016 г.		Статистическое распределение границы интервала	
			слева	справа	слева	справа
$\hat{y}_t(s)$	[27; 30]	29	-2	1	0,018	0,010
$\Delta \hat{y}_t(p)$	[1905; 2011]	1953	-48	58	0,432	0,563
$\Delta \hat{y}_t(z)$	[1027; 1123]	1088	-61	35	0,550	0,340
$\Delta \hat{y}_t(b)$	[51; 60]	51	0	9	0	0,087
Итого:	-	-	-111	103	1	1

Используя построенный итоговый доверительный интервал по прогнозу общего числа спортивных сооружений (табл. 2) и статистическое распределение границ доверительных интервалов по видам спортивных сооружений (табл. 3) построим

скорректированный интервальный прогноз по видам спортивных сооружений на 2017 год (табл. 4).

Таблица 4

**Скорректированный интервальный прогноз
числа каждого вида спортивного сооружения, ед.**

Показатель	Статистическое распределение границы интервала		Скорректированные границы доверительного интервала		Скорректированный интервальный прогноз на 2017 г.
	слева	справа	слева	справа	
$\hat{y}_t(s)$	0,018	0,010	-1,12	0,72	[27,88; 29,72]
$\Delta \hat{y}_t(p)$	0,432	0,563	-26,78	40,54	[1926,22; 1993,54]
$\Delta \hat{y}_t(z)$	0,550	0,340	-34,10	24,48	[1053,9; 1112,48]
$\Delta \hat{y}_t(b)$	0	0,087	0	6,26	[51; 56,26]
Итого:	1	1	-62	72	-

Полученный прогноз учитывает тот факт, что общее количество спортивных сооружений не выйдет за рамки полученного итогового доверительного интервала общего числа спортивных сооружений (табл. 2). Таким образом, уровень доверия скорректированного прогноза также равен 0,9025. Несмотря на заданный уровень значимости, полученные интервалы доверия меньше аналогичных интервалов, построенных по каждому виду спортивных сооружений при уровне доверия 0,9, в среднем на 30 % (табл. 5).

Таблица 5

**Сравнительный анализ полученных
интервальных прогнозов, ед. [6]**

Показатель	Скорректированный интервальный прогноз на 2017 г.	Интервальный прогноз на 2017 г. при $\alpha=0,1$	Отношение длин доверительных интервалов
$\hat{y}_t(s)$	[27,88; 29,72]	[27,56; 30,02]	1,336957
$\Delta \hat{y}_t(p)$	[1926,22; 1993,54]	[1914,39; 2001,75]	1,297683
$\Delta \hat{y}_t(z)$	[1053,9; 1112,48]	[1035,6; 1114,15]	1,340901
$\Delta \hat{y}_t(b)$	[51; 56,26]	[52,03; 59,07]	1,338403

В результате получен более точный прогноз по числу спортивных сооружений на 2017 г. для каждого отдельного вида. На сегодняшний день по данным о спортивных сооружениях Приморского края (табл. 6), получается, что два прогноза (по спортивным залам и бассейнам) из трех подтвердились. В то же время, как в прогнозе без учета общего числа спортивных сооружений, совпадение наблюдается только в одном случае (по спортивным залам).

Таблица 6

Проверка полученных прогнозов с реальными данными, ед.

Показатель	Скорректированный интервальный прогноз на 2017 г.	Интервальный прогноз на 2017 г. при $\alpha=0,1$	Показатели на начало 2017 г.
$\hat{y}_t(s)$	[27,88; 29,72]	[27,56; 30,02]	-----
$\Delta \hat{y}_t(p)$	[1926,22; 1993,54]	[1914,39; 2001,75]	1783
$\Delta \hat{y}_t(z)$	[1053,9; 1112,48]	[1035,6; 1114,15]	1083
$\Delta \hat{y}_t(b)$	[51; 56,26]	[52,03; 59,07]	51

Проведя аналогичные вычисления, нетрудно получить соответствующие скорректированные прогнозы по 2018–2020 гг. (табл. 7).

Таблица 7

Скорректированный интервальный прогноз спортивных сооружений на 2018–2020 г., ед. [6]

Показатель	2018	2019	2020
$\hat{y}_t(s)$	[28,34; 30,78]	[28,69; 31,43]	[28,97; 32,24]
$\Delta \hat{y}_t(p)$	[1928,42; 2002,79]	[1928,85; 1987,72]	[1928,32; 1962,24]
$\Delta \hat{y}_t(z)$	[1049,79; 1096,76]	[1048,28; 1064,55]	[1048,20; 1025,73]
$\Delta \hat{y}_t(b)$	[52,44; 62,66]	[53,17; 66,30]	[53,51; 69,79]

В целом, необходимо отметить, что положение в плане обеспеченности спортивными сооружениями населения края носит явно нестабильный характер. Прирост спортивных сооружений, наблюдаемый до 2014 г., это результат Федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы». Последующее отсутствие явно выраженной положительной динамики говорит, о том, что спортивная инфраструктура края не сформирована.

рована в виде самостоятельной индустрии, приносящей доход. На местном уровне наблюдается прямое выполнение вышестоящих распоряжений и программ, без четкой самостоятельной стратегии развития спорта в крае с учётом его территориальных особенностей.

Скорректированный прогноз на 2018–2020 гг. полностью подтверждает данный факт, определяя положительный сценарий развития, в виде отсутствия какой-либо динамики по нижним границам и сокращение общего числа спортивных строений на 14 единиц. В случае отрицательного развития событий, сокращение числа спортивных сооружений за 4 года составит 88 единиц. Несмотря на столь серьезные цифры, прогноз весьма оптимистичен, по сравнению с тем, что только за 2016 г. число плоскостных спортивных сооружений сократилось на 8,7%, что составило 170 единиц строений.

Таким образом, спортивная инфраструктура Приморского края на данный момент не позиционируется как самостоятельная индустрия. Она требует дальнейшей поддержки со стороны государственных дотаций и частных инвестиций, направленных на строительства новых современных спортивных сооружений различного вида и назначения. Они должны быть рассчитанных на массовый спорт, на подготовку профессиональных спортсменов, на проведение соревнований всероссийского и международного уровней. Повысив, в первую очередь, количественный и качественный состав спортивной инфраструктуры, возможно, поднять уровень спорта до индустрии. В этом случае дальнейшее её развитие будет происходить самостоятельно по законам рынка. Только тогда, исходя из сформированной базы и спроса населения, можно разработать соответствующую стратегию индивидуального развития края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристова, Л. В. Управление инвестициями в создание инновационной инфраструктуры сферы физической культуры и спорта – стратегический ориентир долгосрочного социально-экономического развития отрасли // Вестник спортивной науки. – 2008. – № 4. – С. 6–9.
2. Доев, В. К. Социально-экономическая эффективность физической культуры и спорта // Экономический анализ: теория и практика. – 2012. – № 9. – С. 54–58.
3. Козин, В. З. Ураганные пробы и их учет / В. З. Козин, А. С. Комплев // Обогащение руд. – 2015. – № 4 (358). – С. 39–43.
4. Кремер, Н. Ш. Эконометрика / Н. Ш. Кремер, Б. А. Путко. – М. : Юнити-Дана, 2005. – 311 с.
5. Орлов, А. В. Спорт в глобальном измерении / А. В. Орлов, К. В. Воложагин // Вестник спортивной науки. – 2011. – № 1. – С. 48–51.

6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

REFERENCES

1. Aristova L.V. Upravlenie investitsiyami v sozдание innovatsionnoi infrastruktury sfery fizicheskoi kul'tury i sporta – strategicheskii orientir dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya otrasli [Investments Management in the Creation of Innovative Infrastructure in the Sphere of Physical Culture and Sports – a Strategic Reference Point for the Long-Term Social and Economic Development of the Industry]. *Vestnik sportivnoi nauki*, 2008, no. 4, pp. 6–9.

2. Doev V.K. Sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' fizicheskoi kul'tury i sporta [Socio-economic efficiency of physical culture and sports]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2012, no. 9, pp. 54–58.

3. Kozin V.Z., Komplev A.S. Uraganye proby i ikh uchet [Hurricane tests and their recording]. *Obogashchenie rud*, 2015, no. 4 (358), pp. 39–43.

4. Kremer N.Sh., Putko B.A. *Ekonometrika* [Econometrics]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 2005. 311 p.

5. Orlov A.V., Volozhanin K.V. Sport v global'nom izmerenii [Sport in the Global Dimension]. *Vestnik sportivnoi nauki*, 2011, no. 1, pp. 48–51.

6. *Federal Service of State Statistics*. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 14 August 2017).

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

УДК 342.53-057(5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/103-116

В. А. Шеховцов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: parlament6348@mail.ru

Я. В. Поливода²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: polivoda_yana@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ПАРЛАМЕНТАРИЕВ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Развитие парламентаризма и представительной демократии на современном этапе требует повышенного внимания исследователей, глубокого сравнительно-правового анализа места и роли парламентария в системе публичной власти. Роль народных избранников в политической жизни общества и государства велика, их главная задача состоит в том, чтобы в законах закрепить интересы и волю большинства граждан, что выражает сущность депутатского мандата. Именно поэтому конституционный институт народного представительства неразрывно связан с правовым статусом парламентария. Наличие в государстве эффективного парламента и достойного, позволяющего решать сложные задачи правового положения депутата – важнейший критерий реальности демократического конституционного

¹ Виктор Афанасьевич Шеховцов, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

² Яна Владимировна Поливода, ассистент, аспирант кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Шеховцов, В.А., Поливода, Я.В. Особенности правового регулирования статуса парламентариев в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 103–116.

стра. Особое значение организации и деятельности парламента и законодателей предопределяет необходимость исследования теории и практики различных аспектов парламентской работы в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона, которые представлены и странами с уже исторически сложившимся конституционализмом (такими как Российская Федерация, США, Япония, Канада), и государствами, не так давно получившими независимость (Сингапур, Восточный Тимор, Фиджи). Дальнейшее изучение, учет и рациональное заимствование положительного опыта правового регулирования разных сторон статуса парламентариев и эффективной практики их работы будут способствовать развитию парламентаризма и оптимизации деятельности парламента. Серьезное влияние на социально-политическую природу статуса депутата оказывает депутатский мандат как средство взаимоотношений депутата с избирателями, которые делегировали свою суверенную волю на осуществление государственной власти. Особый интерес в этой части представляет соотношение понятий свободного и императивного депутатского мандата, поскольку зависимость депутата от выдвинувших его политических партий, иных лиц, интересы которых после избрания активно лоббируются в парламенте, создают серьезные проблемы и противоречия. Нет в конституционном праве единого мнения относительно структурных элементов статуса депутата, что предполагает необходимость дальнейшего исследования правового положения парламентариев и совершенствования правового регулирования, создания механизмов реализации отдельных его элементов.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Конституция, конституционный строй, демократия, депутат, парламента, Государственная Дума, парламентарий, правовой статус, правовое положение, парламентарская деятельность, депутатский мандат, иммунитет, законодательная власть, представительный орган, народное представительство, политическая партия.

Victor A. Shekhovtsov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: parlament6348@mail.ru

Yana V. Polivoda²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: polivoda_yana@mail.ru

LEGAL REGULATION OF THE PARLIAMENTARIAN STATUS IN ASIA-PACIFIC COUNTRIES

Abstract. Development of parliamentarism and representative democracy requires increased attention, a deep comparative legal analysis of the place and role of a parliamentarian in the system of public authority. The role of people's representatives in the political life of society and the state is great; their main task is to consolidate in the laws the interests and the will of the majority of citizens that expresses the essence of the deputy mandate. That is why the constitutional institution of people's representation is inseparably linked with the legal status of a parliamentarian. Presence of an efficient parliament and respect for the status of a parliamentarian are the most important criteria of the effectiveness of a constitutional system. The special interest and importance of the organization and activities of the parliament and legislators predetermine the need to study the theory and practice of the states of the Asia-Pacific region, which are represented as countries with historically strong constitutionalism, such as the United States, Japan, Canada, and countries that recently gained independence, such as East Timor, Fiji, Singapore. Further study, consideration and rational borrowing of positive experience of legal regulation of different parties of the status of parliamentarians and effective practice of their work will contribute to the development of parliamentarism and the optimization of activities of parliaments. Serious influence on the socio-political nature of the status of a deputy is provided by the deputy mandate as a means of the deputy's relationship with voters who delegated their sovereign will to exercise power. Particular interested here is the relationship between the concepts of free and imperative deputy mandate, since the dependence of the deputy on the political parties that nominated them or on other persons whose interests are actively lobbied in the parliament create serious problems and contradictions. There is no unanimous opinion on the structural elements of the status of a deputy.

¹ Victor A. Shekhovtsov, Candidate of Legal Sciences, Professor of Constitutional and Administrative Law Department Law School Far Eastern Federal University, Honored Lawyer of Russia, Vladivostok, Russia.

² Yana V. Polivoda, Assistant, Postgraduate of Constitutional and Administrative Law Department Law School Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Shekhovtsov V. A., Polivoda Y. V. Legal regulation of the parliamentarian status in Asia-Pacific countries // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 103–116.

ty in the constitutional law, which implies the need for further study of the legal status of parliamentarians and improvement of legal regulation, as well as the creation of mechanisms for implementation of its individual elements.

Keywords: Asian Pacific Region, constitution, Constitutional order, democracy, deputy, parliament, the State Duma, parliamentarian, legal status, legal position, parliamentary activity, deputy mandate, immunity, legislature, Representative part, people's representation, political party.

Демократия как принадлежность всей полноты власти народу составляет сердцевину конституционного строя. Это положение закреплено в статье 3 Конституции Российской Федерации, согласно которой носитель суверенитета и единственный источник власти в России – её многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти [1]. Представительная форма демократии реализуется через парламент (Российская Федерация, Австралия, Филиппины, Вануату, Фиджи, Новая Зеландия, Колумбия, Камбоджа и др.) и другие выборные органы (Национальное собрание во Вьетнаме, Конгресс в Гватемале, Национальная ассамблея в Панаме, Всекитайское собрание народных представителей в Китае и др.).

В реальной жизни в большинстве государств доминирует исполнительная власть [2, с. 123–124], что не способствует успешному решению парламентом проблем граждан. В связи с этим отдельного анализа требует институт ответственности правительства перед парламентом, проблески которого можно увидеть в поправке, устанавливающей ежегодный отчёт Правительства перед Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. На практике это, по мнению некоторых авторов, не более чем декоративная формальность, не обеспечивающая подлинной ответственности правительства перед высшим законодательным и представительным органом государственной власти России [3, с. 30].

Среди причин критики результатов деятельности парламента выделяют и усложнение современной жизни в информационном обществе, повышение требовательности к процессам управления техническими средствами, расчётами, вычислительной техникой, что снижает значение парламента в управлении обществом [4, с. 219].

Поскольку решения парламента опосредованы деятельностью его членов – депутатов, то именно от принимаемых ими решений зависит качество издаваемых актов, в том числе затрагивающих конституционные права человека, что отражается на процессе построения рациональных отношений как с народом, так и органами государственной власти. Действительно, сущность представительного правления состоит

в том, что народ или значительная его часть посредством периодически избираемых депутатов реализует высшую власть и контроль, которые во всяком конституционном устройстве обязательно кому-нибудь должны принадлежать [5, р. 57].

XXI столетие – «Азиатский век», поэтому, по мнению ряда авторов, исследование и учёт опыта организации работы парламентариев стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в рамках сравнительного правоведения является незаменимым [6, р. 1–2].

В Конституциях различных государств, в том числе и России, как правило, лишь указывается на представительный характер парламентской деятельности, при этом выверенное наполнение термина «депутат» отсутствует. Традиционно депутат определяется как выборный представитель населения. Это соответствует Федеральному закону от 08 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», согласно которому депутатом является представитель народа, избранный в соответствии с Федеральным законом о выборах депутатов Государственной Думы, уполномоченный осуществлять в Государственной Думе законодательные и иные функции, предусмотренные Конституцией РФ и Федеральным законодательством (п. 2 ст. 1); Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в соответствии с которым депутатом признается лицо, избранное в соответствующем избирательном округе в представительный орган государственной власти или в представительный орган муниципального образования на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ст. 2).

Учитывая основные характеристики правового положения депутата, такие как избираемость, представительство, членство в коллегиальном законодательном (представительном) органе государственной власти или местного самоуправления, осуществление законодательных и иных предусмотренных законом функций, которые отличают его от других должностных лиц, депутатом является лицо, призванное представлять и воплощать волю многонационального народа. Это означает, как справедливо отметил С. А. Авакьян, что народ в его интересах и от своего имени уполномочивает депутата руководить страной повседневно, при этом интересы народа выступают основополагающим критерием определения содержания деятельности депутата, который несёт политическую ответственность перед избравшим его населением [7].

Конституционный Суд РФ также выразил позицию, согласно которой «законно избранный депутат является представителем всего народа (в общероссийском парламенте) или представителем всех граждан, проживающих в субъекте Российской Федерации (в законодательном органе государственной власти данного субъекта Российской Федерации)» [8].

В современной юридической доктрине термин «статус» понимается как оформленное нормативным правовым актом положение (отсюда – правовое положение) органа, объединения, организации, должностного лица, личности (гражданина), определяющее характеристику их природы, места в системе общественных отношений и субъектов права, важнейшие права и обязанности, формы (порядок) их реализации и принимаемых при этом актов или совершаемых действий [9, с. 593].

Ядром конституционно-правового статуса депутата и содержанием модели депутатской деятельности являются права и обязанности. Это мнение не бесспорно, так как судьба многих прав и обязанностей следует судьбе статуса. Так, например, срок полномочий депутата Государственной Думы начинается со дня избрания его депутатом и прекращается со дня начала работы палаты нового созыва, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом (п. 2 ст. 3 ФЗ № 3 от 08.05.1994 г. «О Статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»).

Не вызывает сомнений, что правовой статус должен быть закреплён законом. В противном случае речь может идти лишь об общественном статусе. Права и обязанности, составляющие юридический статус, регламентируются законом, поскольку именно он не только предусматривает права и обязанности, но и устанавливает ответственность за их невыполнение либо ненадлежащее исполнение. Согласимся с рядом авторов, которые к неотъемлемым элементам правового статуса депутата высшего органа государственной власти РФ относят не только права и обязанности, но и гарантии деятельности депутата и его ответственность.

Гарантиями депутатской деятельности называют устанавливаемые законом условия и предпосылки выполнения депутатами своих задач, функций и полномочий. Конституционалисты выделяют несколько групп гарантий, необходимых для эффективной работы парламентариев: организационные, материальные, гарантии трудовых прав и личной неприкосновенности [9, с. 174–178].

И если правовое положение современного депутата в России имеет чёткую законодательную регламентацию и считается вполне устоявшимся институтом, то иностранные авторы не склонны к глубоким теоретическим изысканиям по данному вопросу. Как правило, зарубежные исследования ограничиваются разработкой отдельных элементов правового статуса, не сводя их в единый структурированный комплекс. Исключение составляют единичные работы компаративистской направленности, в которых, однако, выделение тех или иных элементов правового статуса депутата не имеет чётко обозначенных критериев. Так, например, Марк Ван дер Хулст выделяет в правовом статусе парламентария следующие элементы: права и обязанности; депутатский индемнитет, включающий себя зарплаты, пособия, пенсии, а также материальное, социальное и транспортное обеспечение деятельности; ограничения, предусматривающие несовместимость депутатского мандата с иными видами дея-

тельности; декларирование имущества и доходов; депутатский иммунитет, состоящий из неподотчётности и неотвечественности парламентария; место депутата в иерархии парламента и за его пределами (порядок старшинства) [10, р. 27–28].

Основным исходным документом регулирования деятельности парламентария несомненно является Конституция. И если правовому статусу депутата в Основном законе Российской Федерации посвящено две статьи (о профессионализации и неприкосновенности), то Конституция Индии, например, подробным образом закрепляет основные права и обязанности парламентария, материальную ответственность лица, не имевшего права быть депутатом, но занимавшего эту должность, за каждый день его незаконной парламентской деятельности [11].

Как правило, правовое положение членов парламента регулируется отдельными актами, предусматривающими их права и обязанности, особенности социального, правового и материального обеспечения, ответственность. В некоторых странах, к которым относится и Россия, существуют нормативные правовые акты, определяющие правовой статус народных представителей государственного уровня. Представляет интерес пример Восточного Тимора, в котором действует Закон «О статусе членов Парламента», предусматривающий следующие составляющие статуса: права и обязанности; природу депутатского мандата, начало его действия и окончание; депутатский иммунитет; гарантии деятельности; ограничения и запреты [12].

Большинство стран идут по пути систематизации отдельных элементов правового положения парламентариев в отдельных нормативных актах, таких, например, как Закон Австралии «О парламентских привилегиях» 1987 г., Закон Новой Зеландии «О вознаграждении должностных лиц» 1977 г. и ряда принятых на его основании Определений Парламента: «О парламентских зарплатах и пособиях» 2013 г., «О парламентском пенсионном обеспечении» 2003 г., «О членах Парламента (об обеспечении проживания членов парламента и обеспечении путешествий для членов их семей и бывших Премьер-министров)» 2014 г. [13].

Примечателен опыт правового регулирования США, рассматривающего в качестве источника правовых норм руководства по парламентской практике, по своему характеру схожие с доктриной, такие как Руководство Джефферсона по парламентской практике, Процедура Кэннона в Палате Представителей, Процедура Дешлера в Палате Представителей, Процедура Хайндса в Палате Представителей, Процедура Риддика в Сенате [14].

Важной характеристикой сущности социально-политической природы статуса депутата являются основания возникновения и срок действия депутатского мандата. Согласимся с теми авторами, которые включают мандат в конституционно-правовой институт депутата, но не в его конституционный статус [15, с. 25]. Учитывая, что деятельность по осуществлению депутатских полномочий не подпадает под действие трудового права, мандат надлежит рассматривать, в том числе, как вакантную долж-

ность, как факт избрания гражданина депутатом, наделения его публично-властными полномочиями, что само по себе обуславливает и закрепляет за ним определённый набор прав, обязанностей и ответственности, предоставляет определённые гарантии и показывает характер взаимосвязи с населением государства.

Вопрос о природе депутатского мандата не решён в конституциях большинства государств. Так, об этом абсолютно не упоминается в основных законах таких стран, как Россия, Индия, Австралия, косвенное упоминание можно найти в Конституциях США и Японии. Некоторые конституции прямо закрепляют свободный депутатский мандат (Конституция Восточного Тимора, декларирующая, что Национальный парламент «представляет всех тиморских граждан») [16], или, наоборот, его императивность (Конституция Китая, устанавливающая право отзыва избранных депутатов) [17].

Зарубежные авторы рассматривают мандат депутата как должность в представительном органе с соответствующими правами и обязанностями [10, р. 13]. В некоторых из исследуемых нами стран начало действия мандата связано с днём оглашения результатов выборов (Япония). В ряде стран (Мексика, Индонезия) начало действия мандата совпадает с проведением церемонии принятия присяги. Сенаторы верхней палаты парламента Филиппин вступают в должность в полдень дня, следующего за днём их избрания.

Конституции ряда стран АТР, как правило, определяют суть конституционно-правового содержания депутатского мандата, устанавливая его основополагающие принципы, к которым относится, во-первых, принцип выборности как основа получения мандата. Закрепляется принцип представительства (ст. 97 Конституции Социалистической Республики Вьетнам – депутат Национального Собрания, выражающий волю и интересы народа, является представителем не только избирателей своего округа, но и всего народа страны) [18].

В качестве принципа депутатского мандата установлена неответственность депутата за выраженное им мнение и голосование при осуществлении мандата. Конституция Японии конкретизирует этот принцип указанием на то, что члены обеих палат Парламента «не несут ответственности за стенами палаты в связи со своими речами, высказываниями и голосованием в палате» (ст. 51) [19]. Согласно ст. 105 Конституции Индии, никто не может быть привлечён к судебной ответственности за высказывание или голосование в Парламенте и не несёт ответственности в связи с опубликованием документа, результатов голосования.

Большинство конституций закрепляют принцип депутатской неприкосновенности (иммунитета), который означает невозможность привлечения депутата к ответственности без согласия представительного органа. Так, Конституция КНР в статье 74 устанавливает, что депутаты Всекитайского собрания народных представителей не могут быть арестованы или привлечены к уголовной ответственности

без разрешения Президиума сессии Всекитайского собрания народных представителей, а в период между сессиями – без разрешения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей.

Ключевым условием привлечения депутата Государственной Думы РФ к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, является согласие самой Думы (п.п. а п. 2 ст. 29 ФЗ № 3 от 08.05.1994 г. «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»), что, на наш взгляд приобретает расширительное толкование и предоставляет лицам с так называемым «особым статусом» необоснованные пределы возможностей, а столь усложнённая процедура привлечения к ответственности позволяет её избежать по ряду причин, среди которых можно упомянуть истечение сроков привлечения, коррупциогенный фактор вовлечения в этот процесс представителей государственных органов и др.

Весьма успешным в этом аспекте представляется опыт таких стран, как например, Австралия или США, в которых парламент не может повлиять на осуществление каких-либо следственных действий, будь то прекращение уголовного преследования или освобождение парламентария из-под стражи. В США депутатская неприкосновенность распространяется только на период сессии и на время, когда депутат направляется на сессию или возвращается с неё [20], при этом, так же как и в Австралии, иммунитет распространяется только на защиту от ареста или тюремного заключения при осуществлении гражданского и уголовного судопроизводства.

Важным элементом депутатского мандата является принцип его несовместимости с определённого рода деятельностью, занятием отдельных должностей (ст. 92 Конституции Перу – депутатам запрещено занимать любую должность в течение времени, когда действует Конгресс) [21]. В ст. 101 Конституции Индии установлено, что ни одно лицо не может быть членом Парламента и членом какой-либо Палаты Легислатуры Штата одновременно.

Несмотря на то, что в современных демократических государствах утвердился свободный депутатский мандат, признающий парламентария представителем всего народа, не связанным какими-либо поручениями и инструкциями, практика народного представительства свидетельствует о том, что депутат зачастую находится в прямой зависимости от партий, которые его выдвигали в качестве кандидата на выборах или по спискам которых он был избран, а также от других, как правило, скрытых от общественного контроля сил, лоббирующих свои интересы в парламенте. Эволюция доминирования политических партий в формировании депутатского мандата отражена в политологической энциклопедии, которая гласит: «Роль партии заключается в том, чтобы провести свои интересы между различными группами, избегая вопросов демократии, идеологии и даже собственной программы. Основная задача – максимально большее количество голосов, отданных за партию или кандидата» [22, р. 364].

Политический контроль партий за деятельностью депутата находит своё отражение и в тексте конституций некоторых государств (Панама, Папуа – Новая Гвинея). Статья 151 Конституции Панамы гласит, что политические партии могут отозвать действующий депутатский мандат, например, в случае серьёзного нарушения устава, а также идеологической и политической основ партии [23]. Конституция Республики Фиджи (ст. 71) предусматривает, что место депутата в Палате представителей становится свободным, если он вышел по собственному желанию или был исключён из политической партии, от которой он был кандидатом на выборах [24].

Таким образом, чтобы признать свободный мандат в качестве необходимого условия представительной демократии, необходимо найти баланс между инструментами, обеспечивающими эффективность работы политической партии и независимость парламентария.

Право отзыва и другие элементы императивного мандата депутата Верховного Совета СССР и РСФСР были закреплены в Конституциях Советского Союза и России. Проявлялось это в основном в конституционных обязанностях депутата учитывать в своей деятельности запросы населения избирательного округа, правах избирателей в любое время требовать отчёт депутата и возможности его отозвать. В настоящее время императивный мандат применяется в таких странах Азиатско-Тихоокеанского региона, как КНР, КНДР, Вьетнам, Индия и Вануату. Так, Конституция Вьетнама в ст. 7 говорит, что депутат Национального Собрания отзывается избирателями или парламентом. Депутат Национального Собрания обязан поддерживать тесные связи с избирателями; находиться под их контролем; собирать и правдиво излагать Национальному Собранию и заинтересованным государственным органам предложения и пожелания избирателей; отвечать на требования и предложения избирателей; рассматривать жалобы и заявления граждан, содействовать их разрешению, консультировать граждан и помогать им в осуществлении указанных прав (ст. 97). Депутаты Всекитайского собрания народных представителей подконтрольны избравшим их органам, которые имеют право в порядке, установленном законом, отозвать избранных депутатов (ст. 77 Конституции КНР).

На практике понятия свободного и императивного депутатского мандата уже не позволяют с достаточной степенью полноты выявить своеобразие содержания депутатского мандата и вызывают ряд вопросов, в том числе: не находится ли депутат в прямой зависимости от партий, которые его выдвинули в качестве депутата; не зависит ли он от других лиц, которые лоббируют свои интересы в парламенте. Учитывая учредительный характер депутатского мандата и статус депутата для обеспечения политического и социального порядка в стране, соответствующие положения конституции должны быть достаточно конкретными, чтобы избежать риска злоупотребления полномочиями [25, р. 14].

Сравнительно-правовой анализ опыта правового регулирования различных аспектов организации работы и деятельности парламентариев государств Азиатско-Тихоокеанского региона позволит более глубоко понять сущность и содержание правового положения законодателей и в результате – усовершенствовать нормы российского законодательства и практику их применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 15. – Ст. 1691.
2. Кабышев, В. Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Конституционное право и политика : сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Авакьян. – М. : Юристъ, 2012. – С. 123–124.
3. Боброва, Н. А. Российский парламентаризм и перспективы его развития // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран : материалы междунар. науч. конф. / Юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова ; отв. ред. С. А. Авакьян. – М. : Изд. дом РоЛиКС, 2010. – С. 306–311.
4. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран : учебник / В. Е. Чиркин. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М., 2016. – 528 с.
5. Mill, J. St. Considerations on representative government / J. St. Mill. –Ontario, South Kitchener : Batoche Books Ltd., 1861. – 219 p.
6. Charlton, S. E. M. Comparing Asian politics: India, China and Japan / S. E. M. Charlton. – 3rd ed. – Boulder, CO : Westview Press, 2010. – 400 p.
7. Авакьян, С. А. Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации : сб. науч. тр. / под ред. А. В. Иванченко. – М., 2004. – С. 236–263.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1998 № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"» // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 28. – Ст. 4261.
9. Авакьян, С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. – М. : Юстицинформ, 2015. – 640 с.

10. Hulst, M. van der. *The Parliamentary Mandate. A Comparative Study* / M. van der Hulst. – Geneva : Inter-Parliamentary Union, 2000. – 154 p.

11. Text of constitution of India. 1950 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/in/in023en.pdf>.

12. The Status of Members of Parliament : Law No. 5/2004 of 28.04.2004 [Электронный ресурс] // *Jornal da Republica*. – Режим доступа: <http://www.jornal.gov.tl/lawsTL/RDTL-Law/RDTL-Laws/Law-2004-5.pdf>.

13. Remuneration Authority of New Zealand [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://remauthority.govt.nz/clients-remuneration/remuneration-for-members-of-parliament-including-the-prime-minister-and-ministers/>.

14. United States Legislative: The Library of Congress [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.loc.gov/law/help/guide/federal/uscong.php>.

15. Стремоухов, А. А. Конституционно-правовой статус депутата Государственной Думы / А. А. Стремоухов, И. Н. Преснов // *Ленинградский юридический журнал*. – 2006. – № 1. – С. 19–26.

16. Конституция Восточного Тимора от 20 мая 2002 года [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=336>.

17. Text of constitution of the people's republic of China. 1982 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.people.cn/constitution/constitution.html>.

18. Text of constitution of Socialist republic of Vietnam. 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.vietnamlaws.com/freelaws/Constitution92\(aa01\).pdf](http://www.vietnamlaws.com/freelaws/Constitution92(aa01).pdf).

19. Text of constitution of Japan. 1947 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html.

20. Rules of the House of Representatives. 114-th Congress / Office of the Clerk. U.S. House of Representatives [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://clerk.house.gov/legislative/house-rules.pdf>.

21. Political Constitution of Peru. Official Edition (1993) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www4.congreso.gob.pe/_ingles/CONSTITUTION_29_08_08.pdf.

22. *The Concise Oxford Dictionary of Politics* / ed. by L. McLean. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 624 p.

23. Text of Constitution of the Republic of Panama. 1972 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=189351.

24. Constitution of Fiji of 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lowyinterpreter.org/file.axd?COLLCC=3660013447&file=2013%2F1%2FFiji+Draft+Constitution.pdf>.

25. Kędzia, Z. The impact of political party control over the exercise of the parliamentary mandate. *Inter-Parliamentary Union* / Z. Kędzia, A. Hauser. – Geneva, 2011. – 30 p.

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008) No. 6-FKZ dated December 30, 2008, no. 7-FKZ dated February 5, 2014, no. 2-FKZ). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 15, art. 1691. (In Russian).
2. Kabyshev V.T. Narodovlastie v sisteme konstitutsionnogo stroya Rossii: konstitutsionno-politicheskoe izmerenie [Democracy in the system of the constitutional system of Russia: Constitutional and political dimension]. *Konstitutsionnoe pravo i politika: sbornik materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Constitutional Law and Politics: The collection of materials of the international scientific conference]. Moscow: Yurist" Publ., 2012, pp. 123–124.
3. Bobrova N.A. Rossiiskii parlamentarizm i perspektivy ego razvitiya [Russian parliamentarism and prospects for its development]. *Sovremennye problemy konstitutsionnogo i munitsipal'nogo stroitel'stva: opyt Rossii i zarubezhnykh stran : materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Avakyan S.A., execut. ed. Modern problems of constitutional and municipal construction: Experience of Russia and foreign countries: The collection of materials of the international scientific conference]. Moscow: RoLiKS Publ., 2010, pp. 306–311.
4. Chirkin V.E. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. 8th ed. Moscow: Norma. INFRA-M. Publ., 2016. 528 p.
5. Mill J.St. *Considerations on representative government*. Canada, Ontario, South Kitchener: Batoche Books Ltd., 1861. 219 p.
6. Charlton S.E.M. *Comparing Asian politics: India, China and Japan*. 3rd ed. Boulder, CO: Westview Press, 2010. 400 p.
7. Avak'yan S.A. Instituty neposredstvennoi demokratii v sisteme mestnogo samoupravleniya [Institutes of direct democracy in the system of local self-government]. Ivanchenko A.V., ed. *Konstitutsionnye i zakonodatel'nye osnovy mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and legislative foundations of local self-government in the Russian Federation: collection of scientific papers]. Moscow, 2004, pp. 236–263.
8. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation 17.11.1998 No 26-П «In the case on the verification of the constitutionality of certain provisions of the Federal Law of 21 June 1995 "On the election of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation"». *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 28, art. 4261. (In Russian).
9. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnyi leksikon: gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar'* [The constitutional lexicon: The state-legal terminological dictionary]. Moscow: Yustitsinform Publ., 2015. 640 p.

10. Hulst M. van der. *The Parliamentary Mandate. A Comparative Study*. Geneva: Inter-Parliamentary Union, 2000. 154 p.
11. *Text of constitution of India. 1950*. Available at: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/in/in023en.pdf> (accessed 17 August 2017).
12. The Status of Members of Parliament: Law No. 5/2004 of 28.04.2004. *Jornal da Republica*. Available at: <http://www.jornal.gov.tl/lawsTL/RDTL-Law/RDTL-Laws/Law-2004-5.pdf> (accessed 17 August 2017).
13. *Remuneration Authority of New Zealand*. Available at: <http://remauthority.govt.nz/clients-remuneration/remuneration-for-members-of-parliament-including-the-prime-minister-and-ministers/> (accessed 17 August 2017).
14. *United States Legislative: The Library of Congress*. Available at: <http://www.loc.gov/law/help/guide/federal/uscong.php> (accessed 17 August 2017).
15. Stremoukhov A.A., Presnov I.N. Konstitutsionno-pravovoi status deputata Gosudarstvennoi Dumy [Constitutional and legal status of a deputy of the State Duma]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, 2006, no. 1, 19–26.
16. *Text of constitution of East Timor of 2002*. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=336> (accessed 17 August 2017) (In Russian).
17. *Text of constitution of the people's republic of China. 1982*. Available at: <http://en.people.cn/constitution/constitution.html> (accessed 17 August 2017).
18. *Text of constitution of Socialist republic of Vietnam. 1992*. Available at: [http://www.vietnamlaws.com/freelaws/Constitution92\(aa01\).pdf](http://www.vietnamlaws.com/freelaws/Constitution92(aa01).pdf) (accessed 17 August 2017).
19. *Text of constitution of Japan. 1947*. Available at: http://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (accessed 17 August 2017).
20. *Rules of the House of Representatives. 114-th Congress. Office of the Clerk. U.S. House of Representatives*. Available at: <http://clerk.house.gov/legislative/house-rules.pdf> (accessed 17 August 2017).
21. *Political Constitution of Peru. Official Edition 1993*. Available at: http://www4.congreso.gob.pe/_ingles/CONSTITUTION_29_08_08.pdf (accessed 17 August 2017).
22. L. McLean, ed. *The Concise Oxford Dictionary of Politics*. Oxford University Press, 1996. 624 p.
23. *Text of Constitution of the Republic of Panama. 1972*. Available at: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=189351 (accessed 17 August 2017).
24. *Constitution of Fiji of 2012*. Available at: <http://www.lowyinterpreter.org/file.axd?COLLCC=3660013447&file=2013%2F1%2FFiji+Draft+Constitution.pdf> (accessed 17 August 2017).
25. Kędzia Z., Hauser A. *The impact of political party control over the exercise of the parliamentary mandate. Inter-Parliamentary Union*. Geneva, 2011. 30 p.

УДК 343.85+323.2](519)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/117-128

А.А. Мальцев¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: alex@maltsev.biz

ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЛИНКВЕНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ*

Статья посвящена современному состоянию уголовной политики Республики Корея в сфере противодействия подростковой преступности. Рассматривается структура законодательства Республики Корея об уголовной ответственности несовершеннолетних преступников. Автор подтверждает тезис о том, что законодательство Республики Корея, направленное на борьбу с преступностью несовершеннолетних и её предотвращение, в достаточной мере обособлено от общего уголовного законодательства и представляет собой формирующуюся отрасль ювенального права и правосудия. Выделяются основные начала уголовного права несовершеннолетних: ориентация на делинквента; особое внимание к проблемам воспитания подростка; связь правовых мер воздействия с комплексом мер социальной профилактики и реабилитации. Проанализированы последние изменения в корейском законодательстве, касающиеся правонарушений подростков и их защиты от противоправного поведения: снижение, согласно специальному закону, возраста ответственности подростков до 10 лет, введение комплекса мер безопасности (защитных мер, применяемых к делинквентам в дополнение или взамен уголовно-правового воздействия). Особое внимание уделяется сложившемуся в стране гуманистическому подходу в воздействии на подростковую преступность (судебные отделы по делам несовершеннолетних и Семейный суд, защитные меры, социальный кон-

¹ Мальцев Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, магистр международного уголовного права и правосудия, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

* Работа выполнена в рамках программы «Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах» Министерства образования Республики Корея и Академии корейских исследований (Academy of Korean Studies) (AKS-2015-OLU-2250003).

Для цитирования: Мальцев, А. А. Правовые и политические аспекты противодействия делинквентному поведению несовершеннолетних в Республике Корея // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 117–128.

троль и т.п.). Проанализирован комплекс законодательных норм, направленных на профилактику подростковой преступности, в особенности деятельности общественных формирований в данной сфере, а также виктимологической профилактики. Автор полагает, что внедрение в российскую практику широко апробированного в Республике Корея института пробации, формирование общественных организаций в сфере предотвращения преступности несовершеннолетних является необходимым и закономерным. На основе проведённого анализа сделан вывод о наличии позитивного опыта Республики Корея, полезного как для российского законодателя, так и для правоприменителя.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, Корея, Республика Корея, делинквентное поведение, преступление, наказание, пробация, социальный контроль, защитные меры, служба пробации, профилактика подростковой преступности, система ювенальной юстиции.

A. A. Maltsev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: alex@maltsev.biz

LEGAL AND POLITICAL ASPECTS OF COUNTERACTING JUVENILE DELINQUENT BEHAVIOR IN THE REPUBLIC OF KOREA*

Abstract. The article covers the current legal policy of the Republic of Korea aimed at counteracting the delinquent behavior of adolescents. The author confirms the thesis that the legislation of the Republic of Korea aimed at combating and preventing juvenile delinquency is sufficiently isolated from general criminal legislation and represents an emerging branch of juvenile law and justice. The basic principles of Juvenile Criminal Justice are singled out as orientation to delinquent; specific attention to the problems of teenager education; combination of legal measures with a mechanism of social prevention and rehabilitation. The latest changes in the Korean legislation concerning delinquency of adolescents and their protection from such behavior are analyzed: i.e. the age of responsibility of adolescents is reduced to 10 years old, and a set of security measures (protective

¹Alexandr A. Maltsev, Cand. Sci (Law) LL.M. in International Crime and Justice, Associate professor, Department of Criminal Law and Criminology FEFU, Vladivostok, Russia.

* This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

For citing: Maltsev, A. A. Legal and political aspects of counteracting juvenile delinquent behavior in the Republic of Korea // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 117–128.

measures) applied to delinquents in addition or in exchange for criminal justice measures is introduced. The structure of legislation in the Republic of Korea in the area of the criminal liability of juvenile offenders is examined and the basic principles of the Juvenile Law are singled out. The latest changes in the Korean legislation, dealing with juvenile delinquency and their protection from unlawful behavior, are analyzed and special attention is paid to the humanistic approach to juvenile delinquency that has developed in South Korea in the last two decades (juvenile justice departments, Family court, protective measures, etc.). The complex of legislative norms aimed at prevention of juvenile delinquency, in particular, the activities of public groups in this sphere, as well as victimization prevention, has been analyzed. The author believes that introduction of widely-approved probation institute into Russian practice, and the formation of public organizations in the field of preventing juvenile delinquency is necessary and reasonable. On the basis of the analysis, it was concluded that there is a positive experience of the Republic of Korea, useful both for legislative and for law-enforcement authorities of Russia.

Keywords: juvenile delinquency, Korea, Republic of Korea, delinquency, crime, punishment, probation, social control, protective measures, probation service, juvenile delinquency prevention, juvenile justice.

Долгое время Республика Корея являлась полицейским государством (1961–1987 гг.), но в настоящее время полицейские функции органов власти несколько ослаблены, главенствующую роль играют общесоциальные меры воздействия на преступность. Современная наука уголовного права Кореи не содержит такого понятия, как «уголовная политика». Тем не менее данное словосочетание иногда используется для характеристики всего комплекса мер, предпринимаемых государством, политических установок и законодательных предписаний, направленных на предотвращение преступности.

Сама по себе уголовная политика никогда не являлась объектом пристального изучения корейских исследователей. Отдельные публикации, датированные чаще периодом 60–70-х годов прошлого века, употребляют это словосочетание. Зачастую такие публикации посвящены реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних [1]. В современный же период уголовная политика Республики Корея преобразовалась в своего рода полисистемный комплекс, объединяющий в себе всю совокупность того, что в российской науке принято именовать данным понятием. Каждый элемент такого комплекса направлен на решение своих узких вопросов, которые в совокупности нацелены на предотвращение и (или) борьбу с преступностью в стране.

Основами уголовной политики Кореи в отношении несовершеннолетних являются соответствующие международно-правовые документы и национальное за-

конодательство. В связи с ратификацией международных договоров Республикой Корея в национальное законодательство о несовершеннолетних вносились многочисленные изменения, и сейчас можно сделать вывод о том, что в большинстве своих положений корейские нормативные правовые акты в целом соответствуют международно-правовым предписаниям.

Стоит заметить, что корейская уголовная политика в отношении несовершеннолетних не является замкнутой системой, абсолютно обособленной от уголовной политики государства в целом. Вместе с тем она обособлена в той мере, которая дает основания сделать вывод о её относительной самостоятельности, выделении её в самостоятельное направление уголовной политики государства. При этом уголовная политика в отношении несовершеннолетних обладает своими специальными целями, задачами и принципами. Содержание этих целей, задач и принципов раскрывается в реализации отдельных направлений уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Специфическими элементами корейской уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних следует считать:

- определение и законодательное закрепление основных принципов законодательного регулирования воздействия на преступность несовершеннолетних;
- определение и установление характера и пределов наказуемости общественно опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними, а также условий освобождения от наказания и иных мер некарательного воздействия;
- установление мер некарательного воздействия, альтернативных уголовному наказанию или применяемых совместно с уголовным наказанием («защитные меры», меры исправления и безопасности).

Криминализация и декриминализация общественно опасных деяний к специфическим элементам уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних не относится ввиду того, что корейское законодательство не предусматривает специальных составов преступлений, субъектом которых могут быть только несовершеннолетние. Хотя уголовное законодательство и содержит перечень преступлений, субъектом которых несовершеннолетний быть не может, но это относится к объективным условиям, не связанным с частичной декриминализацией таких преступлений по признакам несовершеннолетнего возраста субъекта преступления.

Особенностью уголовно-правовой политики Республики Корея является, в первую очередь, специфичность законодательного воздействия на преступность. Наряду с Уголовным кодексом в этой стране по-прежнему действует целый ряд специальных законов.

Законодательство Республики Корея, направленное на борьбу и предотвращение преступности несовершеннолетних, в достаточной мере обособлено от общего уголовного законодательства. Основой нормативной базы борьбы с преступностью

несовершеннолетних является общее уголовное законодательство – Уголовный кодекс Республики Корея (*hyeong-beopjeon*³), а также специальное – Закон о несовершеннолетних [2] (*so-nyeonbeop*). Последний вступил в силу одновременно с Законом об исправительных учреждениях для несовершеннолетних (*so-nyeonweonbeop*) [3]. Порядок и особенности реализации этих законов устанавливаются соответствующими указами президента. В конце 2007 г. в Закон о несовершеннолетних второй раз за год внесены существенные изменения, затронувшие абсолютно все статьи нормативного акта. Фактически, можно говорить о реформировании уголовного законодательства несовершеннолетних, поскольку нормотворец видоизменил не только положения о минимальном и максимальном возрасте, в пределах которого лицо считается несовершеннолетним, но и сама система правового воздействия на несовершеннолетних делинквентов существенно изменилась.

Закон о несовершеннолетних вступил в силу с момента его принятия в 1958 г. В 1987 г. Министерство юстиции провело серию консультаций со специалистами по ювенальной юстиции. На основе поступивших предложений от теоретиков и правоприменителей в середине 1988 г. была принята новая редакция закона [4, р. 215]. Закон о несовершеннолетних содержит ряд предписаний, регламентирующих применение к подросткам защитных мер, способствующих установлению благоприятной обстановки в окружении несовершеннолетних, а также коррекции личности несовершеннолетних, отличающихся антисоциальным поведением.

Уголовный кодекс Республики Корея устанавливает возраст уголовной ответственности, равный 14 годам. В кодексе не содержится никаких исключений из данного правила. Также не предусматривается и специальных видов наказаний для несовершеннолетних, как, например, в российском законодательстве. Более детально данный вопрос урегулирован специальными законами.

С 22 июня 2008 г. Законом о несовершеннолетних термин «несовершеннолетний» определен как лицо в возрасте до 19 лет. Ранее верхняя планка несовершеннолетнего возраста была установлена на уровне 20 лет. Изменения в Закон о несовершеннолетних были внесены законом № 8722 от 21.12.2007 г., вступившим в силу в июне. Законодатель, по всей видимости, посчитал 20-летний рубеж не соответствующим подростковому возрасту и снизил его на один год. Возможно, этому способствовало то обстоятельство, что удельный вес 20-летних преступников за последние пять лет снизился более чем на 10 процентов.

Определяя в Уголовном кодексе минимальный возраст ответственности за совершение преступления, корейский законодатель имеет в виду лишь уголовное наказание. В то же время Закон о несовершеннолетних предусматривает примене-

³Транслитерация корейской письменности приводится в соответствии с нормами, принятыми Международной организацией по стандартизации // ISO TR 11941:1996.

ние мер некарательного воздействия к подросткам в возрасте менее 14 лет. Исходя из смысла Закона о несовершеннолетних, всех подростков-делинквентов можно разделить на три группы:

- 1) *преступники* – лица в возрасте от 14 до 19 лет, совершившие преступление;
- 2) *правонарушители* – лица в возрасте от 10 до 14 лет, совершившие деяние, нарушающее законы, предусматривающие уголовное наказание;
- 3) *потенциальные преступники и правонарушители* – лица в возрасте от 10 до 19 лет.

Преследуемая мерами безопасности цель превенции достигается посредством социальной нейтрализации индивида. Мера безопасности не ограничивается точно определенным сроком, как применение наказания. Это позволяет изменять срок её применения в сторону уменьшения или увеличения с учётом установленного максимума в соответствии с развитием «опасного состояния» индивида [5, с. 159].

В современном виде в Корее применяются 10 видов мер безопасности (защитных мер) в отношении подростков: 1) помещение несовершеннолетнего на попечение покровителя; 2) посещение центра присутствия (лекции); 3) общественные работы; 4) кратковременная пробация (помещение под надзор на срок до одного года); 5) пробация (помещение под надзор на срок до двух лет); 6) помещение несовершеннолетнего на попечение специализированного социального учреждения для детей; 7) помещение в специальное лечебное учреждение; 8) помещение в исправительное учреждение для несовершеннолетних на срок до одного месяца; 9) помещение в исправительное учреждение для несовершеннолетних на срок до шести месяцев; 10) помещение в исправительное учреждение для несовершеннолетних на срок до двух лет.

В системе воздействия на преступность в Республике Корея широко востребован институт пробации. История этого института в Корее берёт своё начало в 1942 г., когда в стране были созданы органы судебной защиты. В 1963 г. пробация впервые введена в прежнюю редакцию Закона о несовершеннолетних. В современном виде пробация применяется с 1 июля 1989 г.: именно в этот день по всей стране были открыты 12 офисов и шесть филиалов службы пробации.

Рассматривать пробацию можно в двух контекстах: узком и широком. Сам термин «пробация» (или «пробация и надзор») в узком смысле слова понимается как деятельность офицера службы пробации по руководству лицом, отбывающим пробацию, в целях его социализации. Хотя на практике более часто «пробация» используется в широком значении, с включением в данное понятие дополнительных мер: общественных работ, посещения лекций, расследования, предшествующего назначению наказания, а также различных образовательных программ, реализуемых волонтерами – участниками системы пробации. При более широком рассмотрении система именуется «пробация и надзор» и включает в себя, кроме прочего,

осуществление надзора за досрочно освобожденными преступниками, отбывавшими наказание в виде лишения свободы.

Данный комплекс мер реализуется в целях специальной превенции: коррекции неправомерного поведения несовершеннолетнего, защиты общества от такого поведения, а также воспрепятствования повторному совершению правонарушений. Сверхзадачей пробации является взаимное «примирение» подростка и общества, достижение такого состояния, когда несовершеннолетний не воспринимает общество как чужеродную и враждебную среду, а общество не воспринимает подростка как социально опасный элемент, не стигматизирует его как преступника.

Корейский институт пробации близок российскому институту условного осуждения, но отличается от последнего прежде всего тем, что пробация при её применении к несовершеннолетним не является мерой наказания и не влечёт судимость.

Среди лиц, в отношении которых применяется пробация, несовершеннолетние занимают лидирующие позиции. Из всего массива применения пробации ко взрослым правонарушителям пробация применяется приблизительно в 40 % случаев, остальные 60 % составляют несовершеннолетние. При этом из всех дел о пробации 25 % составляет краткосрочная пробация несовершеннолетних, 30 % – долгосрочная пробация несовершеннолетних, 5 % – пробационный надзор за несовершеннолетними, досрочно освобожденными из исправительных школ или тюрем.

Одновременно с приказом о пробации зачастую суд назначает дополнительные меры воспитательного воздействия (условия пробации): общественные работы и (или) посещение специальных лекций. При этом посещение лекций не должно в общем объёме превышать 100 часов, а общественных работ – 200 часов.

Как и другие специальные уголовные законы, Закон о несовершеннолетних содержит целый ряд процессуальных норм, устанавливающих порядок возбуждения и расследования уголовного дела, полномочия прокурора, суда для несовершеннолетних, порядок применения к подростку мер пресечения и т.д. Являясь частью уголовного права, данный комплекс правовых норм об ответственности подростков охватывает всё же и материальные, и процессуальные нормы, по существу представляя собой и уголовное, и уголовно-процессуальное, и даже судостроительное право.

Основными началами уголовного права несовершеннолетних являются:

а) ориентация на деятеля, в отличие от «взрослого» уголовного права, ориентирующегося на деяние;

б) внимание к проблемам осуществления воспитания субъекта; то есть наказание сопрягается не столько с тяжестью деяния (хотя это также учитывается), сколько с превентивными целями.

в) связь с различными мерами социальной профилактики [6, с. 335–340].

Как известно, Республика Корея во многом тяготеет к немецкому праву. Именно немецкий УК стал прототипом Уголовного кодекса Японии, который, в

свою очередь, положил начало современному корейскому уголовному праву в период аннексии Кореи Японией.

Как отмечают исследователи, специальная превенция немецкого уголовного права несовершеннолетних предполагает наличие специфических принципов назначения уголовно-правовых мер подросткам. Среди таких принципов автор выделяет: принцип субсидиарности (предпочтение наиболее мягкой меры), принцип соразмерности (мера реагирования должна быть необходимой и эффективной в плане предотвращения рецидива и в то же время не выходить за рамки отношения к совершенному преступлению), принцип единой санкции (при наличии совокупности преступлений назначению подлежит только одна уголовно-правовая мера), принцип сочетания и замены различных видов уголовно-правовых мер [7]. Корейское законодательство в отношении несовершеннолетних, а также практика его исполнения в полной мере соответствуют данным принципам.

Ежегодно уголовному преследованию в Республике Корея подвергается около миллиона человек. Несовершеннолетние в этом массиве составляют немногим более 1 %. Причем тенденция сокращения карательной политики государства в отношении несовершеннолетних наблюдается на протяжении уже более чем пятнадцати лет. Если в 1993 г. уголовное преследование осуществлялось в отношении почти 40 % от общего числа выявленных подростков, совершивших преступления, то в 2015 г. это соотношение сократилось почти в шесть раз, до 11,2 % (6252 чел.).

В Республике Корея действует специальный Семейный суд, в котором выделен отдел по делам несовершеннолетних. В настоящее время Семейный суд существует только в г. Сеуле, но, в соответствии с Законом о несовершеннолетних, на территории других провинций правосудие в отношении несовершеннолетних отправляется отделами по делам несовершеннолетних, созданными при районных судах. При некоторых районных судах создаются филиалы по семейным вопросам.

Именно отделам по делам несовершеннолетних подсудны дела с участием подростков, совершивших преступления незначительной степени тяжести, наказуемых не более чем штрафом, а также дела с участием несовершеннолетних в возрасте от 10 до 14 лет, не подлежащих уголовной ответственности в силу малолетства, но совершивших деяния, подпадающие под признаки преступления. Дела, рассматриваемые отделами по делам несовершеннолетних, относятся к категории дел о защите. Объектом защиты в данном случае является сам несовершеннолетний.

В штат отделов по делам несовершеннолетних включен сотрудник, в чьи обязанности входит проведение расследования обстоятельств совершения подростком противоправного деяния, причин и условий, способствовавших делинквентному поведению. Результатом такого расследования становится доклад, на котором судья будет основывать свое решение о применении к подростку тех или иных «защитных мер». Такая практика позволяет более объективно и всесторонне рассмот-

реть дело и вынести оправданное и справедливое решение. При этом в задачи суда входит не наказание подростка, а защита его от негативного воздействия неблагоприятного окружения, а также способствование возвращению в общество.

Уголовное судопроизводство в РК возможно в двух видах: формальное производство, при котором обвиняемый обязан явиться в суд (в данном случае судопроизводство осуществляется в классическом его виде, с исследованием доказательств, опросом свидетелей, привлечением защитника и т.д.); вторым вариантом является упрощенное производство (ст.ст. 448–458 УПК РК), которое не предусматривает исследования доказательств, опроса свидетелей и т.д. (что более существенно, такая процедура не предусматривает обязательной явки обвиняемого в судебное заседание).

Практика назначения наказания судами при рассмотрении дел в суде первой инстанции в рамках формального судопроизводства характеризуется общим смягчением карательной политики, что находит своё отражение и в пенитенциарной статистике. Если в период 80-х – 90-х годов прошлого столетия наказание в виде лишения свободы назначалось в 14–16 % всех дел формального производства в отношении несовершеннолетних, то к 2015 г. этот показатель сокращается до 5%.

В последние годы правоприменитель стремится по возможности отказаться от назначения уголовного наказания несовершеннолетним, предпочитая карательным мерам меры исправления и безопасности, всё чаще реальный срок лишения свободы заменяется отсрочкой назначения или отбывания наказания, более широко применяются штрафы в качестве альтернативы лишению свободы, снижается число применений бессрочного лишения свободы.

В начале нового столетия в Республике Корея реализуется широкомасштабная программа по реформированию учреждений для несовершеннолетних. Сейчас во время отбывания «защитной меры», связанной с изоляцией от общества, подросткам предлагается большой выбор образовательных программ (иностранные языки, компьютерная графика, единоборства, парикмахерское дело и т.д.).

С 1961 г. в РК действует система общественного контроля над преступностью, широко развита деятельность офицеров-добровольцев службы пробации. Их официальное название – «член комитета добровольцев по предотвращению преступности». Изначально в этой стране существовало три добровольческих организации в данной сфере: Комитет реабилитационной помощи, созданный в 1961 г., Комитет помощи несовершеннолетним, созданный в 1981 г., и Комитет по защите, созданный в 1981 г. В 1996 г. три добровольческие группы были объединены в Комитет добровольцев по предотвращению преступности. Новая организация была передана под контроль заместителя генерального прокурора Верховной прокуратуры.

К деятельности волонтеров комитета относятся: 1) организация мер предупреждения школьного насилия путем установления шефства над несовершеннолетни-

ми делинквентами; 2) предоставление рекомендаций и помощи подросткам, в отношении которых приостановлено предъявление обвинения; 3) помощь офицерам службы пробации в наблюдении, координации исполнения приказов об общественных работах, в расследовании, проводимом отделами по делам несовершеннолетних семейного и районных судов, сборе информации; 4) содействие в поиске работы, профессиональной подготовке и поиске финансовой помощи лицам, находящимся на пробации, условном освобождении и т.п.

С момента окончательного становления системы пробации несовершеннолетних в 1989 г. и с введением данной меры в отношении взрослых лиц в 1997 г. волонтеры принимают участие в реабилитации преступников, оказывая помощь офицерам службы пробации. При сравнительно небольшой численности офицеров службы пробации помощь волонтеров имеет большое значение.

Как правило, в качестве волонтеров выступают граждане в возрасте от 30 лет, в основном 40–59 лет, 85 % из которых – мужчины. При отборе волонтеров в Министерстве юстиции учитывают как физические качества (прежде всего состояние здоровья), так и моральные. После отбора волонтеры проходят обучающие курсы, куда включены компоненты по системе законодательства о пробации, уголовного права, уголовного права несовершеннолетних, а также курсы психотерапии и т.п.

Связующим звеном между общественными формированиями, реализующими основные направления уголовной политики страны, является Корейское общество предотвращения преступности, основанное в декабре 1994 г.

В Корее действует широкая сеть организаций помощи жертвам преступлений. Таких организаций в настоящее время насчитывается около ста. Одной из универсальных организаций помощи потерпевшим является Центр помощи жертвам преступлений, который функционирует при содействии органов прокуратуры и предоставляет профессиональную поддержку жертвам преступлений: консультационную и финансовую.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о наличии в Республике Корея системы ювенальной юстиции. Являясь частью общегосударственного комплекса предупреждения преступности, система ювенальной юстиции представляется достаточно эффективной и соответствующей международным стандартам.

Как видно из проведенного в рамках нашего исследования статистического анализа, несмотря на увеличение количественного показателя подростковой преступности в 2007–2009 гг., государство не отказалось от гуманистического подхода в уголовно-правовом воздействии на подростковую преступность, при этом число уголовных дел в рамках формального судопроизводства сохраняется ниже отметки в пять процентов.

Современная уголовная политика Кореи в отношении несовершеннолетних характеризуется развитием гуманистического подхода к назначению и реализации мер ответственности для подростков. Следует полагать, что наиболее востребованным в настоящее время является принцип экономии репрессии, который заключа-

ется в выборе таких средств воздействия на подростка, которые с наименьшим вредом для последнего могут привести несовершеннолетнего делинквента к исправлению, примирению его с обществом и правомерному поведению в будущем.

Для России, только становящейся на путь реформирования системы правосудия в отношении несовершеннолетних, такой опыт представляется весьма полезным. Причем формирование системы ювенальной юстиции должно носить комплексный характер, с созданием не только подсистемы пробации, но и эффективного механизма её осуществления в отношении подростков (ювенальных судов). Судебные составы по делам несовершеннолетних в рамках системы судов общей юрисдикции представляются наименее затратным и быстрым способом введения ювенальной юстиции в судебную систему. К тому же в нашей стране такой опыт уже имеется [9]. Для его реализации не требуется внесение изменений в федеральное законодательство, достаточно соответствующей воли Верховного Суда РФ.

Внедрение в российскую практику института пробации, формирование общественных организаций в сфере предотвращения общей преступности и преступности несовершеннолетних в частности является шагом необходимым и закономерным. Наиболее простым и действенным вариантом создания службы пробации на нынешнем (начальном) этапе развития системы ювенальной юстиции представляется создание такой службы в виде отдельного подразделения в системе Федеральной службы исполнения наказаний. Именно так действует система пробации в Республике Корея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Suh, Y. Обращение с несовершеннолетними преступниками с точки зрения уголовной политики Кореи // Журнал Кёнсанского национального университета. – [1975]. – Т. 14. – С. 275–297. – Кор.
2. Закон о несовершеннолетних : принят 31 декабря 1988 г., с изм. и доп. законом от 1 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] / Korea Ministry of Government Legislation. – Режим доступа: <http://www.moleg.go.kr>. – Кор.
3. Закон об исправительных учреждениях для несовершеннолетних [Электронный ресурс] : [принят 31 декабря 1988 г., с изм. и доп. законом от 21 декабря 2007 г.] / Korea Ministry of Government Legislation. – Режим доступа: <http://www.moleg.go.kr>. – Кор.
4. Chung, W. The community service order in Korea // UNAFEI Resource : material series. – 2002 – №. 61. P. 212–226.
5. Крылова, Н. Е. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учеб. пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Серебрянникова. – М. : Зерцало, 1997. – 197 с.

6. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – М., 2004. – 560 с.
7. Пергатая, А. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Пергатая. – Омск, 2000. – 24 с.
8. Korea Crime Prevention Foundation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kcpf.co.kr>. – Кор.
9. О создании судебного состава по делам семьи и несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Президиума Ростовского областного суда № 4 от 04.02.2008 г. – Режим доступа: http://oblsud.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=59.

REFERENCES

1. Suh Y. A Study on the Treatment of Juvenile Delinquency from the View point of Criminal Policy in Korea. *Journal of Gyongsang National University*, [1975], vol. 14, p. 275–297. (In Korean).
2. *Juvenile Act [adopted Dec. 31, 1988, as amended Dec. 1, 2015]*. Korea Ministry of Government Legislation. Available at: <http://www.moleg.go.kr> (accessed 15 February 2009). (In Korean).
3. *Juvenile Reformatory Act [adopted Dec. 31, 1988, as amended Dec. 21, 2007]*. Korea Ministry of Government Legislation. Available at: <http://www.moleg.go.kr> (accessed 15 February 2009). (In Korean).
4. Chung W. The community service order in Korea // *UNAFEI Resource. Material series*, 2002, no. 61, pp. 212–226.
5. Krylova N.E., Serebrennikova A.V. *Ugolovnoe pravo sovremennykh zarubezhnykh stran (Anglii, SShA, Frantsii, Germanii)* [Criminal law of modern foreign countries (England, USA, France, Germany)]. Help. Moscow: Zertsalo Publ., 1997. 197 p.
6. Zhalinskii A.E. *Sovremennoe nemetskoe ugolovnoe pravo* [Modern German criminal law]. Moscow, 2004. 560 p.
7. Pergataya A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' nesovershennoletnikh po zakonodatel'stvu Federativnoi Respubliki Germanii* [Criminal liability of minors under the legislation of the Federal Republic of Germany]. Cand. diss. (Legal Sci.). Synopsis. Omsk, 2000. 24 p.
8. *Korea Crime Prevention Foundation*. Available at: <http://www.kcpf.co.kr/> (accessed 19 August 2017). (In Korean).
9. *On the establishment of a court structure for family and juvenile affairs. Decree of the Presidium of the Rostov Regional Court no. 4 of 04.02.2008*. Available at: http://oblsud.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=59. (accessed 19 August 2017). (In Russian).

УДК 342.731:340.130.53(510)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/129-143

Сюй Сяобо¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: prof.pecheritsa@gmail.com

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕЛИГИИ В КНР: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению нормативно-правовой базы деятельности религиозных систем в современном Китае. Цель статьи – рассмотреть содержание основных законодательных актов, включая Конституцию КНР 1982 г., регулирующих государственно-церковные отношения в этой стране. В статье рассмотрены новые формы и методы работы КПК и правительства с верующими, их участие в общественной жизни страны. Политика в отношении религии проводится не только собственно законодательными и правовыми актами, но и решениями и постановлениями органов исполнительной власти, а также директивными указаниями высших партийных инстанций, установками и указами лидеров КПК, председателя Госсовета КНР. Автор отмечает некоторую узость и противоречивость отдельных документов, отражающих непростые отношения основных конфессий Китая с властями. Потребности повседневной административной практики со всей остротой поставили на повестку дня китайского общества вопрос о необходимости принятия особого закона о религии. Его необходимость вызвана отсутствием в КНР цивилизованных юридических норм, определяющих права и взаимные обязанности верующих и властей. В этом законе о религии должны быть чётко зафиксированы положения, определяющие рамки легитимной религиозной деятельности, а также различия между «религиями» и «суевериями». Китай объединяет в себе множество уживающихся вместе религиозных конфессий, и нет ни одного господствующего религиозного течения. Автор приходит к выводу: чем дальше Китай будет идти по пути демократических реформ, открытости и гласности, тем прочнее и надежнее будет формироваться нормативно-правовая база религиозной деятельности.

¹ Сюй Сяобо – аспирант кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Сяобо Сюй. Развитие законодательства о религии в КНР: опыт, проблемы, противоречия // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 129–143.

Ключевые слова. Китайская Народная Республика, Конституция КНР, законодательство КНР о религии, государственно-церковные отношения, религиозная политика Коммунистической партии Китая, свобода вероисповедания, религиозные конфессии.

Xu Xiao Bo¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: prof.pecheritsa@gmail.com

**DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON RELIGION
IN THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA: EXPERIENCE,
PROBLEMS, CONTRADICTIONS**

Abstract. The article is devoted to the study of the legal framework for the activities of religious systems in modern China. The purpose of the article is to consider the content of the main legislative acts, including the Constitution of the PRC of 1982, regulating state-church relations in this country. The author notes a certain narrowness and inconsistency of several documents reflecting the difficult relations of China’s main religions with the authorities. The article considers new forms and methods of work of the Communist party and the government with believers, their participation in the public life of the country. The policy on religion is carried out not only by legislative and legal acts per se, but also by decisions and resolutions of the executive authorities, as well as by directives of higher party bodies, such as the instructions and decrees of the CPC leaders, and by the chairman of the State Council of the People’s Republic of China. The needs of everyday administrative practice have put forward the urgent question of adopting a special law on religion on the agenda of Chinese society. The necessity for this law is motivated by the absence of legal norms defining the rights and mutual duties of believers and authorities in the PRC. This law on religion should clearly state the provisions that determine the scope of legitimate religious activity, as well as the differences between “religions” and “superstitions”. The author has come to the conclusion that religion in the PRC is separated from the state, and the national religion is not legally approved. China unites a multitude of converging religious confessions, and there is no single dominant religious trend. And the further China moves along the path of democratic reforms, open-

¹Xu Xiao Bo (Xu Xiaobo) – Post-graduate student of the Department of Political Science, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Xu Xiao Bo. Development of legislation on religion in the People's Republic of China: experience, problems, contradictions // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 129–143.

ness and transparency, the more stable and reliable legal and regulatory framework for religious activities will be formed.

Key words: the People's Republic of China, the Constitution of the PRC, laws of the PRC on religion, state-church relations, the religious policy of the Chinese Communist Party, religious freedom, religious denominations.

В КНР, как и в большинстве стран мира, церковно-государственные отношения регулируются правовыми нормами и, прежде всего, основным законом государства - Конституцией. Однако в Китае, в отличие от государств с развитой демократией, наблюдается своеобразие политики в отношении религии. Оно проявляется в том, что её проведение определяется не только собственно законодательными и правовыми актами, но и решениями и постановлениями органов исполнительной власти, а также директивными указаниями высших партийных инстанций, как-то установок и указов лидеров КПК, председателя Госсовета КНР и других. Главным документом, где регулируются церковно-государственные отношения в КНР, является Конституция. В Конституции КНР 1982 г. зафиксировано, что «свобода вероисповедания» – постоянная долгосрочная политика китайского руководства [1, с. 4]. Конституция гарантирует эту свободу каждому гражданину Китая.

Основное содержание Конституции, касающееся религиозной политики, сводится к следующему:

- Уважение и охрана свободы вероисповедания. В Китае граждане наделены свободой исповедовать, а также не исповедовать религию. Приверженцам одной и той же религии предоставляется свобода придерживаться того или иного религиозного направления. Граждане имеют свободу переходить от атеистических убеждений к религиозным воззрениям и наоборот. Это значит, что выбор вероисповедания – частное дело гражданина и не допускается принуждение со стороны каких-либо государственных учреждений, общественных организаций и частных лиц. Верующие и неверующие полностью равны, все они пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности, предусмотренные законами;

- Охрана нормальной религиозной деятельности. Нормальной религиозной деятельностью, проводимой в местах отправления религиозных обрядов и традиционно в домах тех или иных верующих, управляют религиозные организации, сами верующие, причем на свои средства. «Положения по управлению местами религиозной деятельности», опубликованные китайским правительством, гласят: право управления местами религиозной деятельности принадлежит тем организациям, в собственности которых находятся эти места; законные права мест религиозной деятельности и нормальная религиозная деятельность охраняются законом; посягательство на законные права мест религиозной деятельности карается привлечением к ответственности на основе закона;

- Равноправие различных религиозных организаций. Китайское правительство относится ко всем религиям одинаково, не признает привилегии какой-либо

религии в стране, ратует за взаимное уважение и мирное сосуществование разных религий. Китай придерживается принципа отделения религии от власти и отделения религии от школы. Государственные власти не вмешиваются в дела религиозных организаций, церкви со своей стороны не вмешиваются в государственные, административные, судебные и просветительские дела;

- Курс на независимость и самоуправление в религиозных делах. В Китае религиозные дела ведутся соответствующими религиозными общинами, священнослужителями и прихожанами. Дела религии и религиозные организации не должны быть подконтрольны зарубежным силам. Китайские религиозные организации с удовлетворением поддерживают дружественные контакты с религиозными организациями других стран, с тем чтобы добиться взаимопонимания и установления дружественных отношений с братьями по вере, такие контакты должны строиться на основе полного равенства и взаимопонимания [1, с. 4–5].

Кроме Конституции КНР права и обязанности верующих закреплены и в других нормативных документах. Среди них Закон КНР о национальной районной автономии; Общие положения Гражданского кодекса; Закон об образовании; Трудовой кодекс; Закон об обязательном 9-летнем обучении; Закон о выборах в собрания народных представителей; Закон об организации комитетов сельских жителей; Закон о рекламе и пр. Они предусматривают, что все граждане, независимо от их вероисповедания, имеют право избирать и имеют право быть избранными. Законное имущество религиозных организаций находится под охраной законов; религия отделена от народного образования, при этом граждане, независимо от вероисповедания, пользуются равным правом на образование. Каждая национальность должна уважать язык, письменность, обычаи и религиозные убеждения других национальностей; в трудоустройстве недопустима дискриминация по религиозному признаку; запрещаются реклама и товарные знаки, содержащие элементы, травмирующие национальные и религиозные чувства людей.

Как известно, возрождение религии в КНР началось на рубеже 70–80-х годов прошлого столетия после тяжёлых и трагических событий «Культурной революции», когда религии в Китае вообще было отказано в праве на существование, когда был объявлен поход против «четырёх старых привычек» (старой культуры, старых обычаев, старых привычек, старого мышления).

Новое партийно-государственное руководство КНР во главе с Дэн Сяопином осудило деяния «Культурной революции» и извлекло уроки из случившегося [2, с. 218–220]. В Уголовном кодексе КНР, принятом в июле 1979 г., закреплялось уголовное наказание тем лицам, кто «незаконно лишает граждан представленной им свободы вероисповедания» или «покушается на обычаи и жизненный уклад национальных меньшинств». В случае серьёзных правонарушений такого рода деяния

наказывались лишением свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовыми работами [3, с. 6].

В новой редакции Уголовного кодекса 1997 г. в главе IV «Преступления против прав личности и демократических прав граждан» в ст. 231 усиливается уголовная ответственность за «посягательства на свободу вероисповедания» [4, с. 5].

Осуществляя практические шаги по нейтрализации тяжелых последствий «Культурной революции» в сфере религии, руководство КНР в 1998 г. легализовало деятельность основных конфессий (ассоциаций), им была оказана материальная помощь для восстановления разрушенных храмов и других культовых зданий и сооружений.

Решением Госсовета КНР от 1980 г. были реабилитированы многие религиозные деятели, ранее обвинённые в антигосударственной деятельности. Все религиозные ассоциации Китая по предложению Мао Цзэдуна с 1980 г. стали работать под руководством Подведомственного отдела Единого фронта ЦК КПК. Смягчение религиозной политики нашло отражение в нескольких закрытых документах, содержание которых «просочилось» в печать.

Важным документом, регулирующим церковно-государственные отношения в КНР, стало постановление ЦК КПК «Основы курса по религиозному вопросу в нашей стране в период социализма» [5]. Это постановление, принятое в марте 1982 г., по оценке китайских аналитиков, стало историческим и вошло в историю под названием «Документ № 19». Он стал руководством к действию местным партийным и государственным органам, призванным осуществлять религиозную политику в провинциях и автономных районах с учетом местных условий [6, с. 4]. Этот документ во многом сохраняет свою актуальность и сегодня.

В своем постановлении ЦК КПК подробно разъясняет принципы подхода к проблемам религии. В нём говорится:

- Религия изживет себя только после длительного развития социализма и коммунизма.

- В Китае много верующих, некоторые религии исповедуются целыми национальными меньшинствами. Религия в определенном смысле имеет массовый характер, во многих местах религиозные проблемы связаны с национальным вопросом. В прошлом в отношении религии прибегали к жестокому давлению, в результате чего был нанесен серьезный ущерб безопасности государства и национальному единству.

- В прошлом религиозных деятелей и всех верующих рассматривали как «объект диктатуры», а обычаи и уклад жизни национальных меньшинств – как религиозные суеверия, проводилась политика принуждения и запретов. Это привело к обратному эффекту: «Религиозная активность в обстановке скрытности и разброда получила некоторое развитие... антикоммунистические элементы смогли, используя такого рода условия, развернуть контрреволюционную деятельность».

• Основная задача нынешнего этапа состоит в том, чтобы сплотить народ для осуществления «четырёх модернизаций». Следует избегать ошибок прошлого, когда в политике делали упор на идеологические различия между верующими и неверующими, допускали нападки на верующие массы, в результате чего «усилилось отчуждение между верующими и неверующими», «усилилось и обострилось религиозное рвение», а «делу социализма был нанесен серьёзный вред» [7, с. 72].

Анализируя данное постановление ЦК КПК, отметим его противоречивый характер. С одной стороны, Коммунистическая партия признала право верующих на религиозную деятельность, с другой стороны, процесс секуляризации общества, связанный с политическими модернизационными стратегиями, ставил своей целью «освободить» социокультурное пространство от религии и религиозных институтов. Церкви было отказано в монополии на обладание истиной, а структурированный взгляд церкви на политическую и социокультурную реальность и стратегии по её изменению признаны архаичными и препятствующими дальнейшей модернизации общества.

В «Документе № 19» подчёркивается также, что работа в сфере религии – важное направление организационной деятельности партии по созданию «Единого фронта» и проведению массовой работы, а «усиление партийного руководства – это основная гарантия решения религиозного вопроса» [5]. «Одновременно с акцентом на то, что людям гарантируется свобода вероисповедания, нужно сделать и акцент на то, что им гарантируется свобода не исповедовать никакой религии. Это две стороны одного вопроса» [8, с. 168].

В документе указывается, что никоим образом не разрешается вмешательство религии в государственное администрирование, сферы юстиции и просвещения, запрещается религиозное обучение детей до 18 лет, оставление ими семей для изучения религиозных канонических текстов в храмах и монастырях. Воспрещается использовать религиозные учения для выступлений против руководства партии, социалистического уклада, разрушения государственного единства и национальной сплочённости.

Постановление определило восемь руководящих религиозных организаций (ассоциаций) КНР, имеющих задачей содействовать осуществлению политики в отношении религии, повышать «патриотическую и социалистическую сознательность», осуществлять «совершенно нормальную» религиозную деятельность. К ним относятся: Китайское буддийское общество; Китайское даосское общество; Китайское общество исповедующих ислам; Патриотическая ассоциация католиков Китая; Китайский католический епископский колледж; Китайский комитет патриотического движения христиан за «Тройную независимость»; Китайское христианское общество.

Отметим, что, несмотря на противоречивость и непоследовательность, мероприятия КПК и Китайского правительства по совершенствованию религиозной политики в первой половине 80-х годов XX в. способствовали возрождению религии-

озных конфессий в стране. Войдя в Единый фронт ЦК КПК под охраной государства, они встраивались в духовно-культурную и общественную деятельность страны, становясь значимым фактором в общественно-политической жизни Китая. Возросло влияние религии на общественное сознание китайцев. К середине 80-х годов прошлого столетия общественная активность религиозных течений в КНР возросла настолько, что это, по оценке аналитиков, вызвало некоторую тревогу партийно-политического руководства. В новых условиях раскрепощенные религии стали брать своеобразный реванш за прежние преследования. «Это обстоятельство, – пишет профессор В. Кузнецов, – не осталось незамеченным партийно-государственным руководством» [8, с. 160–169, 173]. «За последние годы, – указывал секретарь ЦК КПК Си Чжунсюнь, выступая на Всекитайском совещании начальников управлений по делам религий 6 января 1986 г., – число верующих в сравнении с прошлым увеличилось, среди них больше стало молодежи» [9, с. 6]. Рост религиозности свидетельствовал об утрате значительной частью граждан доверия к духовному авторитету КПК. Такого рода явления были чреваты ослаблением политической стабильности, особенно в районах проживания некитайского населения, для которого приверженность вере отцов нередко становилось формой неприятия инонациональной и иноверной власти. Это стало вызовом государству, и оно не могло оставить его без внимания [8, с. 169].

Естественно, что китайское государство отреагировало на эту тенденцию, но не жестким давлением против религии, как в прежние годы, а «мягкой силой», «взвешенной политикой». Особенно это касалось религиозности у национальных меньшинств Тибета, Синьцзян-Уйгурского автономного района и других национальных окраин. Местным органам власти была дана установка на смягчение воинствующего атеизма, на нежелательность упоминаний в публичных выступлениях таких высказываний К. Маркса и В.И. Ленина, как «религия – опиум народа». Одновременно, считая идеологию сферой своей исключительной компетенции, государственные и партийные органы разоблачали политизированный ислам, который, по мнению правительства, угрожал стабильности китайского общества. Борясь с проявлением религиозного экстремизма и укрепляя межнациональные отношения, Отдел пропаганды и агитации ЦК КПК, партийные органы на местах усиливали пропаганду марксистско-ленинского атеизма [10, с. 5]. Статьи на эту тему появляются в журнале «Хунци», газете «Женьминь Жибао», в местных органах печати. Особенно активно в этом направлении работает редакция журнала «Миньцзу Туанььцзе», специализирующегося на межнациональных отношениях.

Вопросам работы с верующими в национальных районах Китая с преобладанием там мусульманского населения были посвящены совещания партийных и государственных работников, ответственных за религиозную политику в сентябре и октябре 1989 г., в феврале и марте 1990 г. и в последующие годы [11, с. 174].

Начало 90-х годов XX в. в КНР отмечено активизацией диалога между светским и религиозным мировоззрением, между религиозными и государственными институтами, а также между самими религиями. Это нашло отражение в нормативно-правовой основе церковно-государственных отношений, а также в оценках партийных и государственных руководителей КНР. Выступая в 1992 г. на встрече с ведущими религиозными деятелями Китая, член Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК Ли Жуйхуань отметил, что в 1992 г. религиозные организации сотрудничали с КПК и государственными структурами на различных уровнях и внесли ощутимый вклад в укрепление общественной стабильности [12]. Общая положительная оценка роли религии неоднократно отмечалась на страницах «Жэньминь жибао», в частности, отмечалась исторически приобретенная крупнейшими мировыми религиями способность адаптироваться к условиям различных общественных формаций, указывалось на усвоение религиозными системами «огромных духовных богатств», созданных человечеством, на роль религии как «организующей части традиционной культуры и форм быта широких масс верующих», как системы, «уравновешивающей» и «гармонизирующей» общественные связи [13, 14].

Установка на «взаимосоответствие религии и социалистического общества» (Цзунцзяо юй шэхуэй чжун шэхуэй сян шиин) была дана руководителем КНР Цзян Цзэмином в выступлении 7 ноября 1993 г. на Всекитайском совещании по работе Единого фронта. Лидер Китая указал на допущенные в прошлые годы юридические нарушения, отразившие проблемы в области правового регулирования международных отношений религиозной деятельности. В своем выступлении Цзян Цзэминь выделил негативные моменты, мешающие нормальному взаимоотношению религиозных конфессий с социалистическим обществом и государством. С одной стороны, подчеркнул он, ошибки допускаются самими верующими (произвольная реставрация и строительство новых храмов, «несанкционированные проведения» масштабных религиозных мероприятий, случаи религиозного вмешательства в дело органов власти, юстиции, просвещения, в сферу бракосочетания и т.п.). С другой стороны, ошибки и перегибы допускают местные власти (факты нарушения свободы вероисповедания граждан, посягательства на законные права и интересы религиозных конфессий, проявления некоторыми руководящими кадрами «тупого равнодушия» к нуждам верующих, «серьезный бюрократизм», попустительство злоупотреблениям в религиозной обрядности [15, с. 134]. В церковно-государственных отношениях, – отметил лидер КНР, – доминирующее положение отведено государственным интересам и ответственности верующих перед обществом. «В религиозных вопросах нет малых дел», – подчеркнул он [15, с. 135]. «Нельзя административной силой ни ликвидировать религию, ни развивать религию». Цзян Цзэминь ещё раз напомнил о приоритете Конституции и других законов в регулировании жизни религиозных конфессий. Защита нормальной религиозной деятельности и пресечение противозаконной,

преступной деятельности, использующей религиозную атрибутику, – это «две стороны одного вопроса, которому нельзя противостоять».

90-е годы XX в. в КНР отмечены более активной законотворческой работой местных представительных органов власти, пытавшихся уточнить и более предметно определить правовое поле религиозной деятельности. Эта законодательная деятельность в предыдущий период практически не велась. Собрания народных представителей в провинциях и автономных округах (и особенно уездах и волостях) на своих заседаниях редко обсуждали религиозные проблемы, считая их прерогативой центральной власти. Как исключение, власти на местах, исходя из потребностей административной практики, иногда издавали временные нормативные документы в виде подзаконных актов и постановлений. Эти документы, подчёркивают китайские аналитики, зачастую не имели действенной юридической силы, а многие из них противоречили общему законодательству КНР. Такие из них, как «Временный регламент по контролю за местами, отведенными для религиозной деятельности», «Временный регламент по контролю за священнослужителями», «Правила по контролю за делами религии» и др., предвосхищали начинания центра в религиозной политике. Но главная проблема была в том, что возникали несоответствия между декларированным в Конституции и других законах правом свободы вероисповедания и положением религии в повседневной жизни китайского общества. «Мало заявить, что правительство уважает и защищает свободу вероисповедания, – главное реализовать эти заявления», – писал журнал Чжунго Яньцзю [16, с. 53].

Госсовет КНР, ВСНП пытаются сформировать единое правовое поле религиозной деятельности, не допускать противоречий между центральным и региональным законодательством в области религии. «Правительство Китая придает огромное значение «уважению прав граждан на свободу вероисповедания и их защиту посредством законодательства» [см. 8, с. 173], – заявил начальник юридического отдела Управления по делам религии при Госсовете КНР Хэ Кэмин.

Проблемы совершенствования религиозного законодательства поднимались и в принятых в 1994 г. двух постановлениях Госсовета КНР: «Положение о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР (Документ № 144), «Положение о ведении местами, отведенными для религиозной деятельности» (Документ № 145) [17]. Во втором постановлении подчёркивается: «Все места, отведённые для религиозной деятельности, должны находиться в независимом ведении ответственных за соответствующие места организаций, законные права и интересы которых, а также нормальная религиозная деятельность, осуществляемая в данных местах, защищается законом и не подлежит посягательству или вмешательству со стороны какой-либо организации или лица» [18, р. 11].

Позиция китайского государства в отношении религиозных конфессий была обозначена и в Белой книге «Религия и свобода совести в Китае» [19], изданной

пресс-канцелярией Госсовета КНР в 1997 г., где акцент делается на отношении китайского государства к христианству и, в первую очередь, к католической и протестантской церкви, с которыми исторически сложились непростые отношения. Правительство КНР было обеспокоено тенденцией увеличения количества протестантов и католиков в стране, что объяснялось возросшим влиянием западной духовной культуры на китайское общество.

В условиях глобализации, расширения связей и контактов КНР с другими странами религиозная политика китайского государства становится ещё более либеральной. В 2001 г. ЦК КПК созвал Первое Верховное собрание, посвящённое изучению религиозных проблем в КНР. На нём были обобщены результаты исследований по проблемам религии за 90-е годы XX в. и сделан вывод, что религиозная проблема в социалистическом обществе имеет три особенности: длительность, массовость и особую сложность.

XVI съезд КПК в 2002 г. призвал глубже и всестороннее исследовать религиозные вопросы и на этой основе грамотно претворять политику свободы вероисповедания в жизнь, управлять религиозными делами по закону [20, с. 6].

В 2004 г. Госсовет принял и издал «Правила по религиозным делам» (Указ № 426) [21]. Новым моментом в этом документе стало отсутствие упоминания пяти признанных религий в разделе о регистрации религиозных ассоциаций. Хотя до сих пор ни одна новая религия не была зарегистрирована в качестве общенациональной, документ № 426 не исключает такой возможности. Характерно, что в 2005 г. в ГУДР был создан четвёртый отдел, перед которым стоит задача регулировать «народные верования» и «новые религии».

XVII и XVIII съезды КПК в 2007 и 2012 гг. в своих решениях подтвердили курс на смягчение религиозной политики [22]. На XVIII съезде в 2012 г. подчеркивалось, что китайские религиозные мероприятия проводятся соответствующим образом в заведённом порядке. Развитие религии вошло в ровный и здоровый золотой период [23].

Все граждане КНР, достигшие 18 лет, независимо от религиозного вероисповедания, имеют право избирать и быть избранными депутатами собраний народных представителей [24, с. 216–217].

Начальник Государственного управления по национальным делам и религии Китая Е Сяовэнь, характеризуя современную религиозную ситуацию в КНР, подчеркнул: «Секрет решения Компартией религиозной проблемы заключается в её принципах и политике. После установления Основного курса религиозной работы Компартии китайские коммунисты нашли ключ к правильному решению социалистической религиозной проблемы, отыскивали выход в отношениях между социализмом и религией» [22, с. 181]. Сегодня в КНР наблюдается более взвешенное и ответственное отношение государства и общества к религиям.

Провозглашённое в Конституции КНР право на свободу вероисповедания нашло конкретное развитие в обнародованных Госсоветом КНР «Положениях о делах религий в КНР» и «Положениях о делах религий в Синьцзян-Уйгурском автономном районе» [см.: 25, с. 32].

В этих документах говорится, что верующие и атеисты полностью вольны в своём выборе, никакая организация или частное лицо не имеет права заставлять граждан принимать ту или иную религию или отказываться от веры, а также не имеет права дискриминационно или несправедливо относиться к людям в зависимости от их религиозной принадлежности. Нарушение права граждан на свободу вероисповедания приводит к юридическим последствиям. Укрепляется управление религиозными делами в соответствии с законом и защищены нормальная религиозная деятельность и места отправления религиозной деятельности. Осуществляется политика организованного планируемого паломничества, укрепляются гарантии оказания услуг для обеспечения упорядочения и безопасности паломнических мероприятий.

Сегодня в КНР наблюдается удовлетворение нормальных религиозных потребностей граждан. Уже переведены и изданы на многих языках мусульманские, буддийские, христианские и другие классические религиозные книги, лишь общий тираж «Коран» и «Сахих аль-Бухари» уже составил более 1,76 млн экземпляров. Создан журнал «Синьцзянские мусульмане», выходящий на уйгурском и китайском языках. Открыт сайт «Мусульмане в Синьцзяне» на уйгурском и китайском языках. Религиозные общины открывают курсы по распространению религиозных знаний и религиозных ритуалов, чтобы удовлетворять потребности граждан, исповедующих религии, в обучении и понимании вероучений¹ [см.: 25, с. 32–33].

Вместе с тем, рассматривая современную нормативно-правовую базу деятельности религиозных конфессий в КНР, нельзя не заметить её некоторых недостатков и противоречий.

1. Остаются некоторые несоответствия между центральным и местным религиозным законодательством, между декларированным в Конституции правом свободы вероисповедания и положением религии на практике. И это является важнейшей заботой руководителей КНР. «Нам нужно выявлять позитивную роль религиозных деятелей и верующих в стимулировании социально-экономического развития, максимально сплачивать все силы, которые только можно сплотить» [см.: 26].

2. Ряд положений в законодательных актах, касающихся религиозной деятельности, требуют уточнения и конкретизации.

3. Проблема правового положения религии в КНР представляет собой также одну из форм проблемы взаимоотношений государства и личности. Причины неко-

¹ Право на свободу вероисповедания // Развитие и прогресс в деле прав человека в Синьцзяне. – Пекин, 2017. – С. 32–33. – Кит.

торой нестабильности этих взаимоотношений кроются в различии интересов государства и верующих. Последнее понятие в условиях Китая приобретает еще и специфический правовой смысл. Признание статуса «религии» только за верующими восьми основных конфессий, имеющих официально утвержденные руководящие организации, оставляет лишь за их адептами право на свободу отправления религиозных предписаний. Представители других религиозных общин (евреи, манихеи, представители народных верований и т.д.) к числу «верующих» причислены быть не могут. Их необходимо узаконить.

Большинство документов по религиозной политике китайского государства недоступны для массового читателя. По-прежнему они издаются малыми тиражами для служебного пользования.

Перечисленные выше обстоятельства, а также потребности повседневной административной практики со всей остротой поставили на повестку дня китайского общества вопрос о необходимости принятия Особого закона о религии. Его необходимость мотивируется отсутствием в КНР юридических норм, определяющих права и взаимные обязанности верующих и властей.

В этом законе должны быть четко зафиксированы положения, определяющие рамки легитимной религиозной деятельности, а также различия между «религиями» и «суевериями». Важно, чтобы законодательная инициатива в данном случае исходила снизу, а не сверху – от высших партийных органов.

И последнее. Да, религия в КНР отделена от государства, Китай светская страна. В стране нет ни одного господствующего религиозного течения. Китай объединяет в себе множество уживающихся вместе религиозных конфессий, здесь нет ярко выраженной клерикальной окраски, и национальная религия законодательно не утверждена. Но каждый житель этой страны имеет гарантированную Конституцией свободу вероисповедания. И чем дальше Китай будет идти по пути демократических реформ, открытости и гласности, тем прочнее и надежнее должна быть нормативно-правовая база религиозной деятельности, обеспечивающая равные возможности всем гражданам страны, участвующим в построении великой нации. «Нам нужно выявлять позитивную роль религиозных деятелей и верующих в стимулировании социально-экономического развития, максимально сплачивать все силы, которые только можно сплотить» [26], говорил Си Цзиньпин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Китайской Народной Республики. 1982. – Пекин, 1982. – Кит.
2. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / Сяопин, Дэн. – М. : Политиздат, 1988. – 256 с.
3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – Пекин, 1979. – Кит.

4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – 303 с.
5. Основы курса по религиозному вопросу в нашей стране в период социализма : постановление ЦК КПК от 31 марта 1982 г. № 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mzb.com.cn/>.
6. Великие достижения в духовной жизни за 50 лет славной истории со времени образования КНР // Фа инь. – 1999. – № 1. – С. 4. – Кит.
7. Сборник рабочих материалов по религии в новый период. – Пекин : Изд-во религ. лит-ры, 1995. – Кит.
8. Кузнецов, В. С. Политика в отношении религии в КНР // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 1. – С. 165–176.
9. Миньцзу Туаньцзе. – 1986. – № 3. – С. 6. – Кит.
10. Чжунго Сицзян. – 1989. – № 7. – С. 5. – Кит.
11. Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях / под общ. ред. К. Л. Сыроежкина. – Алматы, 1997. – 239 с.
12. Жэньминь Жибао. – 1993. – 20 янв. – Кит.
13. Жэньминь Жибао. – 1996. – 18 февр. – Кит.
14. Жэньминь Жибао. – 1999. – 2 дек. – Кит.
15. Цзян Цзэминь. Реформа, развитие, стабильность: статьи, выступления / Цзэминь, Цзян. – М. : Палея, 1996. – 444 с.
16. Чжунго Яньцзю. – 1999. – № 11. – С. 53. – Кит.
17. Правила регулирования мест религиозной деятельности : указ Государственного совета Китайской Народной Республики № 145 от 31 янв. 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/261777.htm#2>. – Кит.
18. Religions affairs in China // Beijing review. – 1997. – September, 1–7. – P. 11.
19. Религия и свобода совести в Китае (Белая книга) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/32958.htm>.
20. XVI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. – Пекин, 2002. – Кит.
21. Правила по религиозным делам : указ № 426 Госсовета от 7 июля 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mlm/200803/t20080328_31641.html.
22. Лицом к религии // Как функционирует КПК в Китае. – Пекин, 2012. – С. 179–181. – Кит.
23. Резолюция XVIII съезда Коммунистической партии Китая. – Пекин, 2012. – Кит.
24. XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир. – Пекин, 2013. – Кит.
25. Право на свободу вероисповедания // Развитие и прогресс в деле прав человека в Синьцзяне. – Пекин, 2017. – С. 32–33. – Кит.

26. Си Цзиньпин. Из «Речи на 1-й сессии ВСНП 12 созыва (17 марта 2013 г.)» // Женьминь Жибао. – 2013. – 18 марта. – Кит.

REFERENCES

1. *Constitution of the PRC 1982*. Beijing, 1982. (In Chinese).
2. Deng Xiaoping. *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya* [The main issues of modern China]. Moscow: Politizdat Publ., 1988. 256 p.
3. *The Penal Code of the People's Republic of China*. Beijing, 1979. (In Chinese).
4. *The Penal Code of the People's Republic of China*. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2001. 303 p.
5. *The basis of the course on the religious question in our country during the period of socialism: the resolution of the Central Committee of the CPC of March 31, 1982 No. 19*. Available at: <http://www.mzb.com.cn/> (accessed 3 November 2017). (In Chinese).
6. Great achievements in the spiritual life for 50 years of glorious history since the founding of the People's Republic of China. *Fa yin*, 1999, no. 1, p. 4. (In Chinese).
7. *Collection of working materials on religion in a new period*. Beijing: Religious Literature Publishing House, 1995. (In Chinese).
8. Kuznetsov V.S. Politika v otnoshenii religii v KNR [Policy on religion in the PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2001, no. 1, pp. 165–176.
9. *Minzu Tuanjie*, 1986, no. 3, p. 6. (In Chinese).
10. *Zhongguo Xijiang*, 1989, no 7, p. 5. (In Chinese).
11. Syroezhkin K.L., ed. *Sovremennyi Sin'tszyan i ego mesto v kazakhstansko-kitaiskikh otnosheniyakh* [Modern Xinjiang and its place in Kazakh-Chinese relations]. Almaty, 1997. 239 p.
12. *People's Daily*, 1993, Jan. 20. (In Chinese).
13. *People's Daily*, 1996, Feb. 20. (In Chinese).
14. *People's Daily*, 1999, Dec. 2. (In Chinese).
15. Jiang Zemin. *Reforma, razvitie, stabil'nost': stat'i, vystupleniya* [Reform, development, stability: articles, speeches]. Moscow: Paleya Publ., 1996. 444 p.
16. *Zhongguo Yanjiu*, 1999, no. 11, p. 53. (In Chinese).
17. *Rules for the regulation of places of religious activity: Decree of the State Council of the People's Republic of China no. 145 of Jan. 31, 1994*. Available at: <http://baike.baidu.com/view/261777.htm#2> (accessed 30 October 2017). (In Chinese).
18. Religions affairs in China. *Beijing review*, 1997, September, 1–7, p. 11. (In Chinese).
19. *Religion and freedom of conscience in China (White Paper)*. Available at: <http://russian.china.org.cn/russian/32958.htm> (accessed 30 October 2017). (In Chinese).
20. *XVI All-China Congress of the Communist Party of China*. Beijing, 2002. (In Chinese).

21. *Rules on Religious Affairs: Decree No. 426 of the State Council of July 7, 2004*. Available at: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31641.html (accessed 30 October 2017). (In Chinese).

22. Face to religion. *How does the CCP work in China*, Beijing, 2012, pp. 179–181. (In Chinese).

23. *Resolution of the XVIII Congress of the Communist Party of China*. Beijing, 2012. (In Chinese).

24. *XVIII All-China Congress of the CCP. Chinese dream and peace*. Beijing, 2013. (In Chinese).

25. The right to freedom of religion. *Development and progress in human rights in Xinjiang*, Beijing, 2017, pp. 32–33. (In Chinese).

26. Xi Jinping. From «Speech at the 1st Session of the National People's Congress of the 12th Convocation (March 17, 2013)». *People's Daily*, 2013, March 18. (In Chinese).

ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

EXPERIENCE OF CRIMINAL LEGAL LIABILITY

УДК 343.57+343.976](5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/144-159

А.И. Коробеев¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: akorobeev@rambler.ru

А.И. Ролик²

Законодательное собрание Приморского края, г. Владивосток, Россия

E-mail: chairman@zspk.gov.ru

Л.И. Романова³

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: romanova.li@dvfu.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ БОРЬБА С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: КОМПАРАТИВИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Предметом настоящего исследования является уголовное законодательство различных стран мира (но прежде всего – государств АТР) об ответственности за наркопреступления. Вместе с общими принципами, закрепленными

¹ Александр Иванович Коробеев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ДВФУ, заслуженный деятель науки РФ, г. Владивосток, Россия.

² Александр Иванович Ролик, кандидат юридических наук, доцент, Председатель Законодательного собрания Приморского края, заслуженный юрист РФ, г. Владивосток, Россия.

³ Лариса Ивановна Романова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ДВФУ, заслуженный работник высшей школы РФ, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Коробеев А.И., Ролик А.И., Романова Л.И. Уголовно-правовая борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в странах АТР: компаративистское исследование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 144–159.

международно-правовыми документами, в наркополитике различных государств сохранились определенные особенности каждого из них в зависимости от традиций и сложившихся обычаев, культурных ценностей, уровня наркотизации населения, эффективности системы уголовно-правового воздействия и наличия комплекса социальной, психологической и иной помощи в процессе адаптации бывших потребителей и исправившихся наркопреступников. В мире сложилось несколько ярко выраженных подходов к построению уголовного законодательства, направленного на борьбу с наркопреступностью: от самого жесткого и сурового, предусматривающего смертную казнь и пожизненную изоляцию от общества за незаконные операции с наркотиками, до мягкого и лояльного, включающего небольшие штрафы и минимальные сроки лишения свободы или исправительных работ. Есть и группа государств, занимающих промежуточную позицию. Первая группа представлена государствами с наиболее мягким, иными словами, либеральным законодательством. К данной группе относятся такие государства, как Королевство Нидерланды (Голландия), Испания, Швейцария. Ко второй группе относятся страны с наиболее строгим законодательством, содержащим повышенную ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков вплоть до смертной казни, пожизненного лишения свободы, применения каторжных работ и телесных наказаний. К ним относятся: Китай, Республика Корея, Таиланд, Иран, Пакистан, Малайзия, Нигерия, Сингапур, Саудовская Аравия. В третью группу государств входит большинство других стран мира: Франция, Бельгия, Швеция, Люксембург, США, Великобритания, Россия и др. Проведенный анализ уголовного законодательства об ответственности за наркопреступления показывает, что в разных странах АТР это законодательство не только обладает общими чертами, но и имеет свою специфику. Отдельные приемы и способы борьбы с наркопреступностью, входящие в арсенал уголовно-правовых мер воздействия на эту разновидность антиобщественного поведения и предусмотренные законодательством стран АТР, могут быть восприняты и использованы законодателем России.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот наркотиков, Азиатско-Тихоокеанский регион, сравнительное уголовное право, Китай, Республика Корея, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Япония.

Alexander I. Korobeev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: akorobeev@rambler.ru

Alexander I. Rolik²

Legislative Assembly of Primorskiy Kray, Vladivostok, Russia

E-mail: chairman@zspk.gov.ru

Larisa I. Romanova³

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: romanova.li@dvfu.ru

**LEGAL COUNTERACTION TO ILLEGAL DRUG TRAFFICKING
IN ASIAN PACIFIC COUNTRIES: COMPARATIVE RESEARCH**

Abstract: The subject of this study is the criminal legislation of various countries (first of all – the Asian Pacific) on the responsibility for drug related offenses. Together with the general principles enshrined in international legal documents, drug policy of various states, certain features of each of them have remained, depending on traditions and established customs, cultural values, the level of drug abuse of the population, the effectiveness of the system of criminal justice and the presence of a complex of social, psychological and other assistance in the process of adaptation of former consumers and reformed drug traffickers. There are several approaches to the construction of criminal legislation aimed at combating drug trafficking in the world: from the most severe, providing for the death penalty and imprisonment for life, to loyal ones, inducing small fines and minimum terms of imprisonment or correctional labor. There is also a group of states occupying an intermediate position. The first group is represented by the states with the most mild, in other words, liberal legislation. This group includes such states as the Kingdom of the Netherlands (Holland), Spain, Switzerland. The second group includes countries with the most stringent legislation containing increased responsibility for crimes in the sphere of illicit drug trafficking up to the death penalty, life imprisonment, hard labor and corporal punishment. These include: China, Iran, Pakistan, Malaysia, Nigeria,

¹ Alexander Ivanovich Korobeev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the FEFU, Honored Scientist of Russia, Vladivostok, Russia.

² Alexander Ivanovich Rolik, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chairman of the Primorsky Kray Legislative Assembly, Honored Lawyer of the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

³ Larisa Ivanovna Romanova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FEFU, Honored Worker of the Higher School of Russia, Vladivostok, Russia.

For citing: Korobeev A. I., Rolik A.I., Romanova L.I. Legal counteraction to illegal drug trafficking in Asian Pacific countries: comparative research // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 144–159.

Singapore, Saudi Arabia. The third group of states includes the majority of other countries in the world: France, Belgium, Sweden, Luxembourg, the United States, Great Britain, Russia, etc. The analysis of criminal legislation on the responsibility for drug offenses shows that different countries of the APR have common features, but also there are their own specifics. Certain methods of combating drug-related crime, which are part of the arsenal of criminal legal measures of influence on this type of antisocial behavior and stipulated by the legislation of the APR countries, could be perceived and used by Russian legislator.

Key words: drugs, drug trafficking, Asian-Pacific, Comparative criminal law, China, Republic of Korea, Malaysia, Singapore, Thailand, Japan.

Жить в обществе и быть свободным от общества – нельзя, утверждал классик. Если принять это утверждение за истинное, то столь же очевидной будет мысль о том, что существование законодательной системы данного государства невозможно вне связи и зависимости её от аналогичных систем сообщества других стран мира.

То, что это действительно так, подтверждается результатами реформы уголовного законодательства, прокатившейся в последние годы по многим государствам Европы и Азии (Германия, Франция, Испания, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Россия, Казахстан, Китай, Вьетнам и др.). Анализ законодательных систем этих стран показывает, что многие из них в ходе реформ дополнились отдельными нормами, институтами, положениями и принципами, заимствованными у других государств.

В России, например, при разработке нового УК достаточно широко использовался опыт законодателей Германии, Франции и США в той части, во всяком случае, где речь идёт о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, об экстрадиции, о так называемой «ограниченной вменяемости», о некоторых видах наказания и освобождения от него и т.д. В свою очередь, законодатель Казахстана в УК 2014 г. воспроизвёл многие положения из Уголовного кодекса России.

Взаимопроникновение и взаимообогащение законодательных моделей различных стран мира на рубеже XX и XXI вв. стало возможным во многом благодаря сравнительному правоведению, широкому внедрению в законотворческую деятельность компаративистских методов исследования. Сравнительное правоведение в литературе обычно определяют как науку, изучающую правовые системы различных государств, включающие отрасли права (или подсистемы), институты, отдельные нормы права, практику их применения, а также изучающую различные правовые теории с целью получения наиболее полного представления о специфических чертах и особенностях той или иной правовой системы и, вместе с тем, о тех

общих чертах и закономерностях развития, которые роднят эту систему с другими и позволяют объединить правовые системы различных государств в определённые типы, внутри которых возможно взаимодействие, определенная унификация и универсализация права [1, с. 22].

В современных условиях растет неподдельный интерес к национальным законодательствам и правовым системам, что обусловлено интенсивно происходящими в мире интеграционными процессами. Потребность в сравнительном изучении уголовно-правовых систем различных стран объясняется не только стремлением учёных расширить свой кругозор, привнести новые знания в уголовно-правовую науку, но и возможностью отыскать и использовать удачные правовые приёмы при совершенствовании национального законодательства. Кроме того, сегодня уже ни для кого не секрет, что преступность в её отдельных проявлениях обретает транснациональный характер, и для эффективного международного сотрудничества в борьбе с ней крайне необходимы знание и учёт особенностей уголовного законодательства зарубежных стран.

Компаративистские исследования в области уголовного права в нашем государстве до самого последнего времени ограничивались в основном изучением законодательных систем и уголовно-правовых теорий стран Европы и США [2; 3; 4; 5]. Между тем Россия, как известно, – евразийское государство, оно простирается не только на Запад, но и на Восток. Тем интереснее было бы посмотреть, как эволюционирует уголовное законодательство в государствах той части мира, которая именуется Азиатско-Тихоокеанским регионом, в чем особенности этого законодательства, каково реальное или потенциальное влияние его на развитие уголовного права России. Это тем более важно сделать, что странам именно данного региона, по некоторым прогнозам, суждено стать доминирующими в мировой экономике и политике в XXI в.

Предметом настоящего исследования является уголовное законодательство различных стран мира (но прежде всего – государств АТР) об ответственности за наркопреступления.

В современных условиях незаконный оборот наркотиков приобрёл такой размах, что в него вовлечена большая часть государств, составляющих мировое сообщество. А сеть нелегальной транспортировки незаконно выращенных и изготовленных наркотиков опутала своей паутиной практически всю планету. В настоящее время достаточно сложно чётко разграничить страны только на производителей или потребителей наркотиков, поэтому современные наркорееали диктуют необходимость объединения усилий на международном уровне, поиск новых нетрадиционных подходов в борьбе, противодействии и профилактике распространения наркомании и криминального наркотизма.

Мировое сообщество, придя к пониманию многогранности общественной опасности, масштабности многоплановых отрицательных последствий негативных

социальных явлений, связанных с распространением наркотиков, в середине XX в. стало предпринимать ряд мер для противодействия и борьбы с ними. Так, был принят ряд широко известных международных документов: Единая конвенция о наркотических средствах (1961 г.), Конвенция о психотропных веществах (1971 г.), Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.). Государства, подписавшие и ратифицировавшие данные конвенции, стремились выстроить свою внешнюю и внутреннюю политику в русле достигнутых международных договоренностей в области противодействия незаконным операциям с наркотиками. Основные положения конвенций воспроизводились национальными уголовными кодексами или специальными законами, направленными на сдерживание наркопреступности и борьбу с ней.

Вместе с общими принципами, закреплёнными международно-правовыми документами, в наркополитике различных государств сохранялись определённые особенности каждого из них в зависимости от традиций и сложившихся обычаев, культурных ценностей, уровня наркотизации населения, эффективности системы уголовно-правового воздействия и наличия комплекса социальной, психологической и иной помощи в процессе адаптации бывших потребителей и исправившихся наркопреступников. В мире сложилось несколько ярко выраженных подходов к построению уголовного законодательства, направленного на борьбу с наркопреступностью: от самого жёсткого и сурового, предусматривающего смертную казнь и пожизненную изоляцию от общества за незаконные операции с наркотиками, до мягкого и лояльного, включающего небольшие штрафы и минимальные сроки лишения свободы или исправительных работ. Есть и группа государств, занимающих промежуточную позицию, которые идут по пути установления средних сроков уголовного наказания и иных мер. Ряд государств полагает, что кардинально решить проблему потребления и незаконного распространения наркотиков можно только путём комплексного подхода, включающего и социально-экономическое стимулирование замены выращивания наркотикосодержащих растений на другие сельскохозяйственные культуры, и оказание им гуманитарной и финансовой помощи со стороны мирового сообщества.

Проводя сравнительно-сопоставительный анализ уголовного законодательства государств мира, предусматривающего различные виды наказаний за незаконный оборот наркотиков, все эти государства можно условно подразделить на три группы.

Первая группа представлена государствами с наиболее мягким, иными словами, либеральным законодательством. К данной группе относятся такие государства, как Королевство Нидерланды (Голландия), Испания, Швейцария. Антинаркотическое законодательство в этих странах строится на дифференцированном отношении к распространению различных видов наркотиков. Так, в Нидерландах разрешено употреблять так называемые лёгкие наркотики (марихуану, гашиш) в спе-

циально отведённых местах («кафе-шопах»). Уголовная ответственность наступает только за незаконное хранение и сбыт «тяжёлых» наркотиков (героин, кокаин и т.п.). Вместе с тем, по мнению некоторых специалистов, легализация «лёгких» наркотиков способствует дальнейшей наркотизации населения и переходу к потреблению «тяжёлых» синтетических наркотических средств. Например, Испания, которая в 1985 г. ввела на своей территории «голландскую модель» частичной легализации наркотиков, в скором времени расплатилась за данный эксперимент тем, что она превратилась в перевалочную базу сильнодействующих наркотиков, в первую очередь кокаина, и это привело к резкому увеличению количества зарегистрированных наркоманов с 200 тыс. до 1,6 млн человек.

Ко второй группе относятся страны с наиболее строгим законодательством, содержащим повышенную ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков вплоть до смертной казни, пожизненного лишения свободы, применения каторжных работ и телесных наказаний. К ним относятся: Китай, Иран, Пакистан, Малайзия, Нигерия, Сингапур, Саудовская Аравия. Так, в Иране ежегодно в соответствии с антинаркотическим Законом 1989 г. проводится несколько сотен публичных казней. В Саудовской Аравии только за четыре месяца 2002 г. были казнены около 200 человек. При этом процедура рассмотрения данной категории дел не была законодательно закреплена, обвиняемые в суде не имели права пользоваться услугами адвоката. Казни осужденных за сбыт наркотиков осуществлялись публично, путем отсечения головы мечом [6, с. 226].

В третью группу государств входит большинство стран мира. Законодательство их взвешено и дифференцировано с учётом общественной опасности и тяжести содеянного, выразившегося в культивировании, производстве, торговле и других незаконных операциях с наркотиками, с учётом особенностей признаков личности наркопреступника и иных характеристик. К ним относятся Франция, Бельгия, Швеция, Люксембург, США, Великобритания, Россия и др. В США, например, в большинстве штатов существует наказание не только за хранение и потребление, но даже за попытку приобретения наркотиков. В Англии и Франции наркоманов в судебном порядке отправляют на принудительное лечение. Надо отметить, что в последнее время в законодательстве этих стран отмечается движение в сторону большего ужесточения мер. Одновременно в этой группе стран, прежде всего в США, борьба с распространением наркотиков с помощью уголовно-правовых мер сочетается с мощной информационно-пропагандистской работой, направленной прежде всего на наиболее уязвимые категории населения – безработных, учащихся школ и студентов. Это связано, в частности, с осознанием того, что наркомания способствует гигантским потерям для общества – прежде всего в сфере экономики.

Противодействие распространению наркотиков – очень трудная, многоплановая проблема, решение которой возможно только при тесном взаимодействии и ко-

ординации сил и средств мирового сообщества, задействованных в этом деле. Борьба с наркоманией и криминальным наркотизмом есть проблема международная, межгосударственная, межнациональная. Внутри каждого государства она должна строиться на основе научно разработанной, материально и концептуально обоснованной программы, включающей меры политического, социального, экономического, медицинского, психологического и правового характера. Для эффективной борьбы с наркопреступностью очень важно последовательное использование международно-правовых мер, налаживание действенной системы межгосударственного взаимодействия для выстраивания надёжного заслона на пути наркобизнеса, максимальное заимствование положительного мирового опыта.

И хотя в целом российское уголовное законодательство предусматривает наказание за все наркопреступления, совершённые на его территории, всё-таки следует изучать и в некоторой мере использовать положительный опыт сопредельных государств. Если на развитие наркоситуации и осуществление уголовно-правовой политики в области борьбы с наркопреступностью в Северо-Западном, Центральном, Южном федеральных округах могут оказывать влияние законодательство и государственная политика стран Европы, то многие негативные социальные явления, обострившиеся в последнее время на Дальнем Востоке России, в определенной мере связаны с процессами, происходящими в близлежащих государствах, в первую очередь в странах АТР. К их числу можно отнести незаконную миграцию отдельных категорий населения, контрабанду большого перечня товаров, продуктов, биоресурсов, торговлю наркотиками, оружием, живым товаром и т.д.

В этой связи особый интерес представляет сравнительный анализ законодательства в области борьбы с преступлениями, связанными с незаконными операциями с наркотиками, ряда государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Данный анализ, во-первых, позволит лучше понять возможности и особенности уголовного законодательства об ответственности за наркопреступления; во-вторых, выявить пробелы и недостатки национального законодательства в борьбе с данной категорией преступлений, в-третьих, сформулировать предложения законодателю по усовершенствованию некоторых действующих антинаркотических норм. В то же время понимание политики и практики применения уголовных наказаний за совершение преступлений, связанных с незаконными операциями с наркотиками, в странах АТР и российском Дальнем Востоке позволит создать необходимые предпосылки для более эффективного сотрудничества государств данного региона при проведении совместных операций по противодействию наркобизнесу и наркопреступности.

Сравнительный анализ действующего уголовного антинаркотического законодательства в странах АТР позволяет сделать вывод о существенных различиях как в самих законах, так и в количестве норм, устанавливающих ответственность за преступления, связанные с наркотиками. Они могут быть предусмотрены специально-

ми законами или содержаться непосредственно в уголовных кодексах данных стран. В своем исследовании мы остановимся на сравнительном анализе уголовно-го законодательства лишь некоторых стран, входящих в группу государств АТР.

На наш взгляд, наибольший интерес представляет антинаркотическое законодательство Китайской Народной Республики, предусмотренное Уголовным кодексом (УК КНР). Во-первых, потому что КНР является нашим соседом, имеющим самую большую по протяженности границу с Россией. Во-вторых, на Дальний Восток наибольшие партии наркотиков доставляются, прежде всего, из близлежащих государств: Китая, Вьетнама, Северной Кореи. В-третьих, по оценкам специалистов, в Китае наблюдается некоторая активизация деятельности по возделыванию, увеличению производства наркотических средств, психотропных веществ и других сильнодействующих лекарственных препаратов, специально предназначенных для населения Дальнего Востока и других регионов России.

При этом прослеживается и то, что наркодельцы из КНР в течение последних лет усиленно ведут обработку китайских предпринимателей, занимающихся предпринимательской деятельностью на Дальнем Востоке России, часто вербуя из их числа перевозчиков и торговцев эфедрином и другими наркотиками, вырабатываемыми в Китае. Для достижения намеченных целей китайская наркомафия требует от своих сограждан неукоснительного подчинения, активно использует в этих целях шантаж, угрозы, физическое давление и даже расправу. Если в начале нынешнего столетия отмечались лишь единичные случаи, когда предприимчивые дельцы завозили в регион российского Дальнего Востока под видом медицинских препаратов сильнодействующие и психотропные вещества (например, эффективное средство от похудения), то в настоящее время данные действия приобрели размах устойчивого бизнеса [7, с. 300–301].

Уголовное законодательство КНР, предусматривающее ответственность и наказание за наркопреступления, достаточно объёмно. УК КНР, принятый в 1997 г., содержит параграф 7 под названием «Преступления, связанные с контрабандой, сбытом, перевозкой и изготовлением наркотиков», куда вошли 11 статей (347–357). За наркопреступления УК КНР предусматривает следующие виды наказания: штраф; арест либо надзор; лишение свободы на определённый срок (минимально – до 3-х лет, максимально – до 15 лет); пожизненное лишение свободы; смертная казнь. В качестве дополнительного наказания применяется конфискация имущества.

Согласно ст. 357 под наркотиками в УК Китая подразумеваются: опиум, героин, метиламфетамин («ледяной наркотик»), морфий, гашиш, кокаин, а также иные находящиеся под контролем государства наркотические средства и психотропные вещества, могущие вызвать у людей привыкание. Количество наркотиков определяется исходя из фактически установленного объёма, а не из чистых веществ после возможности их переработки [8, с. 283–284].

Открывает перечень наркопреступлений ст. 347 УК, в которой установлена ответственность за контрабанду, сбыт, перевозку и изготовление наркотиков. Наказуемость этих преступлений поставлена в жёсткую зависимость от объёма находящихся в незаконном обороте наркотических средств. Деяние признается уголовно наказуемым (основной состав), если имеют место контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление опиума в количестве менее 200 г, героина или метиламфетамина в количестве менее 10 г или иных наркотиков в небольшом объёме. Квалифицированным оно становится при совершении тех же действий в отношении опиума в количестве 200 г и более, но менее 1000 г., героина или метиламфетамина в количестве 10 г и более, но менее 50 г, или иных наркотиков в сравнительно крупном объёме. Наконец, особо квалифицированным преступление считается при наличии опиума в количестве свыше 1000 г, героина или метиламфетамина в количестве свыше 50 г или иных наркотиков в крупном объёме. Особо квалифицирующими обстоятельствами признаются также:

- а) руководство группой, занимающейся контрабандой, сбытом, перевозкой или изготовлением наркотиков;
- б) вооруженное прикрытие контрабанды, сбыта, перевозки или изготовления наркотиков;
- в) сопротивление с применением насилия проведению досмотра, задержанию и аресту;
- г) участие в организованном международном наркобизнесе (ч. 2 ст. 347 УК).

О бескомпромиссном характере борьбы с наркопреступностью в современном Китае свидетельствуют подчеркнута суровые санкции соответствующих норм. Например, в той же ч. 2 ст. 347 УК в качестве наказаний фигурируют лишение свободы сроком на пятнадцать лет, бессрочное лишение свободы и смертная казнь. Наряду с этим законодатель счёл возможным за совершение указанных преступлений установить уголовную ответственность и для юридических лиц.

Наказуемыми по уголовному законодательству Китая признаются также: хранение наркотических средств (ст. 348 УК), оказание в той или иной форме содействия лицам, занимающимся контрабандой, сбытом, перевозкой или изготовлением наркотиков (ст. 349 УК), незаконное культивирование мака опиумного, конопли или других растений (ст. 351 УК), вовлечение, подстрекательство, привлечение обманным путём других лиц к употреблению наркотиков (ст. 353 УК), предоставление помещения другим лицам для употребления наркотиков (ст. 354 УК) и др.

В соответствии с действующим УК Китая ответственность установлена и за ряд других незаконных операций с различными веществами. К ним относятся:

- незаконные операции с веществами, используемыми в качестве сырья для производства наркотиков (ст. 350 УК);
- купля-продажа, перевозка, ношение при себе, хранение не прошедших обработку для утраты жизнеспособности семян или других растений или рассады

растений, содержащих наркотические средства в значительном размере (ст. 352 УК).

Специальной нормой (ст. 355) установлена ответственность лиц, которые в соответствии с законом осуществляют производство, перевозку, контроль или применение наркотических или психотропных веществ, находящихся по контролю государства, и в нарушение государственных установлений предоставляют третьим лицам, употребляющим наркотики перорально или путем инъекций, находящиеся под контролем государства наркотические или психотропные вещества.

Уголовное законодательство Китая содержит институт добровольного отказа. Так, в ст. 351 УК КНР указано, что в случае добровольной ликвидации посадок мака опиумного или других растений, содержащих наркотические вещества, до сбора урожая, наказание может не применяться.

Вместе с тем в ст. 356 УК КНР зафиксирован прямо противоположный подход к правонарушителям: «Лица, ранее осужденные за контрабанду, сбыт, перевозку, изготовление, незаконное хранение наркотиков, повторно совершившие преступления, перечисленные в настоящем параграфе, – наказываются более строго в пределах санкции соответствующей статьи настоящего параграфа».

Из изложенного видно, что государственная политика Китая последних лет направлена не только на расширение сферы уголовной репрессии в отношении наркопреступлений, но и на то, чтобы не допустить увеличения масштабов этих преступлений. В русле тех же тенденций можно рассматривать и криминализацию в 2015 г. незаконного производства и торговли химическими веществами, используемыми для создания наркотиков [9].

Законодательством Республики Корея предусматриваются наиболее строгие санкции за производство наркотических и психотропных веществ. В отношении виновных в совершении таких преступлений применяются альтернативные виды наказаний. Менее строгое наказание установлено за хранение и потребление наркотических и психотропных веществ [10, с. 261–262].

Уголовный кодекс Республики Корея содержит Главу XVII «Преступления, связанные с опиумом». В ней предусмотрены наказания в виде штрафа; тюремного заключения на определенный срок (минимально – более 1 года, максимально – 10 лет); пожизненного тюремного заключения и смертной казни. Для реализации уголовного наказания используются каторжные работы. Например, в соответствии со ст. 205 УК РК каторжные работы на срок не более одного года или штраф в размере не более пяти миллионов вон могут быть применены к лицу, осуществляющему хранение опиума, морфина или их производных либо приспособлений для курения опиума (дополнена Законом № 5057 от 29 декабря 1995 г.). А по ст. 198 УК РК за производство опиума и тому подобных веществ лицо подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более десяти лет.

Статьей 204 установлены дополнительные наказания в виде приостановления квалификации и наложения штрафа. В частности, в ней сказано, что в случае совершения преступлений, предусмотренных статьями 198–203, в качестве дополнительного наказания могут быть назначены приостановление квалификации на срок не более десяти лет либо штраф в размере не более двадцати миллионов вон (дополнена Законом № 5057 от 20 декабря 1995 г.) [11, с. 140–142].

Согласно уголовному законодательству Республики Корея (ст. 206) опиум, морфин, их производные, а также приспособления для курения опиума, использованные для совершения преступления, предусмотренного одной из статей главы XVII УК РК, подлежат конфискации. В случае, если их конфискация невозможна, подлежит взысканию их стоимость.

Предусмотрена также уголовная ответственность за следующие виды незаконного оборота наркотиков: производство опиума и тому подобных веществ (ст. 198); производство приспособлений для курения опиума (ст. 199); ввоз опиума должностными лицами таможи (ст. 200); курение опиума и содержание курильни (ст. 201). Специальной нормой установлена уголовная ответственность и наказание за покушение на преступления, предусмотренные в предыдущих четырёх статьях (ст. 202).

В качестве отличительной особенности Уголовного кодекса РК можно назвать состав преступления, предусмотренного ст. 203, который называется «Преступление в силу привычки». В ней указывается, что лицо, которое в силу привычки совершает преступления, указанные в предыдущих пяти статьях, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок до половины того предела, что установлен в соответствующей статье. При этом Уголовный кодекс не даёт расшифровку, какие действия можно расценивать совершёнными в качестве привычки.

В целом данное уголовное законодательство Республики Корея также можно отнести к достаточно жёстким, так как оно содержит смертную казнь за совершение наркопреступлений.

В Уголовном кодексе Таиланда не упоминаются преступления, предметом которых являются наркотические средства или психотропные вещества [12, с. 16]. В то же время в этой стране существуют специальные законы: Закон «О наркотиках» 1976 г. и Закон «О психотропных веществах» 1975 г., регламентирующие уголовную ответственность за совершение наркопреступлений. Законодательство Таиланда, в отличие от УК КНР, не определяя конкретные размеры наркотиков, в то же время различает 5 классов наркотических веществ. Так, за незаконное производство и переработку героина первого класса установлено пожизненное лишение свободы. А за незаконное производство наркотиков пятого класса предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 15 лет и штраф.

В Малайзии, так же как и в Таиланде, существуют особые законы, предусматривающие ответственность за совершение наркопреступлений. Это, во-первых, За-

кон об опасных наркотиках с дополнением от 1952 г., в соответствии с которым употребление кокаина, героина, морфия влечёт наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет со штрафом. Этим же законом установлены количественные параметры веществ, находящихся в обороте. Так, в случае хранения: 200 г конопли или конопли-смолы, 15 г героина или морфия, 1 кг приготовленного опиума или опия-сырца виновный может быть подвергнут лишению свободы на срок от 5 лет до пожизненного и телесным наказаниям. Во-вторых, в Малайзии действует Закон о наркомании (лечение и реабилитация) от 1983 г.

В Японии, в отличие от Российской Федерации, существует весьма обширное законодательство о борьбе с наркоманией. Японские правоведы рассматривают его как совокупность законов о контроле за потреблением и распространением наркотических и иных стимулирующих средств. Представляет интерес тот факт, что нормы, направленные на борьбу с тем или иным наркотиком, введены, как правило, в конкретный нормативный акт. Законодатель, по всей видимости, полагает, что комплекс нормативных актов существенным образом активизирует борьбу с наиболее опасными и распространенными на территории Японии разновидностями наркотиков.

Уголовная ответственность за совершение наркопреступлений предусмотрена Уголовным кодексом Японии (Главой 14 «Преступления, относящиеся к опию») и специальными законами. К ним относятся: Закон «О контроле за стимулирующими средствами» 1951 г.; Закон «О контроле за каннабисом» 1948 г., устанавливающий правовые основы борьбы с коноплей; Закон о борьбе с опиумом 1954 г.; Закон «О контроле за наркотиками» 1955 г.; Закон об охране психического здоровья. В законодательстве Японии наркотическим и психотропным веществам не присваивают определенные категории. Однако санкции за наркопреступления дифференцированы. Так, самое суровое наказание назначается за производство диацетилморфина, его солей или наркотиков, содержащих такие соли, стимуляторов в целях получения прибыли. В качестве такого наказания предусмотрены каторжные работы на срок от 3 лет и пожизненное лишение свободы. Возможно применение штрафа в размере до 5 млн иен (около 43 тыс. долл. США). В числе самых незначительных правонарушений японские законы предусматривают ответственность за культивирование и хранение каннабиса.

УК Японии предусматривает ответственность и устанавливает разные виды наказания за значительный круг незаконных действий с опием. Так, наказуемы ввоз и другие действия в отношении опия (ст. 136); аналогичные действия в отношении приборов, служащих для курения опия (ст. 137); те же действия, совершаемые лицами, ведающими таможенными делами (ст. 138). Уголовное наказание в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом варьируется от 1 года до 10 лет. Самые мягкие санкции (лишение свободы с принудительным физическим тру-

дом на срок до 1 года) предусматриваются УК Японии за обладание опиумом или прибором, служащим для курения опиума (ст. 140).

В Японии предусмотрено уголовное наказание за потребление наркотиков, в частности, за курение опиума и предоставление помещения для курения опиума (ст. 139). Лицо, курившее опиум, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до трёх лет, а лицо, предоставлявшее помещение для курения опиума и извлекавшее из этого выгоду, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от шести месяцев до семи лет.

Специальной ст. 141 УК Японии устанавливает ответственность за неоконченное преступление – за покушение на совершение деяний, предусмотренных в названной главе.

После подведения итогов работы на основе Третьего пятилетнего плана борьбы с наркотиками Япония руководствуется новой стратегией 2010 г. – «стратегией ускорения» (Drug Abuse Prevention Strategy Acceleration Plan) с тем, чтобы ещё решительней и эффективней вести профилактику нарушений антинаркотического законодательства.

Помимо всего прочего эта стратегия предусматривает собирание базы соответствующих данных по поставщикам метиламфетаминов, нанесение решительного удара по уличным торговцам и дальнейшую активизацию антинаркотической пропаганды среди населения.

Япония не относится к государствам с жёстким уголовным наказанием, предусматривающим за преступления, связанные с наркотиками, смертную казнь или пожизненное заключение, тем не менее ей удаётся достаточно эффективно сдерживать как преступность в целом, так и наркопреступность в частности. Одним из краеугольных камней социального согласия, экономического процветания и политической стабильности в этой стране является результативность воздействия на преступность, в том числе на правонарушения, связанные с наркотиками. По мировым оценкам, нынешняя ситуация с распространением наркотиков и наркоманией в Японии представляется достаточно спокойной [13, с. 119–120].

Проведенный нами анализ уголовного законодательства ряда стран об ответственности за наркопреступления показывает, что в разных странах АТР это законодательство не только обладает общими чертами, но и имеет свою специфику. Отдельные приёмы и способы борьбы с наркопреступностью, входящие в арсенал уголовно-правовых мер воздействия на эту разновидность антиобщественного поведения и предусмотренные законодательством стран АТР, могут быть восприняты и использованы законодателем России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крылова, Н. Е. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) / Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова. – М., 1997. – 197 с.
2. Малиновский, А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А. А. Малиновский. – М., 2002. – 376 с.
3. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. – М., 2003. – 576 с.
4. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть. – М., 2004. – 528 с.
5. Козочкин, Н. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования / Н. Д. Козочкин. – СПб., 2007. – 476 с.
6. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративистское исследование. – Владивосток, 2008. – 271 с.
7. Ролик, А. И. Наркопреступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы / А. И. Ролик, Л. И. Романова. – Владивосток, 2016. – 416 с.
8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2014. – 416 с.
9. Пан Дунмэй. Изменения уголовного законодательства Китая: общая характеристика // *Lex Russica*. – 2016. – № 8. – С. 81–88.
10. Курченко, В. Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / В. Н. Курченко. – М., 2003. – 425 с.
11. Уголовный кодекс Республики Корея. – СПб., 2004. – 238 с.
12. Уголовный кодекс Таиланда. – М., 2005. – 198 с.
13. Морозов, А. Н. Япония: преступность и уголовная политика / А. Н. Морозов. – СПб., 2016. – 400 с.

REFERENCES

1. Krylova N.E., Serebrennikova A. *Ugolovnoe pravo sovremennykh zarubezhnykh stran (Anglii, SShA, Frantsii, Germanii)* [Criminal law of modern foreign countries (England, USA, France, Germany)]. Moscow, 1997. 197 p.
2. Malinovskii A.A. *Sravnitel'noe pravovedenie v sfere ugolovnogo prava* [Comparative jurisprudence in the field of criminal law]. Moscow, 2002. 376 p.
3. *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaya chast'* [The criminal law of foreign countries. A common part]. Moscow, 2003. 576 p.
4. *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Osobennaya chast'* [The criminal law of foreign states. The special part]. Moscow, 2004. 528 p.
5. Kozochkin N.D. *Ugolovnoe pravo SShA: uspekhi i problemy reformirovaniya* [Criminal law of the USA: successes and problems of reforming]. St-Petersburg, 2007. 476 p.

6. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossii i stran ATR: komparativistskoe issledovanie* [Criminal legislation of Russia and the APR: comparative study]. Vladivostok, 2008. 271 p.
7. Rolik A.I., Romanova L.I. *Narkoprestupnost': ugovovno-pravovye i kriminologicheskie problemy* [Drug crime: legal and criminological problems]. Vladivostok, 2016. 416 p.
8. *Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [The Criminal Code of the People's Republic of China]. St. Petersburg, 2014. 416 p.
9. Pan Dongmei. *Izmeneniya ugovovnogo zakonodatel'stva Kitaya: obshchaya kharakteristika* [Changes in Chinese criminal law: a general characteristic]. *Lex Russica*, 2016, no. 8, pp. 81–88.
10. Kurchenko V.N. *Protivodeistvie nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv* [Counteracting the illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances]. Moscow, 2003. 425 p.
8. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Koreya* [The Penal Code of the Republic of Korea]. St. Petersburg, 2004. 238 p.
9. *Ugolovnyi kodeks Tailanda* [The Penal Code of Thailand]. Moscow, 2005. 198 p.
10. Morozov N.A. *Yaponiya: prestupnost' i ugovovnaya politika* [Japan: crime and criminal policy]. St. Petersburg, 2016. 400 p.

УДК 343.5+343.9]:004.56(595)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/160-170

Р. И. Дремлюга¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: dremluga.ri@dvfu.ru

Мохд Хазми Бин Мохд Русли²

Исламский научный университет, г. Куалу Лумпур, Малайзия

E-mail: hazmirusli@usim.edu.my

БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В МАЛАЙЗИИ (УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. В статье представлен опыт установления уголовной ответственности за киберпреступления в Малайзии. Путь борьбы данной страны с киберпреступлениями крайне интересен для изучения, так как Малайзия успешно справляется со многими вызовами преступности в современном мире и в то же время является одним из мировых лидеров по уязвимости для международных кибератак. В работе изучены современные источники уголовно-правовых норм, по которым привлекаются к уголовной ответственности киберпреступники, а также исследуется, как эти источники соотносятся друг с другом. Опыт Малайзии, в сравнении с российским, может быть полезен и для отечественного законодателя, а также для координации борьбы с киберпреступностью между двумя странами. Сравнительный анализ может быть полезен и для выявления недостатков российского законодательства и нахождения способов решения проблем в вопросах уголовно-правовой борьбы с киберпреступностью.

Анализ Малазийского уголовного законодательства показал, что существует около десятка источников уголовно-правовых норм, принятых в разное время, по которым могут привлекаться киберпреступники. Такая ситуация порождает многочисленные коллизии между нормами и создает трудности для их применения. Эти и некоторые другие факторы приводят к тому, что вновь принятые против кибер-

¹ Дремлюга Роман Игоревич, кандидат юридических наук, заместитель директора Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Мохд Хазми Бин Мохд Русли, доцент Школы шариата и права Исламского научного университета, г. Куалу Лумпур, Малайзия.

Для цитирования: Дремлюга Р.И., Мохд Хазми Бин Мохд Русли. Борьба с киберпреступностью в Малайзии (уголовно-правовые и криминологические аспекты) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 160–170.

преступлений законы редко применяются судами и другими правоприменителями. В то же время традиционные источники уголовно-правовых норм, такие как, например, Малазийский кодекс наказаний, не предназначены для борьбы с новой высокотехнологичной преступностью, не учитывают особенностей подобных деяний и используют устаревшую терминологию, но активно применяются судами.

Ключевые слова: киберпреступность, киберпреступление, уголовное право Малайзии, уголовное законодательство Малайзии, Кодекс наказаний Малайзии, Закон о компьютерных преступлениях 1997, борьба с киберпреступлениями в Малайзии.

Roman I. Dreliuga¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: dreliuga.ri@dvfu.ru

Mohd Hasmi Bin Mohd Rusli²

University Sains Islam Malaysia, Kuala Lumpur, Malaysia

E-mail: hazmirusli@usim.edu.my

**FIGHT AGAINST CYBERCRIME IN MALAYSIA
(CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS)**

Abstract. The article presents the experience of establishing criminal liability for cybercrime in Malaysia. The path of the country's struggle against cybercrime is extremely interesting for studying, as Malaysia successfully overcomes many challenges caused by crime in the modern world and at the same time the state is one of the world leaders in vulnerability for international cyber-attacks. The paper studies modern sources of criminal law norms, according to which cybercriminals are brought to justice, and also the ways of how these sources relate to each other. The experience of Malaysia, in comparison with the Russian experience, can be useful for the domestic legislator, as well as for coordinating the fight against cybercrime between the two countries. Comparative analysis can be useful for identifying the gaps of Russian legislation and finding ways to solve problems in the criminal law struggle against cybercrime.

¹ Dreliuga Roman Igorevich, Candidate of Law, Deputy Director of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Mohd Hazmi Bin Mohd Rusli, PhD (Law), Associate Professor, Faculty of Syariah and Law, Universiti Sains Islam Malaysia.

For citing: Dreliuga R. I., Mohd Hasmi Bin Mohd Rusli. Fight against cybercrime in Malaysia (criminal and criminological aspects) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 160–170.

Analysis of the Malaysian criminal law has shown that there are about a dozen sources of cybercrime criminal laws that were adopted at different times. This situation gives rise to numerous conflicts between norms and creates difficulties for their application. This and some other factors lead to the fact that newly adopted laws against cybercrime are rarely applied by courts and other law enforcement bodies. At the same time, traditional sources of criminal law, such as, for example, the Malaysian Penal Code, are not designed to combat the new highly technological crime; they fail to take into account the specifics of such acts while using outdated terminology; however, these sources are actively used by the courts.

Keywords: cybercrime, computer crime, Malaysian criminal law, Malaysian criminal law regulations, the Malaysian Penal Code, the Computer Crime Act of 1997, fight against cybercrime in Malaysia.

Информационные технологии неизменно меняют характер общественных отношений во всем мире. Чаще всего слово «прогресс» носит позитивный и оптимистичный окрас, тем не менее многие видят в таком стремительном изменении окружающей реальности и негативные перспективы. Развитие компьютерных технологий породило новые социальные конфликты, лишило многих людей привычных занятий и, конечно, способствовало появлению современных, еще более опасных форм преступлений. Появление не известных ранее видов преступлений и преступности сопровождается возникновением новой юридической терминологии и изменением уже устоявшейся. На данный момент в российской и зарубежной юридической и публицистической литературе используется целый спектр понятий, иногда как взаимозаменяемых, а иногда как взаимоисключающих. Среди данных понятий: киберпреступление, компьютерное преступление, преступление в сфере компьютерной информации и т.д.

Наверное, первым понятием, появившимся в мировой юридической академической литературе в связи с совершением преступлений посредством информационных технологий, является киберпреступление (англ. – «cybercrime»). Этот термин стал активно использоваться в североамериканской и европейской научной и публицистической литературе в 90-х годах прошлого века [1]. В настоящий момент «киберпреступление» является наиболее употребимым термином в отношении преступлений, совершенных посредством и с помощью информационных технологий. Оксфордский словарь определяет киберпреступление как «преступные действия, совершаемые с помощью компьютера или Интернета» («Criminal activities carried out by means of computers or the Internet») [2].

В подробном отчете 2013 года по киберпреступности, подготовленном Управлением ООН по наркотикам и преступности [3], не содержится точного определе-

ния киберпреступления и киберпреступности, лишь идет отсылка к определениям, имеющимся в национальном законодательстве или международных актах. Данное исследование также отмечает, что определение киберпреступности (киберпреступления) в основном зависит от цели использования термина и варьируется от акта к акту. При этом деяния, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных или систем, представляют собой ядро киберпреступности, так как включены практически в любое доктринальное или легальное определение киберпреступности и киберпреступления.

На сайте Интерпола говорится, что универсального понятия киберпреступление не существует [4], но используется синоним «связанные с Интернет» (Internet-related). Кроме того, согласно позиции Интерпола, киберпреступления подразделяются на два вида: «Advanced cybercrime (or high-techcrime)», «Cyber-enabledcrime». В первом случае это преступные посягательства на компьютерную технику и программное обеспечение, то есть компьютер и компьютерная информация являются предметом преступления. Второй вид киберпреступлений – это деяния, которые можно совершать и без использования Интернета, но применение Интернета существенно расширяет возможности преступников. Иными словами, это преступления, где использование Интернета для их совершения увеличивает общественную опасность.

Независимо от названия изучаемого явления киберпреступность приобретает все большую опасность для мирового сообщества и отдельных стран. Киберпреступность в развитых странах (Северная Америка и Европа) – достаточно изученное явление, кроме того, есть некоторые научные работы, посвященные киберпреступности в странах Северо-Восточной Азии (в основном Китаю [5; 6]), но практически отсутствуют исследования, посвященные странам Юго-Восточной Азии. Среди стран региона особый интерес представляет Малайзия.

Малайзия – страна в Юго-Восточной Азии с населением около 30 млн. человек [7], большая часть которых исповедует ислам. Около 40 % территории данного государства расположено на Малаккском полуострове, а остальная часть – на севере острова Калимантан (Борнео). В этом государстве проживает большое количество народностей, которые сильно различаются культурно и религиозно. В последнее десятилетие в Малайзии наблюдается стабильный рост экономики на 4–6 % в год [8]. Благодаря эффективной социальной политике, малазийскому правительству даже на фоне экономических кризисов удается успешно противостоять отдельным особо опасным формам преступности [9], но при этом Малайзия входит в число самых уязвимых государств для кибератак [10].

Анализ уголовного кодекса (в Малайзии Кодекса наказаний, англ. Penal Code) [11] позволяет прийти к выводу, что Малайзия, как и большинство исламских стран, обладает чрезвычайно репрессивным и жестким уголовным законодательством. Достаточно большое количество статей содержат в санкциях смертную

казнь как вид наказания. Она, в частности, фигурирует в некоторых составах преступлений против государства (Глава 6 «Offences against the State» Ст. 121, 121A), преступлений, связанных с терроризмом (Глава 6A «Offences relating to terrorism» Ст. 130C, 130I, 130N, 130O, 130QA, 130ZB, 132), преступлений лжесвидетельствования и против правосудия (Глава 11 «False evidence and offence against public justice» Ст. 194, 201), преступлений против жизни и здоровья (Глава 16 «Offence affecting the human body» Ст. 302, 305, 307) и т.д. Законодатель Малайзии предлагает в качестве наказания лишение жизни даже для не самых тяжких, с точки зрения российского законодателя деяний.

Особенно широко смертная казнь применяется как наказание для преступлений терроризма или деяний, связанных с терроризмом. В 2003 г. парламент Малайзии внёс в Уголовный кодекс поправки, касающиеся преступлений терроризма и других действий, связанных с террористической деятельностью. Поскольку отдельные формулировки в новой версии уголовного закона были сильно размыты, некоторые политические и общественные деятели заявляли, что этот инструмент может быть использован для борьбы с инакомыслием и политической оппозицией, так как даже обычные деяния приравнялись к терроризму, если в дальнейшем подразумевалось намерение совершить террористический акт [12].

Ключевыми законодательными актами Малайзии, регулирующими вопросы отношений в киберпространстве, являются следующие: Закон о компьютерных преступлениях 1997 (Computer Crimes Act 1997 (CCA)) [13], Закон о цифровой подписи (the Digital Signature Act 1997 (DSA)), Закон о телемедицине (the Telemedicine Act 1997 (TMA)), Закон о средствах связи и медиа среде (the Communications and Multimedia Act 1998 (CMA)), Закон об электронной коммерции (the Electronic Commerce Act 2006 (ECA)), Закон об электронном правительстве (the Electronic Government Act 2010 (PDPA)). Несмотря на то, что большинство актов в целом носит не уголовно-правовой характер, в них содержатся уголовно-правовые нормы. Кроме того, киберпреступники могут привлекаться к уголовной ответственности на основании норм Закона о банковских и финансовых институтах (Banking and Financial Institutions Act 1989), Закона о рынках капитала и услугах (Capital Markets and Services Act 2007), Закона о призывах к мятежу (Sedition Act 1948), Закона о клевете (Defamation Act 1957) и некоторых других [14].

Закон о компьютерных преступлениях 1997 г. признает преступными следующие деяния: неправомерный доступ к компьютерным материалам (ст. 3, Unauthorized access to computer material), неправомерный доступ с намерением совершить или облегчить совершение другого преступления (ст. 4, Unauthorized access with intent to commit or facilitate commission of further offence), неправомерное изменение содержимого любого компьютера (ст. 5, Unauthorized modification of the contents of any computer), неправомерное размещение информации (ст. 6, Wrongful

communication), подстрекательство и покушение на преступление (ст. 7, Abetments and attempts punishable as offences). Очевидно, что Закон о компьютерных преступлениях устанавливает уголовную ответственность только за ограниченное число видов киберпреступлений, таких как взлом и неправомерный доступ.

Агентство кибербезопасности Малайзии (Cyber Security Malaysia, агентство при Министерстве науки, технологий и инноваций) разделяет киберпреступность в Малайзии по трем категориям в зависимости от того, какую роль играют информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) в совершении киберпреступления. Первая категория, когда информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) и интеллектуальная собственность становятся объектами преступления (эксплуатация, вторжение в компьютерную систему, кража информации и идентификационных данных). Вторая, когда информационные и коммуникационные технологии используются как средство (англ. mean) совершения преступлений. Например, домашние компьютеры используются для запуска вредоносных программ, чтобы вторгаться в другие компьютеры или чтобы украсть деньги, личные данные и пароли. Третья категория – это когда устройства ИКТ используются в качестве средства и способа (англ. – mediums) для совершения преступлений. Например, под эту категорию попадают подстрекательство к мятежу или беспорядкам, широкомасштабная клевета и т.д. [15, р. 516]. Это довольно распространённая классификация, которая принята во многих европейских и североамериканских странах [16]. С точки зрения классификации, предложенной Агентством кибербезопасности Малайзии, Закон о компьютерных преступлениях 1997 г. охватывает лишь незначительную часть киберпреступлений, где компьютерные системы являются объектом преступления.

Следующим законом, который содержит нормы, устанавливающие уголовную ответственность за киберпреступления, является Закон о средствах связи и медиасреде 1998 г. (Communications and multimedia act) [17]. Закон не предусматривает составов преступлений, срок лишения свободы за которые больше пяти лет.

Среди преступлений, за которые предполагается лишение свободы: осуществление коммуникационной деятельности без лицензии (ст. 41, «Effect of suspension, cancellation, surrender or expiry of an individual licence»), неисполнение предписания Малазийской Комиссии по коммуникациям и мультимедиа (ст. 53 «Offence for non-compliance with a direction of the Commission»), нарушение норм о добросовестной конкуренции (ст. 143 «Penalty for offence»), нарушение норм об использовании частот связи (ст. 157 «Prohibition on using spectrum without assignment»), нарушение коммуникации, вмешательство в исполнение программ или передачу данных между различными функциональными блоками (ст. 189 «Hindering interoperability an offence»), подрыв общественной безопасности (ст. 190 «Compromising public safety an offence»), нарушение требования по запрету доступа к определенной информации (ст. 211 «Prohibition on provision of offensive content»), использование неавтори-

зованных средств по получению информации (ст. 231 «Offence if use apparatus or device without authority») и т.д.

Несмотря на то, что закон посвящен коммуникациям и мультимедиа в целом, он, прежде всего, направлен на регулирование коммуникаций и мультимедиа, организованных по сетевому принципу (сеть англ. – network), что подтверждается неоднократным использованием термина «сеть» (268 раз) в тексте закона. Более того, текст некоторых статей, например, нарушение требования по запрету доступа к определенной информации (ст. 211), подразумевает, что речь идет об Интернете и других компьютерных сетях. Следует отметить, что закон принимался, когда среди других средств коммуникаций и медиа Интернет еще не занимал лидирующей позиции. По этой причине закон не предназначен для борьбы с киберпреступностью и рассматривает компьютерные сети как один из способов массового распространения и доступа к информации.

- Закон о средствах связи и медиасреде 1998 г. содержит ряд уголовно-правовых норм, которые пересекаются с нормами других законов. Так, ст. 211 Запрет на размещение противоправного содержимого (Prohibition on provision of offensive content), пересекается со ст. 6 Закона о компьютерных преступлениях 1997 г. и ст. 124Н Кодекса наказаний Малайзии. Если преступник разместил персональные данные (паспорт, кредитные карты), то он одновременно попадает под действие статьи ст. 211 Закона о средствах связи и медиасреде 1998 г. и ст. 6 Закона о компьютерных преступлениях 1997 г. В первом случае предусматривается наказание до одного года, во втором – до трех лет лишения свободы. Если же преступник разместил информацию, провоцирующую насилие, то может быть применена как ст. 211 Закона о средствах связи и медиасреде 1998 г., так и ст. 124Н Кодекса наказаний Малайзии.

Следующий нормативный акт, который был разработан и принят сравнительно недавно, содержит нормы, которые прямо направлены на регулирование отношений в сфере использования компьютерных данных (например, ст. 155 Доступ к компьютерным данным «Access to computerized data»). Закон о защите персональных данных (the Personal Data Protection Act 2010 (PDPA)) [18], в котором компьютер и компьютерная информация упоминается 78 раз, также содержит уголовно-правовые нормы. Наказание в уголовно-правовых нормах данного закона не превышает трех лет лишения свободы. Как и в российском законодательстве, основным принципом работы с персональными данными является то, что любые действия должны выполняться только с согласия лица, которому эти данные принадлежат (ст. 5 «General Principle»).

Некоторые нормы Закона о защите персональных данных 2010 г. пересекаются с Законом о компьютерных преступлениях 1997 г. Так, ст. 38 Закона о защите персональных данных 2010 г. устанавливает уголовную ответственность за обращение с персональными данными, согласие на обработку которых было отозвано лицом,

владеющим этими данными. Указанная уголовно-правовая норма подразумевает ответственность как за доступ и совершение операций с компьютерной информацией, так и со сведениями на других носителях (бумажных, фотоленка и т.д.). В свою очередь, ст. 3 Неправомерный доступ к компьютерным материалам (Unauthorized access to computer material), а также ст. 5 Неправомерное изменение содержимого любого компьютера (Unauthorized modification of the contents of any computer) Закона о компьютерных преступлениях 1997г. устанавливают ответственность за доступ и совершение операций с информацией, на которую у преступника нет прав. В случае, если у какого-либо лица было отозвано согласие, но оно все равно продолжило операции и осуществляет доступ к личной информации, хранящейся в электронной (компьютерной) форме, то такое лицо одновременно подпадает под действие ст. 38 Закона о защите персональных данных 2010 г. и ст. 3, 5 Закона о компьютерных преступлениях 1997 г.

Закон о компьютерных преступлениях 1997 г., в том числе вышеупомянутые его статьи, предполагают более длительные сроки лишения свободы, чем Закон о защите персональных данных 2010 г. Если ст.38 Закона о защите персональных данных 2010г. предусматривает тюремное заключение до года как максимальную меру наказания за рассматриваемые деяния, то ст. 3,5 Закона о компьютерных преступлениях 1997 г. – до пяти лет.

Конфликт между специальными и общими уголовно-правовыми нормами зачастую решается правоприменителем в пользу общих традиционных норм. Несмотря на существование специальных законов, направленных на борьбу с киберпреступлениями, в Малайзии чаще применяются традиционные нормы уголовного законодательства. Исключение составляет Закон о поправках в регулирование авторского права 1997 г. (Copyright Act 1987 or Copyright (Amendment) Act 1997), который очень распространён в судебной практике [14, с. 73]. Традиционные уголовно-правовые нормы Малайзии не приспособлены для применения к преступлениям, совершенным в киберпространстве, в них не используется современная терминология, они не учитывают особенности совершаемых деяний. Например, в Кодексе наказаний Малайзии компьютер (computer) упоминается два раза для определения понятия документ, термины «компьютерные сети» и «Интернет» не использованы в тексте ни разу.

Анализ, проведенный в статье, показывает, что законодатель Малайзии приложил немало усилий, направленных в сторону совершенствования уголовного законодательства по борьбе с киберпреступлениями. Несмотря на это, по-прежнему существуют некоторые очевидные проблемы. Одной из основных является то, что многие законодательные инициативы не восприняты малазийским правоприменителем и не используются для привлечения киберпреступников к уголовной ответственности. Суды и другие государственные учреждения, уполномоченные применять уголовно-правовые нормы, неохотно прибегают к новому законодательству и

по привычке используют Малазийский кодекс наказаний и другие законы, не предназначенные для борьбы с киберпреступлениями.

Кроме того, очевидны многочисленные коллизии между уголовно-правовыми нормами, по которым привлекают к ответственности киберпреступников. Пересекающиеся уголовно-правовые нормы находятся в разных источниках и, зачастую, имеют разного правоприменителя (от Малазийской комиссии по связи до суда), что крайне нехарактерно для России. Множественность источников уголовно-правовых норм создает определенные трудности при правоприменении, в том числе при назначении наказания, так как конкурирующие нормы предполагают разные сроки лишения свободы и разные размеры штрафа при совершении одного и того же деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. De Leeuw, K. The History of Information Security / K. De Leeuw, J. Bergstra. – [S. 1.] : Elsevier, 2007. – 887 p.
2. Cybercrime [Киберпреступление] [Электронный ресурс] // English Oxford living dictionaries. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/us/cybercrime>.
3. Comprehensive Study on Cybercrime. Draft February 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/organized-crime/UNODC_CCPCJ_EG.4_2013/CYBERCRIME_STUDY_210213.pdf.
4. Cybercrime [Электронный ресурс] // Interpol. – Режим доступа: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Cybercrime/Cybercrime>.
5. Kshetri, N. Cyber-victimization and cybersecurity in China : Seeking insights into cyberattacks associated with China // Communications of the ACM. – 2013. – Vol. 56, iss. 4. – P. 35–37.
6. Xingan, Li. Regulation of Cyber Space: An Analysis of Chinese Law on Cyber Crime // International Journal of Cyber Criminology. – 2015. – Vol. 9, iss. 2. – P. 185–204.
7. World Population Prospects. The 2012 Revision, UN. New York, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://esa.un.org/unpd/wpp/Documentation/pdf/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf.
8. Economic growth – country rankings [Электронный ресурс] // The Global Economy.com. – Режим доступа: http://www.theglobaleconomy.com/rankings/Economic_growth/.
9. Коробеев, А. И. Криминологическая характеристика терроризма в Малайзии / А. И. Коробеев, Р. И. Дремлюга // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 151–161.
10. Security Threat Report 2013. New Platforms and Changing Threats [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sophos.com/medialibrary/PDFs/other/SophosSecurityThreatReport2013.pdf>.

11. Laws of Malaysia. Penal Code Act 574 Asat 1 January 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Penal%20Code%20\[Act%20574\]2.pdf](http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Penal%20Code%20[Act%20574]2.pdf).
12. Politics in Malaysia: the Malay dimension / ed. by E. T. Gomez. – New York : Routledge, 2007. – 176 p.
13. Laws of Malaysia. Act 563 Computer Crimes Act 1997 Asat 1 December 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/res/cld/document/mys/computer_crimes_act_html/2014_Act_563_-_Computer_Crimes_Act_1997.pdf.
14. Mohamed, D. B. Combating the threats of cybercrimes in Malaysia: The efforts, the cyberlaws and the traditional laws // Computer Law and Security Review. – 2013. – 29 (1). – P. 66–76.
15. Social media and Cyber Crime in Malaysia : (Book Chapter) / A. M. Zain, N. E. Saberi, F. Jaafar, W. N. R. W. Ramli, F. A. Lugiman [Электронный ресурс] // International Colloquium of Art and Design Education Research (i-CADER 2014). – [S. 1.] : Springer, 2016. – P. 515–524. – Режим доступа: <http://www.springer.com/cn/book/9789812873316>.
16. Finklea, K. M. Cybercrime: Conceptual issues for congress and U.S. law enforcement / K. M. Finklea, C. A. Theohary // Cybercrime: Conceptualized and Codified. – Hauppauge : Nova Science Publ. Inc., 2013. – P. 1–28.
17. Laws of Malaysia. Communications and Multimedia Act 1998 Act 588 (Incorporating all amendments up to 1 January 2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/res/cld/document/mys/communications_and_multimedia_act_html/Malaysia_Communications_and_Multimedia_Act_1998.pdf.
18. Laws of Malaysia. Personal Data Protectionact 2010, Act 709, Asat 15 June 2016. – Режим доступа: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Act%20709%2014%206%202016.pdf>.

REFERENCES

1. De Leeuw K., Bergstra J. *The History of Information Security*. [S. 1.]: Elsevier, 2007. 887 p.
2. Cybercrime. *English Oxford living dictionaries*. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/us/cybercrime> (accessed 27 August 2017).
3. *Comprehensive Study on Cybercrime. Draft February 2013*. Available at: http://www.unodc.org/documents/organized-crime/UNODC_CCPCJ_EG.4_2013/CYBERCRIME_STUDY_210213.pdf (accessed 27 August 2017).
4. Cybercrime. *Interpol*. Available at: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Cybercrime/Cybercrime> (accessed 27 August 2017).

5. Kshetri N. Cyber-victimization and cybersecurity in China: Seeking insights into cyberattacks associated with China. *Communications of the ACM*, 2013, vol. 56, iss. 4, pp. 35–37.
6. Xingan Li. Regulation of Cyber Space: An Analysis of Chinese Law on Cyber Crime. *International Journal of Cyber Criminology*, 2015, vol. 9, iss. 2, pp. 185–204.
7. *World Population Prospects. The 2012 Revision, UN. New York, 2013*. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/Documentation/pdf/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf (accessed 27 August 2017).
8. Economic growth – country rankings. *The Global Economy.com*. Available at: http://www.theglobaleconomy.com/rankings/Economic_growth/ (accessed 27 August 2017).
9. Korobeev A.I., Dremlyuga R.I. Kriminologicheskaya kharakteristika terrorizma v Malaizii [Criminological characteristics of terrorism in Malaysia]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2014, no. 4, pp. 151–161.
10. *Security Threat Report 2013. New Platforms and Changing Threats*. Available at: <https://www.sophos.com/medialibrary/PDFs/other/SophosSecurityThreatReport2013.pdf> (accessed 27 August 2017).
11. *Laws of Malaysia. Penal Code Act 574 Asat 1 January 2015*. Available at: [http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Penal%20Code%20\[Act%20574\]2.pdf](http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Penal%20Code%20[Act%20574]2.pdf) (accessed 27 August 2017).
12. Gomez E.T., ed. *Politics in Malaysia: the Malay dimension*. New York: Routledge, 2007. 176 p.
13. *Laws of Malaysia. Act 563 Computer Crimes Act 1997 Asat 1 December 2011*. Available at: http://www.unodc.org/res/cld/document/mys/computer_crimes_act_html/2014_Act_563_-_Computer_Crimes_Act_1997.pdf (accessed 27 August 2017).
14. Mohamed D.B. Combating the threats of cybercrimes in Malaysia: The efforts, the cyberlaws and the traditional laws. *Computer Law and Security Review*, 2013, no. 29(1), pp. 66–76.
15. Zain A.M., Saberi N.E., Jaafar F., Ramli W.N.R.W., Lugiman F.A. Social media and Cyber Crime in Malaysia: (Book Chapter). *International Colloquium of Art and Design Education Research (i-CADER 2014)*. [S. l.]: Springer, 2016, pp. 515–524. Available at: <http://www.springer.com/cn/book/9789812873316> (accessed 27 August 2017).
16. Finklea K.M., Theohary C.A. Cybercrime: Conceptual issues for congress and U.S. law enforcement. *Cybercrime: Conceptualized and Codified*. Hauppauge: Nova Science Publ. Inc., 2013, pp. 1–28.
17. *Laws of Malaysia. Communications and Multimedia Act 1998 Act 588 (Incorporating all amendments up to 1 January 2006)*. Available at: http://www.unodc.org/res/cld/document/mys/communications_and_multimedia_act_html/Malaysia_Communications_and_Multimedia_Act_1998.pdf (accessed 27 August 2017).
18. *Laws of Malaysia. Personal Data Protectionact 2010, Act 709, Asat 15 June 2016*. Available at: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Act%20709%2014%206%202016.pdf> (accessed 27 August 2017).

УДК 323.285(5-12)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/171-190

Д.В. Лобач¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: dimaved1985@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

Аннотация. В статье рассматриваются качественные и количественные характеристики террористических угроз в Юго-Восточной Азии. Изучается специфика деятельности наиболее опасных террористических организаций в Таиланде, Индонезии и на Филиппинах, а также анализируется статистика террористической преступности в этих странах. Обосновывается вывод о том, что террористические организации в Юго-Восточной Азии в зависимости от мотивационного фактора преступной деятельности дифференцируются на национально-сепаратистские и исламистские террористические организации. Национально-сепаратистские организации представляют собой такие политические объединения, группировки и движения, которые стремятся к выходу какой-то части страны из состава единого государства с последующим созданием своего государства, либо эти организации выступают за создание национальных автономий без сепарации. Исламистские террористические организации выступают за проведение джихада и создание исламского государства, существующего по религиозным канонам и функционирующего как теократическая система власти. Аргументируется тот факт, что, хотя удельный вес террористической преступности в Юго-Восточной Азии по отношению к мировым показателям в период 2000–2015 гг. составляет 8,5 % (фактически занимает четвертое место после Ближнего Востока, Африки и Южной Азии), в то же время существуют скрытые террористические угрозы, которые проявляются в распространении радикальных исламистских идей и суще-

¹ Лобач Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Лобач, Д. В. Современные террористические угрозы в Юго-Восточной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 171–190.

* Данная статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых на выполнение научного исследования по теме: «Международный терроризм как угроза всеобщему миру и национальной безопасности: политико-правовые меры противодействия в архитектонике международной безопасности и в национальном законодательстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона», проект МК- 8113.2016.6.

ствовании локальных политических конфликтов в таких странах, как Таиланд, Индонезия и Филиппины. В статье также делается предположение о вероятном распространении влияния террористической группировки «Исламское государство» в этом регионе, но при этом эскалации политического насилия по сценарию Сирии и Ирака не происходит, так как региональная безопасность характеризуется устойчивостью политических режимов, стабильностью социальных отношений и отсутствием религиозно-культурных факторов, способствующих интенсивному развитию политического насилия.

Ключевые слова: терроризм, террористические организации, политическое насилие, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, джихад, исламский терроризм, экстремизм, Азиатско-Тихоокеанский регион, преступность, террористические угрозы, национальная безопасность.

Dmitriy V. Lobach¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: dimaved1985@mail.ru

MODERN TERRORIST THREAT IN SOUTHEAST ASIA

Abstract. The article deals with the qualitative and quantitative characteristics of terrorist threats in Southeast Asia. We study the specifics of the most dangerous terrorist organizations in Thailand, Indonesia and the Philippines and analyze the statistics of terrorist crimes in these countries. The authors conclude that terrorist organizations in Southeast Asia are divided into into national-separatist and Islamist terrorist organizations depending on the motivational factor of criminal activity. National-separatist organizations are political associations, groups and movements that seek to withdraw from the single state followed by the creation of a new state, or those organizations that advocate the creation of national autonomy without secession. Islamist terrorist organizations have advocated Jihad and an Islamic state that would exist according to the religious beliefs and function as a theocratic system of government. The fact is reasoned that although the proportion of terrorist crimes in Southeast Asia relative to the global rates in 2000–2015 is only 8.5 % (in fact it occupies the fourth place after the Middle East, Africa and South Asia), there are potential terrorist threats, which are manifested in the spread of radical

¹ Lobach Dmitriy Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Lobach D. V. Modern terrorist threats in Southeast Asia // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 171–190.

Islamist ideas and outbreaks of local political conflicts in the countries such as Thailand, Indonesia and the Philippines. The article also makes an assumption about the possible spread of influence of the terrorist group "Islamic state" in the region, but the escalation of political violence like in Syria and Iraq is unlikely since the regional security is characterized by the stability of political regimes, stability of social relations and lack of religious and cultural factors contributing to the intensive development of political violence.

Key words: terrorism, terrorist organizations, political violence, Southeast Asia, ASEAN, Jihad, Islamic terrorism, extremism, Asia and the Pacific, crime, terrorist threats, national security.

Глобализация современных международных отношений, проявляемая в унификации и интеграции социальных связей в политической, экономической, культурно-религиозной и информационной сферах общества предопределяет новую модель мироустройства, которая основывается на ослаблении государственного протекционизма в межгосударственных отношениях, либерализации экономики, всеобщем гарантировании прав и основных свобод человека и гражданина, а также свободном перемещении товаров, услуг, информации и финансовых инструментов. Вместе с тем современные процессы глобализации, несмотря на положительные тенденции межкультурного и многополярного взаимодействия, детерминируют возникновение новых объективных угроз, посягающих на суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость отдельных государств, а также на мир и безопасность всего человечества. В этом аспекте особо остро стоит проблема борьбы с террористическими угрозами в Юго-Восточной Азии, которые актуализируются в начале XXI века.

Прежде чем рассматривать состояние и динамику терроризма в Юго-Восточной Азии, необходимо в первую очередь сформулировать точное и адекватное понимание террористической угрозы. Изучение специальной литературы по данной теме [22], аналитических отчётов [5; 17; 18], а также исследование современной системы международного права в сфере борьбы с терроризмом позволяет сформулировать следующее определение террористической угрозы. Террористическая угроза – это совокупность условий и факторов, создающих опасность преднамеренного и противоправного нанесения ущерба государственным, муниципальным, международным или частным организациям (публичные органы власти, учреждения, предприятия), объектам транспортной, социальной, инженерной и энергетической инфраструктуры, а равно влекущие преступные посягательства на представителей власти и простых граждан, которые совершаются в целях противоправного воздействия на официальную власть. В контексте предложенного определения тер-

рористические угрозы могут выражаться в двух аспектах: 1) как существование террористических организаций в определённой стране или на международном уровне; 2) как устойчивая криминальная деятельность террористических организаций. В свою очередь, существование террористических организаций предполагает присутствие идеологической базы, оправдывающей и призывающей к терроризму, а также взаимодействие с политическими, религиозно-культурными и криминальными структурами в той мере, в которой это необходимо для вербования новых членов преступных организаций. В своей совокупности данные факторы определяют качественную сторону террористических угроз. Что касается криминальной деятельности, осуществляемой террористическими организациями, то она представлена всей совокупностью террористических актов, совершенных на определённой территории и в конкретный период времени. Статистические данные относительно всей совокупности террористических актов характеризуют количественную сторону террористических угроз в стране или регионе.

На сегодняшний день предельная концентрация террористических угроз наблюдается в странах Ближнего Востока (Сирия, Ирак, Пакистан, Афганистан) и Африки (Ливия, Нигерия, Сомали, Египет). Вместе с тем, учитывая транснациональный характер терроризма и стремление террористических организаций к распространению своей деятельности и влияния на другие государства, следует признать очевидным тот факт, что происходит конвергенция криминальных политических сообществ по направлению создания сетевого террористического интернационала.

В современных условиях активизации террористических организаций в Азиатско-Тихоокеанском регионе особое внимание обращают на себя некоторые страны Юго-Восточной Азии, в которых исторически наблюдается политическая нестабильность и культурно-религиозное противостояние в системе социальных отношений.

В Юго-Восточной Азии большая часть террористической деятельности и политического насилия сосредоточена в таких странах, как Филиппины, Таиланд и Индонезия.

1. Террористические угрозы на Филиппинах

В соответствии с Глобальным индексом терроризма, Филиппины занимают 12-е место из 163 стран мира, рассматриваемых в контексте существования актуальных террористических угроз. Всего за последние 15 лет в стране было совершено 3 588 террористических актов. При этом только за период 2012–2014 гг. было совершено 1 495 террористических актов, что составляет 41,6 % от всех террористических атак за весь рассматриваемый период. В результате террористических акций были убиты 2 180 человек, 4 209 человек получили ранения разной степени тяжести и 3 530 объектов различных видов собственности были повреждены или уничтожены [9].

Среди главных террористических организаций, действующих на Филиппинах, следует назвать такие группировки, как Абу Сайяф (Abu Sayyaf) и Новая народная армия (New people's army или Bagong Hukbong Bayan).

Абу Сайяф является джихадистской религиозно-политической организацией, признанной многими странами в качестве международной террористической группы. Она занесена ООН в список террористических организаций мира и запрещена в Австралии, Канаде, Объединенных Арабских Эмиратах, Великобритании и США. Группировка действует преимущественно на юге Филиппин, на острове Минданао и на архипелаге Холо, где проживает мусульманское меньшинство – народ моро. Целью группировки является создание независимого исламского государства через использование методов террора и запугивания.

Группировка Абу Сайяф является малочисленной. Общая её численность составляет от 200 до 400 активных членов. Между тем благодаря сплоченности её членов, основанной на семейно-родственных и дружественных связях, группировка существует довольно продолжительное время и активно противостоит органам государственной безопасности Филиппин [3].

Террористическая деятельность, осуществляемая этой группировкой, выражается в похищении людей с целью выкупа или воздействия на органы власти, совершении взрывов, поджогов и нападений из засад. Боевики группировки также не брезгают совершением политических и заказных убийств, публичных казней, активно участвуют в вымогательствах, незаконном обороте наркотиков и преступлениях сексуального характера. В этом плане террористическая деятельность группировки Абу Сайяф, осуществляемая в условиях политической борьбы с официальной властью, сопровождается общеуголовными преступлениями корыстной направленности. Считается, что рост интереса к криминальному бизнесу со стороны Абу Сайяф, помимо извлечения личной материальной выгоды для боевиков, объясняется прекращением получения финансирования от международных террористических организаций, которые спонсировали её ещё со времен основания этой группировки, а в дальнейшем – и её деятельность [1]. Речь, в первую очередь, идёт о террористической организации Аль-Каида, которая на протяжении длительного времени оказывала финансовую поддержку Абу Сайяф. Вместе с тем ослабление позиций Аль-Каиды и усиление борьбы с финансированием терроризма привело к поиску новых источников экономического обеспечения преступной деятельности. Поэтому новым альтернативным источником финансирования группировки стало похищение детей с целью выкупа. По некоторым данным, более 90% денежных средств группировка получает за счёт киднеппинга и вымогательства [13, р. 324–325].

Большинство террористических актов осуществляются через совершение вооруженных нападений (1 391 случай), взрывов и поджогов (1 240 случаев), полити-

ческих убийств (399 случаев), уничтожение объектов инфраструктуры (359 случаев) и взятие в заложники (323 случая). В террористической деятельности боевики Абу Сайяф активно используют самодельные взрывчатые устройства, минометы и автоматическое оружие.

Террористические акты в большинстве случаев совершаются против правительственных учреждений, военных и полиции (всего 1891 атака). Террористическим нападениям также подвержены религиозные объекты, образовательные учреждения, средства массовой информации и их представители, а также коммерческие организации (в общей сложности более 700 атак). В наименьшей степени подвержены террористическим угрозам воздушные и надводные транспортные средства (19 атак), туристы (12 атак), неправительственные организации (18 атак).

С 2014 г. группировка Абу Сайяф присягнула на верность террористической организации «Исламское государство». С этого же времени стала систематически осуществлять похищения людей с целью выкупа во имя Исламского государства. Таким образом, группировка интегрируется в систему международного террористического интернационала, поддерживая и продвигая идею о создании Всемирного халифата.

В отличие от Абу Сайяф, группировка Новая народная армия (New people's army) является в большей степени вооруженным крылом маоистской коммунистической партии Филиппин, ведущей затяжную вооруженную партизанскую борьбу против официальных властей государства. Организация была создана в 1969 г. как радикальное националистическое образование, стремящееся к свержению правительства через проведение открытой вооруженной борьбы. Партизанская борьба проводится преимущественно в сельской местности, в то время как террористическая деятельность осуществляется главным образом в городских условиях. За последние несколько лет группировка активно прибегает к убийствам сотрудников сил безопасности, похищениям людей и актам вымогательства. Распространенной формой политической борьбы является также совершение рейдов против вооруженных сил и правоохранительных органов государства [8].

Несмотря на то, что с 2014 г. действует режим прекращения огня между группировкой и правительством Филиппин, на сегодняшний день продолжают совершаться акты насилия и уничтожения объектов социальной инфраструктуры, что позволяет утверждать об изменении интенсивности вооруженного конфликта, но не о его прекращении. О большой общественной опасности группировки и высокой вероятности продолжения вооруженного конфликта также свидетельствует относительно стабильная численность Новой народной армии, которая возросла благодаря перемирию до 5 000 активных участников [16].

Продолжительное время на Филиппинах также действует Исламский освободительный фронт Моро, являющийся крупнейшим повстанческим вооруженным

движением на юге Филиппин. Представители движения выступают за сохранение исторической, культурной и религиозной самобытности, а также борются за национально-политическое самоопределение. Идеологической платформой движения является джихад против филиппинского правительства. В разное время численность организации варьируется от 10 000 до 15 000 членов [7, р. 250]. В условиях перманентного вооруженного конфликта фронт преимущественно использует диверсионно-партизанскую тактику боевых действий против правительственных сил, прибегая также периодически и к открытым актам террора и устрашения – как государственных служащих, так и местного населения.

Несмотря на то, что в марте 2014 г. между правительством Филиппин и фронтом освобождения Моро было заключено мирное соглашение, в результате которого произошла демобилизация боевиков, а остров Минданао стал национальной автономией, отдельные представители этого движения и другие повстанческие группы выразили намерение продолжить борьбу с государством.

2. Террористические угрозы в Таиланде

В соответствии с Глобальным индексом терроризма Королевство Таиланд на 2016 г. занимает 15-е место в мире, что свидетельствует о высоком уровне террористических угроз в этой стране. В соответствии со статистической информацией, содержащейся в Глобальной базе данных терроризма, в период с 2000 г. по 2015 г. в стране было совершено 3 112 террористических актов. При этом в период 2012–2014 гг. наблюдается предельный рост террористической активности. Всего за три этих года было совершено 1 173 террористических акта, что составило 37,7 % от всех террористических актов за последние 15 лет. В результате террористических акций было убито 1 742 человека, 11 076 человек получили ранения различной степени тяжести и 4 086 объектов различных видов собственности были повреждены или уничтожены [9].

Королевство Таиланд имеет давнюю историю развития сепаратистских и радикальных организаций, которые на протяжении полувека выступают за создание независимого исламистского государства Патгани на юге Таиланда. По своей сущности эти организации являются террористическими с религиозной и националистической идеологией. При этом религиозная основа таких организаций выражается в проведении войны против неверных под лозунгами джихада. Вместе с тем следует признать, что, в отличие от исламских экстремистов в других странах Юго-Восточной Азии, они не вовлечены в международный джихад и не связаны с группировкой «Исламское государство» или Аль-Каидой. Это объясняется тем фактом, что джихадистские идеи не воспринимаются сепаратистскими террористическими организациями из-за различий в толковании ислама в Юго-Восточной Азии и на

Ближнем Востоке. По этой причине акты суицидального терроризма и некоторые экстремистские идеи, лежащие в основе джихадистского движения, не были восприняты повстанческими организациями южного Таиланда [14, р. 65–69]. Кроме того, социологические опросы, проведенные среди мусульманской части населения, подтверждают категорический отказ от поддержки террористической тактики, проводимой террористическими организациями. Опрошенные респонденты в большинстве случаев отмечают, что несмотря на стремление к более интенсивному участию в политической жизни страны у них преобладает отрицательное отношение к неизбирательным актам насилия [21, р. 929].

Нельзя не отметить тот факт, что членство в таких организациях не основано на партикулярных меркантильных интересах. В действительности многие члены террористических организаций участвуют в противоправной деятельности, руководствуясь при этом идеями о независимости, национальном самоопределении, защите религиозных и культурных ценностей. Вместе с тем террористы не стремятся к широкому распространению своих идеалов в обществе, что закономерно приводит к социальному осуждению их деятельности со стороны других национальных меньшинств. Кроме того, развитие социальных институтов, отсутствие явно выраженной дискриминационной политики в отношении национальных меньшинств, невысокий уровень убийств и активное участие граждан в формировании и работе государственных и местных органов власти снижают риски развития широкого повстанческого движения на юге Таиланда.

На сегодняшний день в Королевстве Таиланд особую активность проявляют четыре террористические организации: 1) Барисан Революси Насионал-Координаси (Barisan Revolusi Nasional – BRN); 2) Мусульманское движение моджахедов Патани (Gerakan Mujahidin Islam Patani – GMIP); 3) Барисан Берсати Муджахидин Патани (Barisan Bersatu Mujahidin Patani – BBMP); 4) Объединённая организация освобождения Паттани (Pattani United Liberation Organization – PULO).

Организация Barisan Revolusi Nasional (BRN) возникла в 1963 г. как политическое объединение, продвигающее изначально идеи арабского социализма. В дальнейшем идеологическая платформа организации претерпела существенные изменения в сторону принятия и распространения исламского учения салафитского толка.

Barisan Revolusi Nasional (BRN) в настоящее время – самая мощная воинствующая группировка, которая намерена достичь своей численности в 400 тыс. человек. Она вербует своих сторонников через мечети и исламские школы, проповедуя идею создания неконтролируемой центральной властью территории. Для достижения этой цели используются хорошо обученные бойцы, совершающие убийства солдат и мирных граждан [3]. Организация имеет три крыла: конгресс BRN (BRN Congress), являющийся военным подразделением организации; координационный

центр BRN (BRN Coordinative Group), который ориентируется на политическую агитацию и проведение несанкционированных акций протеста в городах; а также религиозное крыло BRN, ответственное за установление координационных связей с исламским духовенством. Главная политическая цель группировки заключается в односторонней сецессии трёх провинций Таиланда – Паттани, Яла и Наратхиват, которые ранее были частью Малайского мусульманского султаната, однако в 1909 г. были аннексированы армией Таиланда, который до 1932 г. назывался Сиам.

Тактическим военизированным мобильным подразделением организации является Runda Kumpulan Kecil (RKK), которое состоит из молодых членов BRN, получивших военное образование в Индонезии. Боевики группировки обладают навыками по ведению рукопашного боя, обращению с оружием, изготовлению бомб и организации засад. Оружие, взрывные устройства и взрывчатые вещества поставляются более крупными террористическими организациями (PULO, BRN) либо незаконно изымаются у сил безопасности [6].

Сепаратистская организация Gerakan Mujahidin Islam Patani (GMIP) была создана в 1990 г. бывшими афганскими ветеранами, которые приняли решение о создании местного исламского государства в Паттани. Сегодня организация руководствуется крайне экстремистскими взглядами и распространяет идеи радикального ислама. Организация ответственна за нападения на военные конвои, полицейских и чиновников в сельской местности. При этом после проведения операций террористического характера боевики GMIP скрываются на территории Малайзии.

Barisan Bersatu Mujahidin Patani (BBMP), также известная как «Bersatu», была создана еще в 1989 г. с целью превращения в головную организацию по координации повстанческих действий на юге Таиланда. Вплоть до 2004 г. организация координировала деятельность BRN, GMIP, PULO в борьбе с официальными властями государства. Однако после ареста её лидеров в 2004 г. перестала существовать как коалиция, но при этом сохранилась как локальная террористическая группировка [12, p. 535–543].

Другой сепаратистской организацией, выступающей за национальное самоопределение и защиту национального меньшинства в лице малайских мусульман на юге Таиланда, является Объединённая организация освобождения Паттани (Pattani United Liberation Organization – PULO). Данная организация принимает активное участие в политической жизни южных районов Таиланда и ориентирована в своей деятельности на реализацию определенных задач политической программы. В частности, представители PULO считают, что вопрос о самоопределении может быть разрешён только через посредническое содействие со стороны Организации Объединённых Наций и правительств других государств. Организация PULO также выступает за большую свободу автономного управления для национального мусульманского меньшинства на территории Патани (регион, ко-

торый включает в себя такие провинции, как – Паттани, Наратхиват, Яла, Сатун и пять районов в провинции Сонгкхла). Кроме того, политическая программа PULO охватывает требования, связанные с необходимостью развития мусульманского права в Паттани и проведения образовательной реформы с учётом религиозно-культурных особенностей развития мусульманского этнического меньшинства. Важной задачей, которую организация ставит в своей политической борьбе, также является проведение референдума под международным наблюдением в целях выявления степени национального самоопределения и предрешения вопроса о возможной будущей сецессии. Интересно будет отметить, что PULO в своей политической борьбе прибегает как к насильственным методам вооруженной борьбы, так и к ненасильственной практике идеологического просвещения. Вооруженная борьба осуществляется посредством совершения нападений на представителей власти, а также взрывов и поджогов. В большинстве случаев вооруженная борьба сводится к диверсионно-террористической деятельности. Напротив, ненасильственные методы борьбы выражаются в распространении агитационных материалов среди молодежи в целях повышения уровня их идентичности этнических малайских мусульман [11, р. 39].

Террористическая деятельность, осуществляемая этими организациями, выражается в совершении убийств, вооружённых нападений, взрывов и поджогов. Действуя под лозунгом восстановления независимости Паттани, террористы убивают не только представителей государственной власти (солдаты, полицейские, чиновники), но и буддийских монахов, учителей (их погибло в общей сложности более 170 человек) и мусульман умеренного толка, которых они считают «коллораборационистами и предателями». На последних приходится 60% жертв террора. В каждой деревне скрываются повстанцы. Убийства, поджоги, подрывы объектов транспортной инфраструктуры происходят с постоянной периодичностью. При этом террористические акты осуществляются в большинстве случаев через совершение взрывов (1 481 случай) и поджогов (311 случаев), а также с применением огнестрельного оружия (1 448 случаев). В редких случаях террористическая деятельность осуществляется посредством уничтожения технических агрегатов (29 случаев) и нападения без использования оружия (53 случая) [19].

В наибольшей мере целями террористических атак являются граждане и их собственность (986 атак), коммерческие структуры (501 атака), вооруженные силы (481 атака), правоохранительные органы (459 атак) и государственные учреждения (403 атаки). В наименьшей степени подвержены террористическим угрозам средства массовой информации (19 атак), воздушный и морской транспорт (всего 8 атак), туристы (2 атаки).

3. Террористические угрозы в Индонезии

В отличие от Филиппин и Таиланда, уровень террористических угроз в Индонезии в современных условиях значительно ниже. По состоянию на 2016 г., в соответствии с Глобальным индексом терроризма Индонезия занимает 38-е место из 163 стран мира. В соответствии с отчетной информацией, представленной в Глобальной базе данных терроризма, в период с 2000 г. по 2015 г. в стране в общей сложности было совершено 500 террористических актов [9]. При этом наивысший пик террористической угрозы наблюдался в 2001 г., когда в общей сложности в стране было совершено 106 террористических актов. Удельный вес по отношению ко всей преступности террористического характера за весь отчетный период составил 21,2 %. В дальнейшем с 2002 г. по 2007 г. происходит последовательное снижение террористической активности, в результате чего в 2007 г. было совершено только 2 террористических акта. В 2008 и 2009 гг. наблюдается незначительная динамика террористической активности. За два года было совершено 17 террористических актов. Однако с 2010 г. по 2015 г. наблюдается резкий рост террористической преступности [9]. Всего за это время было совершено 157 террористических атак (31,4 % от всех преступлений террористического характера за пятнадцать лет).

Большинство террористических актов за данный период времени было совершено против гражданского населения (142 потерпевших), военных и полицейских (131 потерпевший), представителей бизнеса (82 потерпевших) и религиозных деятелей (38 потерпевших). В меньшей степени террористические акты были совершены против туристов (всего 4 потерпевших), журналистов (9 потерпевших), дипломатических представителей (12 потерпевших) и системы образования (18 потерпевших).

В настоящий момент в Индонезии можно выделить три категории организаций (политические движения), выступающих за политическую, культурную и религиозную модернизацию страны. Первая группа организаций – националистические исламисты – выступают за духовное и религиозное очищение страны с сохранением сложившейся системы власти и управления. Подобные политические организации ориентированы в своей деятельности не на свержение официальной власти в государстве, а на применение «мягкой силы», включая убеждения, пропаганду и распространение образовательных, религиозных и просветительских программ в целях изменения социальной ментальности и повышения религиозной сознательности. К таким организациям относятся Ласкар Джихад (Laskar Jihad) и Фронт Пембела Ислама (Front Pembela Islam).

Организация Ласкар Джихад действовала с 2000 г. по 2002 г. и позиционировала себя преимущественно как политическая группа, выступающая за обновление формы государственного правления с последующим созданием исламской системы власти и управления, основанной на шариатской религиозно-культурной платфор-

ме. Радикальная группа Фронт Пембела Ислама была создана в 1998 г. в качестве религиозно-политического образования суннитского толка. В своей деятельности группа руководствуется крайними радикальными и экстремистскими идеями, но считается, что четкой политической программы не имеет. В целом группу не представляется возможным отнести к традиционным террористическим акторам, так как террористическая деятельность с её стороны не зафиксирована. Вместе с тем, учитывая тот факт, что группа совершает преступления на почве ненависти (*hate crimes*), следует признать высокую вероятность возможного преобразования этой группировки в террористическую структуру.

Вторая группа объединений охватывает исламистов, которые рассматривают индонезийское государство как нелегитимное образование и выступают за создание теократического халифата. Представители этих организаций ставят своей целью создание нового религиозно-политического порядка, основанного на законах шариата, что объясняет систематические нападения на символы Западной цивилизации (например, фаст-фуды, караоке-бары, игровые залы и увеселительные заведения). Интересно будет отметить, что среди исламистов, объединённых под идеей создания в Индонезии единого исламского государства, помимо убеждённых джихадистов, присутствует большое количество представителей уголовной среды, которые финансируют движение за счёт ограблений предприятий и учреждений, принадлежащих «неверующим» [20].

Третья группа организаций представляет собой наиболее радикальные джихадистские террористические группировки, прибегающие к насилию как основному методу продвижения своих идей и стремящиеся к полному религиозному и национальному обновлению социальных отношений.

Среди наиболее опасных террористических группировок следует назвать Джемаа Исламия (*Jemaah Islamiyah*), Джамаа Аншарут Таухид (*Jamaah Ansharut Tauhid*) и Муджахидин Индонезия Тимур (*Mujahidin Indonesia Timur*).

Джемаа Исламия (*Jemaah Islamiyah*) – самая крупная террористическая организация в регионе. Организация была признана в качестве международной террористической группы в 2002 г. после совершения резонансного террористического акта в ночном клубе на острове Бали, при котором погибло 202 человека и еще более 300 человек получили ранения разной степени тяжести. Идеологическая сторона Джемаа Исламия заключается в стремлении создать суверенное государство – Исламский халифат, охватывающее территории Индонезии, Малайзии, южного Таиланда, Сингапура, Брунея и южной части Филиппин. При этом объекты её деятельности подразделяются на две категории: страны, представляющие собой непосредственные объекты террористических нападений, и так называемые «нейтральные страны», используемые как временные прибежища террористов и как территории, где аккумулируются финансовые средства террористических организаций и осуществляется отмывание денег [2, с. 164].

Об особой опасности данной террористической организации можно судить исходя из количества террористических актов, наступления неблагоприятных последствий и масштабов территориального распространения ее влияния. Так, с 2000 г. по 2013 г. только на территории Индонезии было совершено 57 террористических актов, убивших 302 человека и причинивших вред различной степени тяжести в отношении 985 лиц. Большинство террористических актов за этот период (66 % от всех совершенных атак) были совершены против религиозных деятелей и объектов духовно-религиозной системы. В 20 % случаев террористические акты были совершены против объектов предпринимательской деятельности, туристов, гражданского населения и их собственности. В меньшей степени группировка совершает террористические акции против государственных учреждений и их представителей (14 % от всех террористических актов). Вместе с тем преступная деятельность организации не ограничивается только территорией Индонезии. В соответствии с информацией, отраженной в Глобальной базе данных терроризма, за период с 2000 г. по 2013 г. на территории Филиппин организация совершила 23 террористических акта, убивших 62 человека, еще 329 потерпевших было ранено [19].

Террористические группировки Джамаа Аншарут Таухид (*Jamaah Ansharut Tauhid*) и Муджахидин Индонезия Тимур (*Mujahidin Indonesia Timur*) также выступают в качестве политико-религиозных проявлений агрессивного джихадизма.

Организация Джамаа Аншарут Таухид возникла в 2008 г. как самостоятельное ответвление от группировки Джамаа Исламия. Но, в отличие от Джамаа Исламия, группировка имеет зонтичную структуру, заключаемую в том, что её ячейки не имеют вертикальной системы подчинения. В основе организации заложен принцип автономности и оперативной самостоятельности при принятии решений в части осуществления террористической деятельности. Общая численность организации не превышает 3 тыс. человек.

Третьей и наиболее опасной группировкой принято считать группу Муджахидин Индонезия Тимур (МИТ). Численность группы не превышает 100 человек, однако её методы и тактика свидетельствуют о её устойчивости и крайней агрессивности. Кроме того, в специальной литературе отмечается, что, во-первых, террористическая группировка не входит в транснациональные сети, а как следствие – не является частью международного террористического интернационала и, во-вторых, финансирование террористической деятельности этой группы сводится к грабёжам банков, ювелирных магазинов, почтовых отделений, а также хакерским атакам на сайты организаций, занимающихся торговлей [23]. Между тем какие-либо деловые, организационные и коммерческие связи с Аль-Каидой и «Исламским государством» на сегодняшний день не наблюдаются. По этой причине закономерно сделать предположение о том, что группировка представляет собой замкнутое национально-религиозное объединение фанатически настроенных лиц, стремящихся реализовать джихадистские идеи насильственными методами.

4. Общие выводы относительно уровня террористических угроз в Юго-Восточной Азии

На сегодняшний день терроризм в Юго-Восточной Азии является актуальной угрозой для национальной и региональной безопасности в этом регионе. Терроризм, будучи социально-деструктивной угрозой в Юго-Восточной Азии, в большей степени проявляется в трех странах – Республика Филиппины, Королевство Таиланд и Республика Индонезия. Исследование количественных и качественных характеристик распространения терроризма в этих странах позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, объективным условием для распространения террористических угроз в Юго-Восточной Азии является существование террористических организаций, преследующих политические цели и выступающих против официальных властей. Такие организации в зависимости от мотивационного фактора своей деятельности можно подразделить на национально-сепаратистские и исламистские террористические организации. Национально-сепаратистские организации – такие политические объединения, группировки и движения, которые стремятся к выходу какой-то части страны из состава единого государства с последующим созданием своего государства, либо эти организации выступают за создание национальных автономий без сепарации. В некоторых случаях они также могут выступать за обновление страны и религиозное «очищение» нации. К таким организациям можно отнести: Барисан Революси Насионал-Координаси, Мусульманское движение моджахедов Патани, Объединенная организация освобождения Паттани (Таиланд), Новая народная армия (Филиппины).

Исламистские террористические организации выступают за проведение джихада и создание исламского государства, существующего по религиозным канонам и функционирующего как теократическая система власти. Представители этих организаций провозглашают лозунг панисламизма, как правило, действуют в масштабах всего региона и имеют связи с международными террористическими центрами. При этом транснациональный характер их преступной деятельности охватывает Таиланд, Индонезию, Филиппины, Малайзию, что объективно доказывает высокий уровень угрозы в отношении региональной безопасности в Юго-Восточной Азии. На сегодняшний день к таким организациям относятся: Абу Сайяф (Филиппины) и Джемаа Исламия (Индонезия, Филиппины).

Во-вторых, исследование количественных показателей террористической преступности за последние пятнадцать лет позволяет определить пики террористической активности. Например, во всех трёх странах наибольшее количество террористических актов было совершено в период с 2010 г. по 2015 г. Так, в Индонезии с 2010 г. по 2015 г. было совершено 157 террористических атак, что составляет 31,4 % от всех преступлений террористического характера за пятнадцать лет. В Та-

иланде с 2012 г. по 2014 г. было совершено 1 173 террористических акта, что составило 37,7 % от всех террористических актов за пятнадцать лет. На Филиппинах за период 2012–2014 гг. было совершено 1 495 террористических актов, что составляет 41,6 % от всех террористических актов за рассматриваемый период. В связи с этим можно предположить существование определённых условий, обуславливающих террористическую активность в странах Юго-Восточной Азии в рассматриваемый период. С определённой долей условности можно допустить, что вспышка терроризма в этом регионе связана в большей степени с распространением идеологии всеобщего джихада и стремлением реализовать идею построения единого исламского государства в мусульманском обществе. Кроме того, нельзя игнорировать коммерческие, организационные и идеологические отношения и связи, возникающие между террористическими организациями в Юго-Восточной Азии и предопределяющие консолидацию политического насилия в регионе.

В-третьих, удельный вес террористической преступности в Юго-Восточной Азии по отношению к мировым показателям в период 2000–2015 гг. составляет 8,5 % (фактически занимает четвёртое место после Ближнего Востока, Африки и Южной Азии). Вместе с тем не следует забывать, что скрытые террористические угрозы актуализируются за счёт распространения радикальных исламистских идей и существования перманентных социально-политических конфликтов в таких странах, как Таиланд, Индонезия и Филиппины. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов распространяемое влияние такой печально известной террористической организации, как «Исламское государство». Особенно остро влияние этой организации стало ощущаться в 2016 г., когда в Индонезии были совершены террористические акты при непосредственном участии сторонников «Исламского государства». По данным спецслужб, более 500 индонезийцев уехали на Ближний Восток, чтобы присоединиться к террористическому подполью «Исламского государства», и около 1 000 человек выражают сочувствие и поддержку исламским террористам [10]. Активизация деятельности группировки «Исламское государство» наблюдается также и на Филиппинах. Так, в 2017 г. террористами было осуществлено нападение на филиппинский город Марави, что привело к убийствам мирного населения, военнослужащих и полицейских. В результате агрессии группировки президент Филиппин Родриго Дутерте ввёл в районе Марави военное положение. В ходе контртеррористической операции было ликвидировано более 60 боевиков. О влиянии «Исламского государства» в Юго-Восточной Азии свидетельствуют также экспертные оценки, отражённые в отчёте Института политического анализа конфликтов. В отчёте, в частности, отмечается, что при возрастании потерь Исламского государства на Ближнем Востоке и увеличении стимулов к насилию в странах Юго-Восточной Азии группировка стремится обеспечить идеологическое, организационное и финансовое сотрудничество с локальными террористическими группами [15].

Вместе с тем следует понимать, что существуют объективные препятствия, мешающие широкомасштабному и интенсивному распространению группировки «Исламское государство» в странах Юго-Восточной Азии. Прежде всего следует сказать, что, в отличие от Сирии и Ирака, в странах АСЕАН действуют устойчивые политические режимы, пользующиеся поддержкой большинства населения и способные эффективно противостоять терроризму и экстремизму в любых проявлениях. Кроме того, в социальных системах стран Юго-Восточной Азии преобладают преимущественно тенденции к установлению гражданского мира. В подтверждение сказанному можно сослаться на такую статистическую характеристику, как Глобальный индекс мира по странам. Например, в 2016 г. высокий уровень гражданского мира наблюдается во Вьетнаме, Лаосе, Малайзии, Сингапуре, Брунее и Индонезии. Средний (но не критический) уровень мира прослеживается в Камбодже, Таиланде и Мьянме. И только Филиппины по индексу мира среди 163 стран занимают 139-е место, что характеризует страну как нестабильную в плане развития враждебных отношений в самом обществе. И, наконец, серьёзным препятствием в распространении радикальных исламистских идей является существование разных религиозно-культурных и конфессиональных систем, обуславливающих социально-психологическое непринятие насилия в качестве инструмента политической борьбы. Так, если обратить внимание на религиозную и конфессиональную структуру населения в рассматриваемых странах, то можно увидеть, что 94% населения Таиланда исповедуют буддизм, почти 93% населения на Филиппинах исповедуют христианство и только в Индонезии 88 % населения исповедуют ислам. Однако только 30-40% из них действительно следуют принципам ислама в своей повседневной жизни, в то время как остальные в той или иной степени придерживаются традиционных верований, считая при этом себя мусульманами [4]. Как было указано выше, Индонезия по уровню терроризма занимает только 38-е место из 163 стран мира, что делает эту страну относительно стабильной в части определения адекватного состояния террористической преступности в стране.

В заключение следует отметить, что терроризм в Юго-Восточной Азии является актуальной региональной угрозой, выражаемой в существовании устойчивых террористических организаций и высокой динамики совершения преступлений террористического характера. Существование террористического подполья особенно негативно проявляется на Филиппинах, в Таиланде и Индонезии, что дестабилизирует политическую, социальную и культурно-религиозную ситуацию на региональном уровне в целом. В то же время, на сегодняшний день всё ещё нет достаточных оснований утверждать, что в Юго-Восточной Азии сложились террористический сетевой интернационал наподобие группировки «Исламское государство» и социально-криминальный симбиоз между широкими слоями населения и преступными сообществами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогожина, Н. Г. Абу Сайяф – самая воинствующая терроризация Филиппин [Электронный ресурс] // NEO: Новое Восточное Обозрение. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2016/05/19/abu-sajyaf-samaya-voinstvuyushhaya-terorgani-zatsiya-filippin/>.
2. Гладченко, Л. В. Угроза новой волны исламского терроризма в Юго-Восточной Азии // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 4 (31). – С. 162–179.
3. Радикальный исламизм в Юго-Восточной Азии. Краткий обзор основных экстремистских организаций и их лидеров в странах АСЕАН [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/extremism-asean>.
4. Полонский, И. Религиозный радикализм в Юго-Восточной Азии. Может ли «ИГ» распространить влияние на Малайский архипелаг и Индокитай? [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – Режим доступа: <https://topwar.ru/84656-religioznuy-radikalizm-v-yugo-vostochnoy-azii-mozhet-li-ig-rasprostranit-vliyanie-na-malayskiy-arhipelag-i-indokitay.html>.
5. Bjelopera, J. P. The Domestic Terrorist Threat: Background and Issues for Congress [Электронный ресурс] // The Federation of American Scientists. – Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/terror/R42536.pdf>.
6. Chalk, P. The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand. Understanding the Conflict's Evolving Dynamic [Электронный ресурс] // The RAND Corporation. – Режим доступа: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP198.pdf.
7. Catherine, Z. R. Maritime Terrorism in Southeast Asia: A Risk Assessment // Terrorism and Political Violence. – 2006. – Vol. 18. – P. 239–257.
8. Foreign Terrorist Organizations [Электронный ресурс] // United States Department of State. – Режим доступа: <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2015/257523.htm>.
9. Global Terrorism Index 2017 [Электронный ресурс] // Vision of Humanity. – Режим доступа: <http://visionofhumanity.org/indexes/terrorism-index/>.
10. Parameswaran, P. Islamic State Attack in Indonesia? A Look at the 2016 Jakarta Bombings [Электронный ресурс] // The Diplomat. – Режим доступа: <http://thediplomat.com/2016/01/islamic-state-attack-in-indonesia-a-look-at-the-2016-jakarta-bombings/>.
11. Kusuma, B. M. Pattani United Liberation Organization: From Jihad to Local Politics Movement / B. M. Kusuma, O. Theresia // The Indonesian Journal of Public Administration. – 2016. – Vol. 2, no. 1. – P. 33–44.
12. Liow, J. C. The Security Situation in Southern Thailand: Toward an Understanding of Domestic and International Dimensions // Studies in Conflict & Terrorism. – 2004. – Vol. 27. – P. 531–548.

13. McKenzie, O'Brien. Fluctuations Between Crime and Terror: The Case of Abu Sayyaf's Kidnapping Activities // *Terrorism and Political Violence*. – 2012. – Vol. 24, no. 2. – P. 320–336.

14. Newman, D. Into the millennium: The study of international boundaries in an era of global and technological change // *Boundary and Security Bulletin*. – 2000. – Vol. 7, no. 4. – P. 63–71.

15. Pro-ISIS Groups in Mindanao and Their Links to Indonesia and Malaysia. 25 October 2016. IPAC Report No. 33 [Электронный ресурс] // Institute for Policy Analysis of Conflict. – Режим доступа: http://file.understandingconflict.org/file/2016/10/IPAC_Report_33.pdf.

16. Romero, A. DND admits recent surge in NPA numbers [Электронный ресурс] // *The Philippine Star*. – Режим доступа: <http://www.philstar.com/headlines/2017/02/07/1670024/dnd-admits-recent-surge-npa-numbers>.

17. The Terrorist Threat to the US Homeland [Электронный ресурс] // The Director of National Intelligence serves. – Режим доступа: https://www.dni.gov/files/documents/NIE_terrorist%20threat%202007.pdf.

18. Cragin, K. The Dynamic Terrorist Threat. An Assessment of Group Motivations and Capabilities in a Changing World [Электронный ресурс] / K. Cragin, S. A. Daly // The RAND Corporation. – Режим доступа: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR1782.pdf.

19. The Global Terrorism Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?chart=target&casualties_type=b&casualties_max=&start_yearonly=2000&end_yearonly=2015&dtp2=all&country=205.

20. Chalk, P. The Evolving Terrorist Threat to Southeast Asia. A Net Assessment [Электронный ресурс] / P. Chalk, A. Rabasa, W. Rosenau, L. Piggott // The RAND Corporation. – Режим доступа: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG846.pdf.

21. Tan-Mullins, M. Armed Conflict and Resolutions in Southern // Thailand, *Annals of the Association of American Geographers*. – 2009. – Vol. 99, no. 5. – P. 922–931.

22. Wolfendale, J. Terrorism, Security and The Threat of Counterterrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2007. – No. 30. – P. 75–92.

23. Zenn, J. East Indonesian Islamist Militants Expand Focus and Area of Operations [Электронный ресурс] // *Terrorism Monitor*. – 2013. – Vol. 11, iss. 11. – Режим доступа: <https://jamestown.org/program/east-indonesian-islamist-militants-expand-focus-and-area-of-operations/>.

REFERENCES

1. Rogozhina N.G. Abu Saiyaf – samaya voinstvuyushchaya terorganizatsiya Filipin [Abu Saiyaf is the most militant theorganization the Philippines]. *NEO: Novoe Vostochnoe Obozrenie*. Available at: <http://ru.journal-neo.org/2016/05/19/abu-sajyaf-samaya-voinstvuyushchaya-terorganizatsiya-filippin/> (accessed 16 May 2017).
2. Gladchenko L.V. Ugroza novoi volny islamskogo terrorizma v Yugo-Vostochnoi Azii [Threat of a new wave of Islamic terrorism in South-East Asia]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2015, vol. 31, no. 4, pp. 162–179.
3. Radical Islamism in Southeast Asia. Brief overview of the main extremist organizations and their leaders in the ASEAN countries. *Russian international Affairs Council*. Available at: <http://russiancouncil.ru/extremism-asean> (accessed 16 May 2017). (In Russian).
4. Polonskii I. Religiozni radikalizm v Yugo-Vostochnoi Azii. Mozhet li «IG» rasprostranit' vliyanie na Malaiskii arhipelag i Indokitai? [Religious radicalism in Southeast Asia. Can the "IG" to extend the influence of the Malay Archipelago and Indochina?]. *Voennoe obozrenie*. Available at: <https://topwar.ru/84656-religioznyy-radikalizm-v-yugo-vostochnoy-azii-mozhet-li-ig-rasprostranit-vliyanie-na-malayskiy-arhipelag-i-indokitay.html> (accessed 16 May 2017).
5. Bjelopera J.P. The Domestic Terrorist Threat: Background and Issues for Congress. *The Federation of American Scientists*. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/terror/R42536.pdf> (accessed 16 May 2017).
6. Chalk P. The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand. Understanding the Conflict's Evolving Dynamic. *The RAND Corporation*. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP198.pdf (accessed 16 May 2017).
7. Catherine Z.R. Maritime Terrorism in Southeast Asia: A Risk Assessment. *Terrorism and Political Violence*, 2006, vol. 18, pp. 239–257.
8. Foreign Terrorist Organizations. *United States Department of State*. Available at: <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2015/257523.htm> (accessed 16 May 2017).
9. Global Terrorism Index 2016. *Vision of Humanity*. Available at: <http://visionofhumanity.org/indexes/terrorism-index/> (accessed 16 May 2017).
10. Parameswaran P Islamic State Attack in Indonesia? A Look at the 2016 Jakarta Bombings. *The Diplomat*. Available at: <http://thediplomat.com/2016/01/islamic-state-attack-in-indonesia-a-look-at-the-2016-jakarta-bombings/> (accessed 16 May 2017).
11. Kusuma B.M., Theresia O. Pattani United Liberation Organization: From Jihad to Local Politics Movement. *The Indonesian Journal of Public Administration*, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 33–44.

12. Liow J. C. The Security Situation in Southern Thailand: Toward an Understanding of Domestic and International *Dimensions*. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2004, vol. 27, pp. 531–548.

13. McKenzie O'Brien. Fluctuations Between Crime and Terror: The Case of Abu Sayyaf's Kidnapping Activities. *Terrorism and Political Violence*, 2012, vol. 24, no. 2, pp. 320–336.

14. Newman D. Into the millennium: The study of international boundaries in an era of global and technological change. *Boundary and Security Bulletin*, 2000, vol. 7, no. 4, pp. 63–71.

15. Pro-ISIS Groups in Mindanao and Their Links to Indonesia and Malaysia. 25 October 2016. IPAC Report No. 33. *Institute for Policy Analysis of Conflict*. Available at: http://file.understandingconflict.org/file/2016/10/IPAC_Report_33.pdf (accessed 16 May 2017).

16. Romero A. DND admits recent surge in NPA numbers. *The Philippine Star*. Available at: <http://www.philstar.com/headlines/2017/02/07/1670024/dnd-admits-recent-surge-npa-numbers> (accessed 16 May 2017).

17. The Terrorist Threat to the US Homeland. *The Director of National Intelligence serves*. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/NIE_terrorist%20threat%202007.pdf (accessed 16 May 2017).

18. Cragin K., Daly S. A. The Dynamic Terrorist Threat. An Assessment of Group Motivations and Capabilities in a Changing World. *The RAND Corporation*. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR1782.pdf (accessed 16 May 2017).

19. The Global Terrorism Database. Available at: http://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?chart=target&casualties_type=b&casualties_max=&start_yearonly=2000&end_yearonly=2015&dtp2=all&country=205 (accessed 16 May 2017).

20. Chalk P., Rabasa A., Rosenau W., Piggott L. The Evolving Terrorist Threat to Southeast Asia. A Net Assessment. *The RAND Corporation*. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG846.pdf (accessed 16 May 2017).

21. Tan-Mullins M. Armed Conflict and Resolutions in Southern. *Thailand, Annals of the Association of American Geographers*, 2009, vol. 99, no. 5, pp. 922–931.

22. Wolfendale J. Terrorism, Security and The Threat of Counterterrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2007, no. 30, pp. 75–92.

23. Zenn J. East Indonesian Islamist Militants Expand Focus and Area of Operations. *The Jamestown Foundation*. Available at: <https://jamestown.org/program/east-indonesian-islamist-militants-expand-focus-and-area-of-operations/> (accessed 16 May 2017).

УДК 343.272(510)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-2-3/191-203

Ю.В. Аверьянова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: averianova.iuv@students.dvfu.ru

ИСТОРИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ КИТАЯ

Аннотация. В статье на основе ретроспективного анализа предпринимается попытка рассмотреть особенности формирования и развития института конфискации имущества в уголовном праве Китая. Приводятся положения о конфискации, содержащиеся в уголовных установлениях Древнего Китая, в уголовном законодательстве периода политических реформ в последние годы правления династии Цин, в нормативно-правовых актах периода новодемократической революции, а также положения о конфискации имущества, регламентированные в Уголовном кодексе КНР 1979 г. и в Уголовном кодексе КНР 1997 г. Делается вывод о том, что при сохранении своего концептуального ядра, заключающегося в «отобрании в казну», данное понятие в тот или иной период своего развития расширялось, сужалось и преобразовывалось, а также менялись цели и основания применения данной меры. На первом этапе связь изъятия имущества с обращением в рабство родственников преступника отражала традиционные представления о наказании как возмездии за совершённое преступление. Прогрессивное реформирование цинского уголовного законодательства на основе уголовно-правового опыта зарубежных стран привело к тому, что конфискация не только перестала быть связанной с принципом общественной ответственности, но и законное имущество преступника не подлежало конфискации, если оно не имело отношения к совершению преступления. Однако впоследствии конфискация превратилась в одно из средств революционного уголовного права. На сегодняшний день в Китае можно выделить три формы изъятия имущества преступника: общая конфискация, специальная конфискация, специальный порядок конфискации. В статье рассматриваются современные тенденции развития данного правового института в Китае в рамках усиления транснационального ха-

¹ Юлия Валерьевна Аверьянова, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Аверьянова Ю.В. История и тенденции развития института конфискации имущества в уголовном праве Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 191–203.

рактера преступности, необходимости принятия эффективных мер по противодействию терроризму и коррупции, а также с учётом проблемы имплементации международно-правовых норм. В дальнейшем результаты, полученные в ходе данного исследования, могут быть положены в основу комплексного сравнительно-правового анализа института конфискации имущества в уголовном праве России и Китая, а опыт Китая в сфере реализации международно-правовых норм в национальном законодательстве может быть учтён при выработке предложений по совершенствованию правового механизма изъятия имущества, связанного с совершением преступления.

Ключевые слова: общая конфискация, специальная конфискация, общесемейная ответственность, специальный порядок конфискации, противозаконно приобретённое имущество, Китай, имплементация международно-правовых норм, противодействие коррупции, преступления террористической направленности.

*Yulia V. Averyanova*¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: averianova.iuv@students.dvfu.ru

HISTORY AND DEVELOPMENT TENDENCY OF CONFISCATION OF PROPERTY IN CRIMINAL LAW OF CHINA

Abstract. The article relies on the retrospective analysis while outlining the characteristics of formation and development of the property confiscation law in the Chinese legislation. The article cites provisions on confiscation stipulated by the penal codes of ancient China, by the criminal law of the period of political reforms in the last years of the Qing Dynasty, in the legal acts of the period of the New Democratic Revolution, as well as the provisions on the confiscation of property under the PRC Criminal Law (1979) and the PRC Criminal Law (1997). The article concludes that while maintaining its conceptual core, i.e. "transfer to the treasury," in a certain period of its development this concept was extended, narrowed and reformed; its purposes and conditions of application of this measure were changed. At the early stage, the connection between deprivation of property and conversion of offender's family to the slavery reflects the traditional idea of punishment as a retribution for crime. Progressive reforms of the Qing criminal law on the basis of crimi-

¹ Yulia V. Averyanova, postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Averyanova Yulia V. History and development tendency of confiscation of property in criminal law of China // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 2–3. P. 191–203.

nal law experience of foreign countries led to the situation that confiscation ceased to be connected with the principle of guilt by association, and offender's legal property was not subject to confiscation if it had no relation to the commission of a crime. However, later confiscation was transformed into a method of the revolutionary criminal law. Nowadays, there are three forms of deprivation of offender's property in China: general confiscation, special confiscation and special procedure of confiscation. The article represents modern trends of development of this legal institute in China in the context of a strengthening transnational nature of crimes, the need for effective measures to combat terrorism and corruption, as well as in the context of implementing the international law. Results obtained by this research can be used as a basis for a comprehensive comparative legal analysis of confiscation of property provided by the criminal law of Russia and China, and China's experience in implementing international provisions in the domestic legislation can be taken into consideration when formulating suggestions to improve the legal mechanism of deprivation of property connected with commission of a crime.

Key words: general confiscation, special confiscation, guilt by association, special procedure of confiscation, illegally obtained property, China, implementation of international law, fight against corruption, terrorist-orientated crimes.

Как справедливо указывал известный русский правовед Н. С. Таганцев, «если мы желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, т.е. те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своём историческом развитии» [1, с. 21].

Для разрешения многих вопросов, касающихся конфискации имущества в современном уголовном праве Китая (таких как дискуссия об отмене общей конфискации, которую китайский ученый метафорично обозначил как «смертную казнь в системе имущественных наказаний» [2]; необходимость законодательного совершенствования специальной конфискации и установления её места в системе уголовно-правовых мер), следует не только четко определить, что представляют собой данные понятия на сегодняшний день, как они согласуются с современной правовой мыслью Китая и факторами, лежащими вне самого права, но также необходимо учесть исторический путь формирования и развития института конфискации имущества в Китае. Поскольку в рамках данной статьи нет реальной возможности представить детальное описание всего пути развития института конфискации имущества в период правления каждой династии, постольку в работе будут рассмотрены наиболее значимые, связанные с определёнными преобразованиями этапы развития данного правового института в Китае.

Зарождение и развитие института конфискации имущества в Китае

Когда же в Китае зародилась конфискация имущества как вид наказания? Существуют различные точки зрения относительно этого вопроса. Так, одни исследователи считают, что в Китае институт конфискации имущества начинает формироваться в период рабовладельческого строя династии Чжоу. Вслед за развитием производства и расширением экономических потребностей наделной системы в период Западной Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.) наблюдалось определённое изменение экономического статуса рабов: они могли располагать небольшим количеством личных средств к существованию и средств производства. Это, в свою очередь, создало определённые социально-материальные условия для применения конфискации имущества как вида наказания [3]. Другая часть учёных все же полагает, что конфискация имущества как вид наказания появляется в период Чжаньго (V–III вв. до н. э.), когда только происходит переход к феодализму. В рабовладельческом обществе не существовало предпосылок для развития института конфискации имущества в силу особенностей экономического и общественного строя того времени: рабы являлись частной собственностью рабовладельцев, они не обладали личной свободой и имуществом, соответственно не приходилось говорить о конфискации имущества в отношении тех, кто его просто не имел. Кроме того, в Западной Чжоу все земли и подданные номинально принадлежали чжоускому вану. Конфискация имущества чжухоу равнялась конфискации собственного имущества правителя, что было лишено всякого смысла [3].

Впервые конфискация имущества была четко регламентирована в «Книге законов» (Фа цзин) государства Вэй периода Чжаньго. Предусмотренная в «Книге законов» правовая мера «описание» (ци) как раз представляет собой конфискацию имущества как уголовное наказание. Вместе с тем китайские учёные подчёркивают, что применение такой меры, как «описание», не сводилось только к изъятию и обращению в казну имущества преступника. Содержание данной меры было связано с принципом общесемейной ответственности и включало в себя обращение в рабство родственников преступника, а непосредственно изъятие имущества являлось второстепенным, дополнительным результатом [4, с. 80]. В самих положениях о конфискации не содержалось прямого указания на изъятие имущества. Так, например, «всякий, кто совершит критику государственных законов и указов, карается смертной казнью, род его семьи и род его жены следует описать».

Во времена династии Цинь (221–207 до н.э.) конфискация имущества назначалась в качестве дополнительного наказания за тяжкие государственные преступления и служила, по мнению китайских ученых, для усиления степени жестокости наказания [4, с. 78]. В редких случаях данная мера применялась за совершение преступлений небольшой тяжести, в частности, для достижения политической цели «уделять внимание сельскому хозяйству, отодвинуть на второй план торговлю»

данная мера назначалась преступникам, пренебрегшим развитием сельского хозяйства [3]. В этот период мера «описание и отображение» (ци мо) также была связана с обращением в рабство родственников преступника. В «Поиске сокрытого в “Исторических записках”» давалось следующее её толкование – «описать и отобрать его всю семью есть обратить всех в рабство».

Законодательство династии Хань (206 до н.э.–220 н.э) предусматривало «отображение в казну» (мо гуань). В то же время наметилось формирование института специальной конфискации. Так, согласно законодательству того времени, оружие, использованное для совершения убийства, подлежало изъятию и обращению в доход уездных властей; телеги, лошади, на которых проезжали по стратегическим дорогам, также подлежали конфискации.

Во времена династии Суй (581–618) конфискации не входила в систему пяти видов наказаний, однако широко применялась совместно с любым из основных наказаний, к которым относились битьё тонкими и толстыми палками, каторга, ссылка и смертная казнь. Причем, как отмечает Ван Чжипэн, «так как законодательно не было определено, в отношении каких преступлений возможно дополнительно назначать конфискацию, и к тому же конфискации имущества преступника была выгодна для государственной казны, всё это привело к тому, что суйские правители были особенно благосклонны к данной мере» [3].

Кодекс династии Тан (618–907), созданный на основе исторического законодательного опыта, «знаменовал собой завершение процесса становления китайской правовой мысли» [5, с. 21]. В указанном уложении уже чётко были разделены близкие к современным понятия общей и специальной конфискации, исходя из её предмета. Конфискации определённого имущества включала в себя конфискацию запретных вещей, находящихся в преступном владении, и предмета взяточничества, при котором обе стороны совершают преступление. Общая конфискации применялась в качестве дополнительного наказания за такие преступления, входившие в группу «десяти зол», как умысел восстания против и умысел великой строптивости. Так, согласно «Уголовным установлениям Тан с разъяснениями» «все, кто умыслил Восстание против или совершил Великую строптивость, наказываются обезглавливанием. Их отцы и сыновья 16 лет и старше все наказываются удушением, а сыновья 15 лет и младше, а также матери, дочери, жёны и наложницы, деды и внуки по мужской линии, старшие и младшие братья, старшие и младшие сёстры, равно как их буцои, а также их имущество, поля и постройки – всё конфискуется в казну [6]. Таким образом, конфискации имущества, регламентированная в законодательстве династии Тан, по-прежнему была неразрывно связана с обращением в рабство родственников преступника, что «свидетельствует о том, что в Древнем Китае, где господствовала феодальная автократия, даже в самом прогрессивном, самом умеренном феодальном своде законов не смогли реализоваться принцип гуманизма и принцип личной ответственности» [3].

В период династии Юань (1271–1368) вслед за постепенным развитием товарного хозяйства стало расти число преступлений в экономической сфере, что привело к усилению законодательного регулирования ответственности за данные преступные деяния, ужесточению санкций, расширилась также и сфера применения конфискации имущества. По законодательству династии Юань конфискация могла назначаться не только за тяжкие преступления против государства, данная мера также широко применялась и в отношении экономических преступлений. Так, согласно «Установлению о чае династии Юань» «всякий, кто, нарушая закон, промышляет контрабандным чаем, наказывается семьюдесятью палками. Контрабандный чай частично конфискуется в казну, частично отдается в качестве вознаграждения лицу, донесшему на них властям» [7, с. 27]. Кроме этого, законодательство династии Юань предусматривало конфискацию контрабандных соли, шёлка, зерна, оружия, золотых, серебряных и медных монет и т.д.

В последующем вплоть до перестройки китайского законодательства в последние годы правления династии Цин понятие конфискации имущества не претерпело каких-либо значительных изменений.

«После Опиумной войны 1840 г. Китай как закрытое от внешнего мира государство был разбужен орудийным огнём захватчиков. Западная культура с западной цивилизацией были массово введены в страну. Нововведения, в частности, коснулись и уголовного права, и уголовно-правовой теории» [8]. В результате в 1911 г. было принято Новое уголовное уложение династии Цин, которое копировало зарубежное уголовное законодательство (в основном Японии, а также Франции, Германии), заимствовав систему наказаний капиталистических стран. Наказания в нём были разделены на основные и дополнительные, к последним была отнесена конфискация имущества. Однако с точки зрения содержания конфискация, предусмотренная Новым уголовным уложением династии Цин, отличалась от конфискации «мо гуань» и «цзи мо», свойственной традиционным китайским установлениям. Новая конфискация могла применяться только в отношении запрещённых предметов, незаконно произведенных или находящихся в собственности; предметов, использованных или предназначенных для совершения преступления; а также предметов, добытых в результате совершения преступления. Таким образом, новое цинское уголовное законодательство ограничило сферу применения конфискации лишь имуществом, имеющим отношение к совершению преступного деяния, отказавшись от общей конфискации.

После падения династии Цин Временное уголовное уложение Китайской Республики, а также Уголовный кодекс Китайской Республики 1928 г. и Уголовный кодекс Китайской Республики 1935 г. сохранили конфискацию имущества в качестве дополнительного вида наказания. Конфискации подлежали запрещённые предметы, предметы, использованные или предназначенные для совершения пре-

ступления, а также имущество, добытое в результате преступления. В то же время, исходя из политических потребностей, гоминьдановское правительство в некоторых положениях специального уголовного права (например, в «Положении о наказании за мятеж», «Положении об изобличении и уничтожении в период подавления мятежа коммунистических шпионов») предусмотрело и общую конфискацию, т.е. конфискацию всего имущества, принадлежащего преступнику.

В период первой гражданской войны компартия Китая рассматривала конфискацию земель помещиков и её передачу крестьянам в качестве основной политической установки и основного революционного средства [7, с. 31]. Так, например, «Временные положения провинции Хубэй о наказании тухао и лешэнь» предусматривали конфискацию имущества как вид дополнительного наказания. В зависимости от тяжести преступления помимо основного наказания в отношении мироедов и деревенских эксплуататоров применялась конфискация всего или части имущества.

В ходе второй гражданской войны вслед за установлением и расширением Красной власти практически все уголовно-правовые акты революционных баз содержали положения о таком виде наказания, как конфискация имущества. Так, согласно «Директиве народного комитета Китайской Советской Республики» (1934 г.) имущество, принадлежащее землевладельцам, торговцам и капиталистам, занимающимся контрреволюционной деятельностью, подлежало конфискации в полном объеме.

Во время войны против японских захватчиков национальные противоречия стали усиливаться, во внутригосударственной обстановке произошли изменения. Народная власть направила острие борьбы против изменников и контрреволюционеров, и конфискация имущества стала применяться уже не в отношении помещиков, а в отношении предателей родины. Так, в соответствии с «Положением Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся о наказании изменников в период антияпонской войны» измена наказывалась лишением свободы или смертной казнью с дополнительной конфискацией всего имущества или штрафом.

После победы в антияпонской войне во внутригосударственной политике Китая вновь произошли изменения. «Указания ЦК КПК о «сведении счётов», о снижении арендной платы и по земельному вопросу» от 4 мая 1946 г. фактически явились закрытой партийной директивой о переходе к политике конфискации помещичьей земли [9, с. 597].

Конфискация имущества в Уголовном кодексе Китайской Народной Республики 1979 г. и в Уголовном кодексе Китайской Народной Республики 1997 г.

После образования Нового Китая страна вступила на путь строительства социализма, отбросив свод законов гоминьдановского правительства и позаимствовав законодательный опыт Советского Союза. Конфискация всего или части имущества

была регламентирована в таких отдельных правовых актах, как «Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность», «Положение о наказаниях за коррупцию» и т.д. В проекте Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) 1950 г., который так и не вступил в силу, конфискация была предусмотрена в качестве уголовного наказания. Конфискации подлежали 1) предмет, образующий преступление; 2) предмет и выгоды, полученные в результате преступления; 3) предмет, использованный при совершении преступления; 4) а также всё имущество или часть имущества, принадлежащего преступнику и не входящего в первые три вида. Таким образом, понятие конфискации, предложенное в проекте Уголовного кодекса, включало в себя как общую, так и специальную конфискацию.

В 1979 г. в Китае был принят УК КНР, который официально признал статус общей конфискации как вида дополнительного наказания, определил сферу применения данной меры – конфискация применялась в отношении имущества, принадлежащего преступнику, и не могла распространяться на имущество его родственников. В УК КНР 1979 г. также чётко были разграничены общая конфискация и специальная конфискация. Общая конфискация означала конфискацию всего или части имущества, принадлежащего преступнику. Конфискация как вид наказания предусматривалась в основном за контрреволюционные преступления и тяжкие преступления экономической направленности. В отличие от общей конфискации, чья правовая природа была чётко определена (она была отнесена к уголовному наказанию), вопрос о правовой природе специальной конфискации не был разрешён. Законодатель не пошёл по пути проекта УК КНР 1950 г., где специальная конфискация была отнесена к виду наказания. В УК КНР 1979 г. данная мера была помещена в параграф «Назначение наказания» главы «Применение наказания». Согласно ст. 60 УК КНР 1979 г., все имущество, противоправно приобретённое преступником, подлежит изъятию либо оно должно быть возмещено; запрещённые предметы и имущество, принадлежащее преступнику и использованное при совершении преступления, подлежат конфискации.

В УК КНР 1997 г. положения об общей и специальной конфискации были усовершенствованы. Так, применение конфискации всего имущества было ограничено. Согласно ст. 59 УК КНР «при конфискации всего имущества следует сохранить необходимый прожиточный минимум для самого осужденного и членов его семьи, находящихся у него на иждивении». В положение о специальной конфискации также было внесено важное с точки зрения гарантии прав третьих лиц дополнение – «законная собственность потерпевшего должна быть своевременно ему возвращена». В то же время правовая природа специальной конфискации, регламентированной в ст. 64 УК КНР, до сих пор остаётся законодательно неопределённой.

Тенденции развития института конфискации имущества в Китае

Одной из тенденций развития конфискации имущества как вида дополнительного наказания в Китае является расширение сферы её применения. Если в УК КНР 1979 г. данная мера в качестве дополнительного наказания была предусмотрена 23 статьями, то уже в УК КНР 1997 г. сфера применения общей конфискации была расширена – данная мера была регламентирована в 60 статьях и применялась в отношении 72 составов преступлений, что составляет 16, 3% от общего количества преступлений, уставленных в Особенной части УК КНР [7, с. 39]. Здесь стоит подчеркнуть, что и на сегодняшний момент, несмотря на высказывающиеся в научных кругах Китая предложения об отмене общей конфискации, китайские законодатели не спешат вычеркивать её из уголовно-правового арсенала мер борьбы с преступностью, а, наоборот, расширяют сферу применения общей конфискации. Так, Поправки к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (№ 9), принятые в 2015 г., ввели имущественные наказания в виде штрафа или общей конфискации в отношении ряда преступлений террористической направленности. В то же время отчетливо виден и ограничительный характер применения данной меры. Если рассматривать преступления террористической направленности, то конфискация как дополнительное наказание предусматривается за организацию и руководство террористической организацией, в некоторых случаях дается альтернатива – штраф или конфискация, в остальных же случаях применяется штраф как дополнительное имущественное наказание.

Другая тенденция развития института конфискации связана с имплементацией международно-правовых норм в национальное законодательство Китая.

В настоящее время в Китае в условиях политики нулевой терпимости в отношении терроризма, а также жёсткой, решительной борьбы с преступлениями коррупционной направленности изъятие материальных источников преступной деятельности и доходов от неё становится важным способом противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям террористической направленности, оказывающим отрицательное влияние на общественный, экономический порядок и порядок управления.

Современные особенности состояния, структуры и динамики преступности в Китае свидетельствуют о том, что для того, чтобы должным образом реагировать на ее вызовы и угрозу, необходимо повышать эффективность различных мер противодействия преступности, в том числе и института конфискации имущества. Как отмечает Мао Синцинь, «вслед за всемирной экономической глобализацией и усилением степени интеграции с каждым днём возрастает и транснациональная преступность. А преступники после совершения преступления с целью избежать наказания скрываются или сбегают в другую страну» [10, с. 59]. В подобных ситуациях уже не работает привычный механизм изъятия имущества, связанного с преступ-

ным деянием, так как лицо, совершившее преступление, не может быть подвергнуто уголовному преследованию по причине смерти, бегства или укрывательства. Соответственно в подобных ситуациях исключено вынесение обвинительного приговора, и применение конфискации в отношении имущества, приобретённого в результате совершения преступления или же являющегося источником преступной деятельности, также будет невозможно, хотя будут существовать доказательства того, что имущество связано с совершением преступления.

О необходимости изъятия во всех случаях любых средств, используемых в целях совершения преступления, а также доходов от преступной деятельности говорится во многих международно-правовых актах. Среди них Конвенция ООН против коррупции является актом, содержащим специальные положения о конфискации без обвинительного приговора. Согласно подпункту «с» п. 1 ст. 54 Конвенции ООН против коррупции каждое государство-участник рассматривает вопрос о принятии таких мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы создать возможность для конфискации имущества без вынесения приговора в рамках уголовного производства по делам, когда преступник не может быть подвергнут преследованию по причине смерти, укрывательства или отсутствия или в других соответствующих случаях.

В 2012 г. в Китае с целью реализации в национальном законодательстве указанного выше положения был введен механизм конфискации имущества в случае смерти или бегства лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления коррупционной или террористической направленности. Так, согласно ст. 280 Уголовно-процессуального кодекса Китайской Народной Республики по делам, связанным с такими тяжкими преступлениями, как коррупционные преступления, преступления террористической направленности, в случае бегства подозреваемого или обвиняемого и неявки его по прошествии года после объявления его в розыск или же в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, если существует подлежащее изъятию в соответствии с уголовным законодательством противозаконно приобретённое им имущество или иное имущество, имеющее отношение к делу, народная прокуратура может обратиться в народный суд с ходатайством о конфискации противозаконно приобретенного имущества. Таким образом, в рамках имплементации международно-правовых норм и исполнения обязанностей, предусмотренных ратифицированной Китаем Конвенцией ООН против коррупции, с учётом опыта других стран, в соответствии с национальной обстановкой и криминологической ситуацией, Китай ввёл в своё уголовно-процессуальное законодательство действенный механизм, позволяющий изымать имущество, связанное с преступлениями коррупционной и террористической направленности, в случае смерти или бегства подозреваемого или обвиняемого.

Проведённый анализ свидетельствует о том, что институт конфискации имущества в Китае прошёл долгий путь развития, определяемый многими факторами: право-

вой мыслью, этикой, экономикой, политикой и т.д. При сохранении своего концептуального ядра, заключающегося в «отобрании в казну», данное понятие в тот или иной период своего развития расширялось, сужалось и преобразовывалось, а также менялись цели и основания применения данной меры. На первом этапе связь изъятия имущества с обращением в рабство родственников преступника отражала традиционные представления о наказании как возмездии за совершённое преступление и согласовывалось с такой целью наказания, как устрашение (накажи одного человека, и люди Поднебесной испугаются). Прогрессивное реформирование цинского уголовного законодательства на основе уголовно-правового опыта зарубежных стран привело к тому, что конфискация не только перестала быть связанной с принципом общесемейной ответственности, но и законное имущество преступника не подлежало конфискации, если оно не имело отношения к совершению преступления. Однако впоследствии конфискация превратилась в одно из средств революционного уголовного права. На сегодняшний день в Китае можно выделить три формы изъятия имущества преступника. Во-первых, это общая конфискация, сфера применения которой расширяется китайским законодателем, несмотря на неоднократно высказывающиеся в научных кругах предложения о её отмене. Во-вторых, это конфискация имущества, связанного с преступным деянием. В уголовном законодательстве Китая до сих пор не определена её правовая природа. В-третьих, это специальный порядок конфискации, заключающийся в конфискации противоправно приобретенного имущества в случае смерти, бегства подозреваемого или обвиняемого по делам, связанным с коррупционными преступлениями и преступлениями террористической направленности. Данный правовой механизм представляет собой реализацию международно-правовых норм и отвечает современным потребностям противодействия преступности. Подобный опыт Китая может быть учтён в России при законодательном совершенствовании правовых механизмов изъятия имущества, связанного с совершением преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таганцев, Н. С. Курс уголовного права. Вып. 1 / Н. С. Таганцев. – СПб., 1874. – VI, 284, VIII с.
2. Размышления об институте конфискации имущества в Китае [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://ynmzfy.chinacourt.org/article/detail/2015/12/id/1759918.shtml>. – Кит.
3. Ван, Чжипэн. О наказании в виде «описания и изъятия» в уголовном законодательстве Древнего Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-9495600777671.html>. – Кит.
4. Ма, Дэнминь. Исследование имущественных наказаний / Ма Дэнминь, Сюй Аньчжу. – Пекин : Чжунго цзяньча чубаньшэ, 2004. – 435 с. – Кит.

5. Коробеев, А. И. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование / А. И. Коробеев, Лун Чанхай. – М., 2013. – 184 с.
6. Уголовные установления Тан с разъяснениями / пер. В. М. Рыбакова [Электронный ресурс] // Восточная Литература. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VII/640-660/Tan_ug_Zakon_3/frameset1.htm.
7. Яо, Бэй. Исследование конфискации имущества / Яо Бэй. – Пекин : Чжунго чжэнфа дасюэ чубаньшэ, 2011. – 263 с. – Кит.
8. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 549 с.
9. История Китая : учебник / под ред. А. В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во МГУ, Высш. шк., 2002. – 736 с.
10. Мао, Синцинь. Исследование специального порядка конфискации противозаконно приобретенного имущества / Мао Синцинь. – Пекин : Чжунго цзяньча чубаньшэ, 2014. – 262 с. – Кит.

REFERENCES

1. Tagantsev N.S. *Kurs ugovnogo prava* [The Course of Criminal Law]. Vol. 1. St. Petersburg, 1874. VI, 284, VIII. (In Russian).
2. *Reflections on the Institute of Confiscation of Property in China*. Available at: <http://nymzfy.chinacourt.org/article/detail/2015/12/id/1759918.shtml> (accessed 10 June 2017). (In Chinese).
3. *Wang Zhipeng. On the Punishment of «Confiscation» in Criminal Law of Ancient China*. Available at: <http://www.doc88.com/p-9495600777671.html> (accessed 20 July 2017). (In Chinese).
4. Ma Dengmin, Xu Anzhu. *Research on the Property-Oriented Punishment*. Beijing: Zhongguo jiancha chubanshe, 2004. 435 p. (In Chinese).
5. Korobeev A.I., Long Changhai. *Sostav prestupleniya v doktrine ugovnogo prava Kitaya i Rossii: komparativistskoe issledovanie* [Corpus Delicti in the Doctrine of Criminal Law of China and Russia: Comparative Study]. Moscow, 2013. 184 p. (In Russian).
6. Rybakov V.M., transl. *Ugolovnyye ustanovleniya Tan s razyasneniyami* [Tang Code with comments]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VII/640-660/Tan_ug_Zakon_3/frameset1.htm (accessed 17 July 2017). (In Russian).
7. Yao Bei. *Research on Confiscation of Property*. Beijing: Zhongguo zhengfadaxue chubanshe, 2011. 263 p. (In Chinese).
8. Komissarov V.S., Korobeev A.I., He Binsun, eds. *Uchenie o sostave prestupleniya v ugovnom prave Rossii i Kitaya: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Studies on the

Corpus Delicti in Criminal Law of Russia and China: comparative legal analysis]. St. Petersburg: R. Aslanov's Publ. «Legal Center Press», 2009. 549 p. (In Russian).

9. Meliksetov A. V., ed. *Istoriya Kitaya: uchebnik* [History of China: Manual]. 2nd ed., corrected and amended. Moscow: MGU Publ., Vysshaya shkola Publ., 2002. 736 p. (In Russian).

10. Mao Xingqin. *Research on the Special Procedure of Confiscation of Illegal Gains*. Beijing: Zhongguo jiancha chubanshe, 2014. 262 p. (In Chinese).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт (Charles R. Irish), директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Журилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг (Nohyoung Park), декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почётный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен (Kuen-chen FU), профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President of Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

◆
**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный и общественно-политический
журнал**

**2017
№ 2–3**

Главный редактор
В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия
Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков (зам. гл. ред.), С.Д. Князев, А.И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск
В.В. Короченцев

Редактор *Т.Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*
Редактор References *Т.В. Поликарпова*
Компьютерная вёрстка *С.А. Прудкогляд*

Подписано в печать 28.03.2017 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 16,61.
Тираж 500 экз.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Издательстве
Дальневосточного федерального университета
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10